

Митрополитъ
Петръ

Святитель Алексій
Митрополитъ Московскій
и всѧ Руси

Митрополитъ
Иона

Созижаð
церквѹ мою,
и враты ѹдѡвѹ
не ѹдолбюþтъ єи.
(Ев. Ил. XVI, 18)

Аще же в церквѹ
преслѣдѧетъ,
бѹди тебѣ га́ко-
же газычникъ
и мытарь.
(Ев. Ил. КЩ, 17)

Пéтръ и
Апли ѹвша:
повиновати-
ся подобаетъ
Бгови поче,
нежели челе-
вѣкимъ.
(Дѣлъ. Ап.
5г 29 ст.)

1912

Декабрь.

12

Митрополитъ

Иоанн Постникъ

Патриархъ Святій

ГОЛОСЬ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1912 г. Декабрь.



МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
остоженка, савеловскій пер., соб. д.
1912.



С О Д Е Р Ж А Н И Е.

О Т Д ІЛ Ъ П ЕР В Й Й.

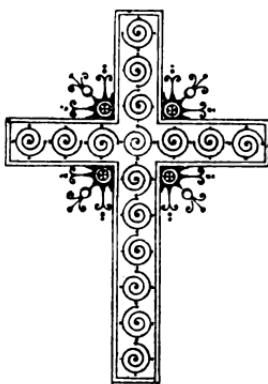
	<i>Стран.</i>
1. Высочайший рескриптъ, данный на имя преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго Владимира	I—II
2. Высокопреосвященный Владимирий, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.— <i>П. Айвазовъ</i>	III—XVIII
3. Отъ редакціи	III—IV
4. О трудѣ и собственности.— <i>Владиміръ</i> , Митрополитъ Московскій	5— 18
5. Притча о званныхъ на вечерѣ.— <i>Василий</i> , Епископъ Можайскій	19— 35
6. Духовный дневникъ.—Архимандритъ <i>Арсений</i>	36— 42
7. Свѣточіи Православной Христовой Церкви.—Избралъ <i>М. Новоселовъ</i>	43— 48
8. Послушаніе.— <i>В. Г.</i>	49— 51
9. У Пречистой въ Ченстоховѣ въ Вильнѣ.—Докторъ СПБ. Дух. Акад. <i>В. III.</i>	52— 62
10. Душевныя страсти.—Еромонахъ <i>Николай</i>	63— 94
11. Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ.—Докторъ <i>В. Николаевъ</i>	95—118
12. Критический обзоръ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ.— <i>К. Меркурьевъ</i>	119—134

О Т Д ІЛ Ъ В Т О Р О Й.

13. Плачъ на кончину патріарха Іоакима III.— <i>Антоній</i> , Архієпископъ Волынскій	135—140
14. Митрополитъ Платонъ.—Священ. <i>Дм. Дмитревъ</i>	141—156
15. Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.— <i>П. Айвазовъ</i>	157—190
16. Церковная хроника.—Мароо-Маріинская Обитель Мислосердія въ Москвѣ.— <i>П. Айвазовъ</i>	191—196
17. Некрологъ.— <i>П. А.</i>	197—198
18. Политическое обозрѣніе.— <i>Н. М—скій</i>	199—201
19. Бібліографія	202—203
20. Опечатки	—
21. Объявленія	204—206



При этомъ № разсылается „Переводъ по почтѣ“ для пересылки въ редакцію „Голоса Церкви“ подписаныхъ денегъ за 1913 годъ.



Высочайший рескриптъ.

Петербургъ, 23 ноября. Высочайший рескриптъ, данный на имя преосвященнаго **митрополита С.-Петербургскаго Владимира**:

„Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Владимиръ! Многолѣтіе служенія вашего одухотворено святою ревнѣстю о славѣ и величіи Православной Церкви и исполнено непрестанныхъ попеченій о духовномъ преуспѣяніи паства, ввѣренной вашему водительству, многоразлично было дѣланіе ваше на нивѣ Господней, разностороненъ архипастырскій опытъ вашъ. Преемственно проходя святительское служение въ епархіяхъ Новгородской и Самарской, въ грунскомъ экзархатѣ и на каѳедрѣ Московской, вы изучили господствующія теченія религіозной жизни и духовныя нужды православнаго населенія въ различныхъ частяхъ Имперіи. Въ званіи предсѣдателя общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и православнаго миссіонерскаго общества, содѣйствуя успѣху православной миссіи среди многочисленныхъ населяющихъ

окраины нашего отечества и нородцевъ, вы заботились и заботитесь о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ духѣ вѣры православной и преданности Россіи ихъ подростающихъ поколѣній. Справедливо оцѣнивая воспитательное значеніе строго православныхъ преданій священной старины, вы тщательно соблюдаете и укрѣпляете сохранившіеся подъ сѣнью святынь московскихъ высокіе образцы древнеуставной иноческой жизни и богослужебнаго чина. Примѣромъ собственной жизни вы и подвѣдомое вамъ духовенство ведете по спасительному пути воздержанія. Во вниманіе къ вашему архипастырскому опыту вы постоянно призывались и призываитесь къ участію въ трудахъ Св. Сѵнода по разработкѣ и по разрѣшенію возникавшихъ за послѣднее время церковныхъ задачъ и запросовъ. Озабочиваясь нынѣ, за послѣдовавшей кончиной преосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго Антонія, замѣщениемъ вдовствующей каѳедры царствующаго города, Я признаю справедливымъ призвать васъ на сію каѳедру въ званіи первенствующаго члена Святѣйшаго Сѵнода. Храню твердое упованіе, что и въ новомъ званіи вы съ неослабѣвающею ревнотью не перестанете трудиться на благо паствы вашей, на славу и возвеличіваніе святой Православной Церкви. Всевышній же да ниспошлетъ вамъ Свою благодатную помощь къ совершенію предлежащаго вамъ многотруднаго святытельского служенія.

„Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„НИКОЛАЙ“.

Данъ въ Царскому Селѣ.
23 ноября 1912 г.



Владимір Митрополитъ С.-Петербургскій.

Высокопреосвященныи Владимиrъ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Высокопреосвященныи **Владимиrъ**, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, въ мірѣ Василій Никифоровичъ Богоявленскій, сынъ священника села Малой Моршки, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ., родился 2 января 1848 г. Пройдя низшую и среднюю духовную школу въ родной епархіи, Онъ поступилъ въ Киевскую Духовную Академію, которую и окончилъ блестяще (магистрантомъ) въ 1874 г. Въ томъ-же году Онъ былъ опредѣленъ на должность преподавателя гомилетики и соединенныхъ съ нею предметовъ въ Тамбовскую Дух. Семинарію, а затѣмъ, согласно прошенію, перемѣщенъ на должность преподавателя Св. Писанія (1875 г. 26 мая). Одновременно Онъ преподавалъ въ семинаріи нѣмецкій языкъ, въ епарх. женск. училищѣ и въ женской гимназіи географію. Женившись, Онъ оставилъ учебную службу и былъ рукоположенъ во священника къ Покровской Соборной г. Козлова церкви въ 1882 г. янв. 31-го, и въ этомъ же году былъ избранъ депутатомъ Козловскаго духовенства на епархіальный съездъ. Въ 1883 г. былъ назначенъ благочиннымъ Козловскихъ городскихъ церквей, а затѣмъ перемѣщенъ изъ собора въ настоятели Троицкой церкви. Здѣсь у Него и умерла горячо любимая жена и единственный ребенокъ. И о. Василій рѣшилъ отдать всего себя на служеніе Церкви. 8 февраля 1886 г. Онъ принялъ ино-

ческій постригъ съ именемъ Владимира и указомъ Св. Сѵнода опредѣленъ быль на должностъ настоятеля Козловскаго Троицкаго третьекласснаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ м. октябрѣ 6-го указомъ Св. Сѵнода переведенъ настоятелемъ въ Новгородскій Антоніевъ второклассный монастырь, съ опредѣленіемъ членомъ Новгородской Дух. Консисторіи. Въ 1888 г. 21 мая Высочайше назначенъ епископомъ Старорусскимъ, причемъ хиротонисанъ во епископа митрополитомъ Исидоромъ въ С.-Петербургѣ, въ Св.-Троицкомъ Соборѣ Александро-Невской Лавры, въ 1888 г. іюня 13-го. Въ 1891 г. января 19-го назначенъ епископомъ Самарскимъ. Именнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указомъ въ 1892 г. октября 18-го назначенъ архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, экзархомъ Грузіи, съ званіемъ члена Св. Сѵнода. Въ 1898 г. февраля 21-го Именнымъ Высочайшимъ Указомъ назначенъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, откуда Высочайшимъ Рескриптомъ и призванъ на каѳедру С.-Петербургскаго Митрополита.

Если посмотримъ на пережитое Петербургскимъ Митрополитомъ Владимиromъ, то невольно скажемъ словами Псалмопѣвца: „Блаженъ всякий боящійся Господа, ходящій путями Его“ (пс. 127, 1). Выйдя изъ скромной и богооязненной семьи сельского священника, пройдя, съ большими материальными лишеніями, всю духовную школу, кончая вершинами ея, тихій и съ большимъ религіознымъ закаломъ молодой Василій Богоявленскій съ жаромъ отдается преподаванію въ родной семинаріи богословскихъ предметовъ. И доселъ питомцы Василія Богоявленскаго, сами уже закаленные жизнью, ублѣленные сѣдинами, съ особой отрадой

вспоминаютъ полные рѣдкой душевности и горячей любви къ Церкви „уроки Богоявленского“. Намъ лично въ дебряхъ Тамбовской епархіи, во время бесѣдъ съ священниками о старомъ семинарскомъ житьѣ, не разъ приходилось слышать слова: „а вотъ у Богоявленского на урокахъ прямо *душой* отдыхали. Требовалъ то онъ строго, чтобы знали предметъ,—да все ~~такъ~~го выходило какъ-то по семейному, будто дома отецъ наказъ тебѣ читаетъ!“ Но вотъ Василій Богоявленскій мѣняетъ школу на приходъ. Онъ уже *отецъ Василій*. И на этомъ новомъ поприщѣ его душевныя стремленія сказываются уже шире. Обитатели г. Козлова доселѣ не забыли „хорошаго батюшку“, горячее проповѣдническое слово котораго сжигало ихъ сердца, отторгало ихъ отъ коммерческаго засилья въ небесную высь и неустанно напоминало, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будеть человѣкъ“... Самъ рѣдкій семьянинъ, о. Василій особенно ратовалъ противъ всѣхъ модныхъ теченій, разрушающихъ святорусскій бытъ семьи, и не одна семья, благодаря его рѣчамъ, сохранила свои церковные отеческіе устои.

Скоро и Козловское духовенство полюбило своего новаго собрата и сослуживца и надѣлило его почетнымъ избраніемъ въ свои депутаты на съезды духовенства окружные и епархіальные. Ставъ благочиннымъ, о. Василій былъ „истиннымъ отцомъ, а не бичемъ“ для Козловскаго духовенства. Снискавъ общую любовь, о. Василій въ ней нашелъ для себя и утѣху отъ тяжкаго горя—потери жены и ребенка. И во имя этой любви онъ отдаетъ всего себя на служеніе ей, принимая иноческій постригъ, съ именемъ Владимира. Сдѣлавшись епископомъ Старорусскимъ, преосвященный Владмиръ проявилъ рѣдкую отзывчивость на всѣ духовныя и материальныя нужды своей паствы и подвѣдомаго ему

духовенства. Его простота въ обращеніи, его общедоступность, не знавшая „пріемныхъ часовъ“, его любовь къ церковной уставности и учительности, его неустанная проповѣдь, — все это скоро приковало къ нему сердца Новгородской паствы и ея пастырей. И доселѣ Новгородцы помнятъ „славнаго Владыку Старорусскаго Владимира“. Но вотъ Владыка Владимира и епархіальнымъ епископомъ Самарскимъ. Здѣсь уже онъ могъ проявить свой внутренній обликъ въ большей мѣрѣ. И мы приходимъ въ искреннее умиленіе, созерцая его Архипастырскую дѣятельность въ Самарской епархіи. Коротка она была, менѣе двухъ лѣтъ, но какъ обильна, плодотворна и поучительна! Повсюду въ храмахъ раздалась живая проповѣдь, открылись внѣбогослужебныя бесѣды, въ коихъ принималъ участіе самъ Владыка, любившій особенно самъ читать акаѳистъ за молебствіемъ послѣ вечерни, каковою службою предварялись бесѣды. Народъ „валомъ валилъ на Владыкины бесѣды“, — вспоминаютъ самарцы славное время святительства у нихъ преосвященнаго Владимира. Полная разныхъ сектъ Самарская епархія привела преосвященнаго Владимира къ мысли усилить здѣсь миссію. Съ этою цѣлью Онъ самъ открывалъ миссіонерскія бесѣды, лично принималъ въ нихъ горячее участіе, основалъ въ Самарѣ Алексіевское религіозно-просвѣтительное братство, завелъ духовныя чтенія въ мѣстной семинаріи и въ городѣ. Думъ. Уставность и благолѣпіе церковныхъ службъ и общенородное пѣніе были предметомъ усиленныхъ заботъ Архипастыря. Богослуженіе было его стихіей. Онъ постоянно служилъ, посѣщая различные особенно окраинные храмы. Народъ стекался массами и Владыка самъ всѣхъ поочередно благословлялъ, получая всѣхъ и каждого архипастырскимъ словомъ. Духовенство, духовно-учебныя заведенія и особенно цер-

ковно-приходскія школы имѣли въ преосвященномъ Владімірѣ своего истиннаго печальника и благодѣтеля. Но особенно памятенъ Архипастырь Самарцамъ, какъ Ангелъ-Утѣшитель своей паствы во время постигшихъ ее двухъ стихійныхъ бѣдствій: голода и холеры.

При монастыряхъ, церквяхъ и другихъ церковныхъ учрежденіяхъ повсюду въ епархіи Онъ открылъ столо- выя и чайныя для бѣдняковъ, организовалъ для руководства всей благотворительной дѣятельностью епархі- альный комитетъ съ его отдѣлами по епархіи, словомъ и дѣломъ располагалъ всѣхъ къ жертвамъ голодающимъ. И все запечатлѣвалъ церковною молитвою: крестными ходами, всенародными молебствіями.

За голодомъ пришла злая гостья — холера. Тысячи жертвъ она пожирала. Всеобщее уныніе, растерянность, паника!.. И вотъ преосвященный Владіміръ всюду, въ мѣстахъ разгара холерной эпидеміи, появляется самъ: то Онъ посѣщаетъ мѣста скопленія больныхъ и обод- ряетъ, и утѣшаетъ ихъ словомъ, согрѣваетъ ихъ Ар- хипастырскою любовью и молитвою, то Онъ служитъ панихиды на холерномъ кладбищѣ надъ гробами умер- шихъ отъ холеры, то онъ на окраинахъ города, гдѣ свирѣпствуетъ среди бѣдноты холера, служить об- щественныя молебствія обѣ избавленіи отъ страш- ной болѣзни и словомъ утѣшенія бодрить народ- ныя массы, рекомендуя имъ и разныя мѣры предосто- рожности отъ заболѣванія. За Архипастыремъ пошло и рядовое духовенство и лучшіе пасомые. Эпидемія ослабѣла и, наконецъ, прекратилась. И когда Владыка прощался со своею Самарскою паствою, переходя на служеніе въ далекую Грузію, — самарцы, и паства и пастыри, съ рѣдкою сердечностью провожали своего „отца-кормильца“, съ которымъ они прожили хотя и мало, но пережили много. Много было пролито слезъ

при прощаньи. И, когда, по свидѣтельству Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей, раздались послѣдніе прощальные звуки Самарскихъ колоколовъ, въ епархіальномъ женскомъ училищѣ поднялся массовый плачъ воспитанницъ, что ярко показало, какую любовь снискалъ преосвященный Владиміръ въ семьяхъ Самарского духовенства.

Но вотъ Владыка и экзархомъ Грузіи. Пять лѣтъ онъ пробылъ ея Архипастыремъ. И здѣсь, съ его пріѣздомъ, появилась живая проповѣдь за богослуженіемъ, открылись вѣбогослужебныя собесѣданія. Самъ Архипастырь, несмотря на чисто Кавказское бездорожье, усиленно разъѣзжалъ по Кавказскимъ дебрямъ, самъ лично вникалъ во всѣ духовныя и материальныя нужды своей многочисленной и разноплеменной паствы и ея пастырей. Онъ возобновилъ и построилъ здѣсь болѣе 100 храмовъ, возобновилъ знаменитый Мцхетскій соборъ, Сажарскій и Самейскій монастыри, и другие памятники церковной Иверской старины, устроилъ духовную семинарію въ Кутаисѣ, открылъ болѣе 300 церковно-приходскихъ школъ, завелъ при церквяхъ и школахъ библиотеки, учредилъ спеціально-миссіонерское Епархіальное духовно-просвѣтительное братство для борьбы съ многочисленными здѣсь сектами, оживилъ дѣятельность „Общества возстановленія православнаго христианства на Кавказѣ“. Въ разгаръ холеры на Кавказѣ Владыка воспроизвелъ здѣсь картины своей евангельской дѣятельности на пользу ближнихъ въ Самарѣ. И когда ему пришлось переходить на новое мѣсто служенія, вся его Кавказская паства, во главѣ съ своими пастырями, безъ различія національностей, съ рѣдкимъ единодушіемъ и горячей любовью провожала своего Архипастыря. И самъ Архипастырь, въ отвѣтъ на трогательную любовь своей паствы и ея пастырей, сказалъ при прощаніи: „за все время пребыванія у васъ

жизнь моя текла ровно, спокойно, безмятежно. По крайней мѣрѣ, я не могу припомнить ни одной ссоры, ни одного столкновенія, такъ что во все это времѣни разу не заходило солнце во гнѣвъ моемъ". И възвѣтъ будущимъ пастырямъ, питомцамъ Тифлѣской семинаріи, Владыка, при прощаніи, оставилъ слова: „пастыри Церкви первѣе всего должны учить свою пастыту, и учить не однимъ словомъ, но и дѣломъ—добрѣмъ житіемъ, личнымъ примѣромъ; одни сухія поученія мало назидаютъ и мало привлекаютъ къ добру". И самъ Владыка дѣйствительно являлъ образъ стаду своему не только вѣрою, но и житіемъ своимъ. Когда опредѣлилось, что Онъ назначенъ на каѳедру великихъ святителей Московскихъ,—Петербургскій Митрополитъ Антоній писалъ въ Казань ректору духовной Академіи, нынѣ архіепископу Волынскому Антонію: „назначенъ на Московскую каѳедру новый, сравнительно молодой митрополитъ Владимиръ. Это назначеніе Москва, вѣроятно, встрѣтитъ не безъ нѣкотораго недоумѣнія; но если Господь приведетъ митрополита Владимира прожить тамъ долго, то *его чистая душа, его безукоризненная жизнь и ревность о Церкви* стяжаютъ ему постепенно такой же авторитетъ въ Москвѣ, какимъ пользовался тамъ митрополитъ Филаретъ".

Въ Мартѣ 1898 г. первопрестольная Москва, съ затаеннымъ, отъ неизвѣстности, сердцемъ встрѣчала новаго своего Архипастыря Митрополита Московскаго Владимира. Съ тѣхъ поръ прошло почти 15 лѣтъ. Лучшіе годы своей Архипастырской службы Митрополитъ Владимира отдалъ сердцу Россіи—Москвѣ. И что это были за годы!... Послѣдняя половина ихъ была сплошнымъ и тяжелымъ воинствованіемъ за Церковь Божью, за „**строго-православныя преданія священной старины**“. Владыка прозорливъ окомъ и любящимъ Церковь и Родину сердцемъ

сразу оцѣнилъ тяжесть предстоящаго ему подвига и началъ систематически выполнять его. И вотъ Москва увидѣла дивныя картины Архипастырского строительства во благо Церкви, Царя и Родины. Прежде всего въ Москвѣ и въ епархіи была введена и оживлена церковная проповѣдь, открыты для народа послѣ вѣчерень съ молебствіями и акаѳистами вѣбогослужебныя собесѣданія съ раздачею религіозно-назидательныхъ брошюръ, заведены особыя религіозно-просвѣтильныя и назидательныя чтенія для народа, для дѣтей улицы, для учащихся низшихъ и среднихъ школъ, спеціальная чтенія для фабричныхъ рабочихъ въ народныхъ домахъ и публичныя богословскія чтенія для интеллигенціи. Высоко цѣня спеціальную міссію въ Церкви, имѣющу цѣлью борьбу съ расколомъ, сектами, соціализмомъ и атеизмомъ, Владыка открываетъ четыре должности епархіальныхъ міссіонеровъ, заводитъ спеціальныя міссіонерскія бесѣды съ отщепенцами отъ Церкви, открываетъ многочисленные народно-міссіонерскіе курсы, выращивая ихъ изъ колыбели для этихъ курсовъ въ зданіи Преображенской въ Москвѣ церковно-приходской школы, куда на курсы онъ Самъ пріѣзжаетъ и до 11 час. ночи провѣряетъ успѣхи курсистовъ изъ фабричныхъ рабочихъ, насаждаетъ церковно-народные хоры, учреждаетъ: міссіонерское Братство во имя Воскресенія Христова и его Отдѣлы въ епархіи, спеціальный Московскій Епархіальный Міссіонерскій Совѣтъ, Братство святителя Алексія при Чудовомъ монастырѣ, расширяетъ дѣятельность противораскольничьяго Братства святителя Петра, открываетъ ежегодные епархіальные міссіонерскіе курсы для духовенства епархіи. Съ цѣлью парализовать натискъ сектантства на высшія учебныя заведенія Владыка учреждаетъ „Златоустовскій религіозно-философскій

кружокъ учащихся" и „Женскіе богословскіе курсы". Развитіе сектантства въ Россіи привело Владыку къ мысли о насущной потребности приспособить и нашу высшую духовную школу къ служенію Православной міссії. И вотъ Онъ съ 1907 года усиленно заботится объ открытии въ Московской Духовной Академіи специальной каѳедры по „Исторіи и Обличенію сектантства". Заботы Владыки увѣнчиваются успѣхомъ и такія каѳедры открыты теперь во всѣхъ духовныхъ академіяхъ, что составляетъ величайшую заслугу Московскаго Митрополита Владимира предъ Церковью. Не оставлялъ своимъ попеченіемъ Владыка и нуждъ миссіи инородческой, развивая и укрѣпляя дѣятельность „Православнаго Міссионерскаго Общества", открывъ и окормляя при Чудовомъ монастырѣ „Отдѣлъ Камчатскаго Братства".

Духовная школа имѣла во Владыкѣ по-истинѣ своего отца. Онъ часто посѣщалъ духовно-учебныя заведенія, заботился и объ ихъ материальномъ благополучії. Такъ, онъ устроилъ зданія для Перервинскаго духовнаго училища, переустроилъ зданія духовныхъ училищъ Заиконоспасскаго и Донскаго, а также и женскаго Филаретовскаго, открылъ третье женское епархіальное училище при Московскому Скорбященскому монастырѣ, построилъ домъ для квартиръ преподавателей Московской духовной семинаріи, образовалъ особый духовно-учебный капиталъ и пр... Особою любовью согрѣвава церковно-приходскую школу, Владыка устраивалъ курсы для учительскаго персонала этихъ школъ, всѣми мѣрами улучшалъ ихъ материальный бытъ и пр. Преподаваніе Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ всегда было близко сердцу Владыки и онъ созывалъ съѣзды законоучителей для обсужденія насущныхъ нуждъ по данному предмету. Кто бывалъ въ

Москвѣ, тотъ невольно обращалъ свой взоръ на сильно развитую здѣсь и въ епархіи борьбу Церкви съ народнымъ пьянствомъ. „Московское Епархіальное Общество борьбы съ пьянствомъ“, его многочисленные отдѣлы, его издательская журнальная и другого вида дѣятельность,—наконецъ, всѣмъ извѣстный первый подъ кровомъ Церкви Всероссійскій съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ, потребовавшій не мало средствъ и всякихъ заботъ,—все это плодъ исключительныхъ трудовъ и заботъ Высокопреосвященаго Владимира, который вложилъ въ это дѣло столько инициативы, личныхъ трудовъ—литературныхъ, организаторскихъ и лекторскихъ, а также и материальныхъ средствъ, что невольно приходишь въ священный трепетъ при видѣ этой стройной и громадной работы, запечатлѣнной характеромъ истиннаго *подвига* въ борьбѣ за *Трезвую Русь*,—я говорю *подвига*, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ *подвигомъ* абсолютнаго воздержанія Митрополита Владимира отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, что служитъ главнымъ факторомъ вдохновенной работы и Московскаго духовенства на нивѣ отрезвленія народа. Не забылъ святитель и тѣлесной нужды своей паствы. При немъ открылось много благотворительныхъ обществъ, богоадѣленъ, пріютовъ и пр... Личная же благотворительность Архипастыря въдома всей Москвѣ и далеко за ея предѣлами, и лишь чувство поразительной въ этомъ отношеніи скромности Владыки не дозволяетъ и намъ касаться этой интимнѣйшей и святѣйшей черты его евангельской души. Постоянной заботой Владыки было создать единеніе паствы съ пастырями на основахъ истинной православной церковности, въ духѣ „строго-православныхъ преданій священной старины“. Съ этой цѣлью Онъ благословилъ открытие „Братства святы-

телей Московскихъ", гдѣ паства единиласъ-бы съ пастырями въ мысляхъ и душевныхъ переживаніяхъ по поводу общихъ имъ церковно-общественныхъ вопросовъ и событій. Это „Братство“ нашло и пріютъ для себя въ обители Владыки—Чудомъ монастырѣ, и всегда встрѣчало отъ своего Архипастыря любовь и попеченіе. Духовенство Московской епархіи при Владыкѣ, какъ никогда до него, получило полную возможность братскихъ собраній и единенія для совмѣстнаго служенія Церкви. Вся эта стройная, сложная и многообразная дѣятельность, всѣ эти многочисленныя учрежденія съ ихъ книжными складами, канцеляріями, библіотеками, засѣданіями, собраніями и пр... и пр...—нуждались въ огромномъ центральномъ помѣщеніи. И вотъ стараніями Владыки выростаетъ въ центрѣ Москвы колоссальный Епархіальный Домъ и при немъ прекрасная церковь святаго князя Владимира. Значеніе этого дома прекрасно очерчено въ докладѣ предсѣдателя строительной комиссіи: „мы увѣрены, писалъ онъ, что храмъ св. просвѣтителя Руси и домъ, находящійся подъ благодатнымъ его осѣненіемъ, получатъ весьма важное миссіонерское значеніе, когда всѣ силы Московского духовенства сплотятся для дружной дѣятельности на нивѣ Божіей. Непрочны и невѣчны дѣла рукъ человѣческихъ. Пройдутъ годы, и этотъ, такъ, повидимому, капитально устроенный, домъ обветшаетъ. Но не умретъ, вѣчно будетъ жить мысль, положенная Вашимъ Высоко-преосвященствомъ въ основаніе сего зданія. Хотя домъ съ вѣками и обветшаетъ, но на его мѣстѣ возстанетъ новый, будетъ всегда жить онъ кипучею просвѣтительною жизнью, и дверь его не закроется для православнаго русскаго народа, пока стоитъ на землѣ святая Церковь Христова“. Печатное слово въ наше время пріобрѣло колоссальную силу. Оно и мертвить, но оно

можетъ и живить человѣка и цѣлые народы. Владыка прекрасно это сознавалъ. Онъ видѣлъ, что мертвяще печатное слово небывало растетъ въ Россіи, а живо-творящее лишь кой-гдѣ журчитъ. И вотъ Онъ самъ выступаетъ на литературную ниву. Онъ съ поразительною литературной плодовитостью откликается въ печатномъ словѣ на всѣ животрепещущіе вопросы нашего времени: вопросы соціальные, государства, общества, семьи, личности, вопросы богатыхъ и бѣдныхъ, рабочихъ и работодателей, труда и капитала, вопросы религіи и морали, вѣры и науки, вѣры и невѣрія, вопросы трезвости, церковной дисциплины и проч..., и проч...—все это находитъ для себя разрѣшеніе въ печатномъ словѣ Владыки, и это слово онъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ издаетъ и раздаетъ бесплатно народной массѣ, рабочимъ, учащимся, пастырямъ и др... Колossalнымъ успѣхомъ пользуются особенно слѣдующія сочиненія и литературные труды Высокопреосвященнаго Владимира: „Вечернія собесѣданія между крестьяниномъ, фабричнымъ, рабочимъ и священникомъ“ (это изданіе единственное въ нашей литературѣ; по содержанію оно захватываетъ читателя, по изложенію художественно и просто), „Наука и Религія“, „Доказательства бытія Бога“, „Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ“ (этимъ изданіемъ зачитывается трудящійся людъ; оно весьма полезно и для нашихъ законосоставителей), „О труде и собственности“, „Къ богатымъ и бѣднымъ“, „Къ рабочимъ“, „О рабочемъ вопросѣ“, „Соціальная задача семьи“, „Наша пастырская задача въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей“, „Противъ соціалъ-демократіи“ (перев. соч. Флайшмана), „О соціализмѣ“, „Работа въ свѣтѣ материализма и христіанства“, „Невѣріе книжниковъ и фарисеевъ древняго и нашего времени“, „Юношамъ“, Бесѣда

Іисуса Христа съ Никодимомъ“, „Пастырскія бесѣды съ дѣтьми“, „Слово на день Св. Пасхи“, „Слово на 3-й день Пасхи“, „О правѣ церковнаго отлученія или анаематствованія“, „Бесѣда на 7 словъ Спасителя со Креста“, „Алкоголь и его опасности“, „Архипастырскій призывъ духовенства и общества къ борьбѣ съ пьянствомъ“, „Какъ и въ чемъ русская женщина можетъ проявить свое участіе въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ“ и мн. другія. Но особенною любовью всѣхъ, безъ различія возраста и образованія, пользуется сочиненіе Владыки: „Евангеліе дѣтства“. О немъ, между прочимъ, небезызвѣстный писатель А. Папковъ пишетъ: „идея представить нѣкоторые евангельскіе эпизоды въ свѣтѣ, доступномъ для дѣтскаго пониманія, является, безъ сомнѣнія, идеей весьма симпатичной и полезной... Этимъ хорошимъ проповѣдямъ („Евангелію дѣтства“) Московскаго Митрополита Владимира, заключаетъ свой отзывъ г. Папковъ, слѣдовало-бы дать широкое распространеніе въ нашихъ школахъ“ („Гол. Моск.“ 9 авг. 1912 г.). Дѣйствительно, „Евангеліе дѣтства“—это единственное въ такомъ родѣ изданіе и весьма цѣнное въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей и вообще семьи. По изложенію оно прямо художественное произведеніе, а по содержанію и параллелямъ увлекательное и глубоко-назидательное. Непрестанно издавая свои труды для бесплатной раздачи народу, Владыка печаталъ свои произведенія и во многихъ церковныхъ изданіяхъ. Но вотъ въ концѣ 1911 года Онъ пришелъ къ мысли о необходимости основать специальный церковно-общественный журналъ, въ которомъ бы и пастыри и паства духовно общались, и чрезъ который религіозно назидались бы и укрѣплялись въ преданности и самоотверженномъ служеніи „строго - православнымъ преданіямъ священной старины“.

Такъ возникла у Владыки мысль открыть журналъ „Голосъ Церкви“, который и началъ свою дѣятельность съ 1912 года подъ кровомъ обители святителя Алексія. Прошелъ журнальный годъ. „Голосъ Церкви“ окрѣпъ, возмужалъ. Вокругъ него сгруппировалась большая духовная семья сотрудниковъ и читателей. Журналъ заслужилъ лестные отзывы старшихъ, по времени, изданій, какъ изъ міра духовной прессы, такъ и свѣтской. Въ „Голосъ Москвы“, напримѣръ, писали: „новый московскій журналъ „Голосъ Церкви“ является, по своему разнообразному содержанію, несомнѣнно, журналомъ интереснымъ и отзывчивымъ на современные церковные запросы и нужды“ (№ 9 Авг. 1912 г.). И этотъ-то интересъ къ журналу, въ большей части, несомнѣнно, создалъ своими въ немъ трудами самъ іниціаторъ, покровитель, попечитель и вдохновитель журнала Высокопреосвященный Владиміръ, который печаталъ въ каждомъ № журнала свои труды по самымъ жгучимъ вопросамъ Церкви и Общества.

Если посмотримъ на всю эту колоссальную работу святителя митрополита Владимира въ Москвѣ за 15 лѣтъ, если пріймемъ во вниманіе, что Онъ постоянно разъѣзжалъ по епархіи, всюду служилъ, самъ читалъ доклады, открывалъ разныя церковныя братства и проч..., а въ Москвѣ не было такой окраины, где бы Онъ самъ не выступалъ предъ народомъ и молитвенникомъ на богослуженіяхъ, и проповѣдникомъ, и лекторомъ, и курсовымъ учителемъ и т. д., да притомъ еще на Немъ лежала громада административныхъ дѣлъ по епархіи и внѣепархіальныхъ, по членству въ Св. Сѵнодѣ, то невольно спросимъ: когда же святитель отдыхалъ? когда Онъ просто спалъ?.. И на это всѣ, знающіе его жизненный бытъ, скажутъ: Онъ былъ поразительнымъ аскетомъ и въ покоѣ, и въ снѣ! Онъ не зналъ „лѣтняго отдыха“,

Онъ не зналъ „послѣпрѣемныхъ долгихъ часовъ“... Круглый годъ Онъ былъ на дѣлѣ. Ежедневно Онъ вставалъ слишкомъ раннимъ утромъ, ложился въ полночь, а то и позже. Принималъ по дѣламъ съ 9 ч. утра и до глубокаго вечера, съ перерывомъ лишь для обѣда и получасового отдыха. Вся жизнь его — это сплошной трудъ,—трудъ на пользу Церкви и Родины. И если Онъ не паль физически подъ тяжкой трудовой ношей, то только потому, что Господь хранить ходящихъ путями Его. А трудовая ноша митрополита Владимира, особенно за послѣднія восемь лѣтъ Его святительства въ Москвѣ, была дѣйствительно тяжела и страшно тяжела. Вся кошмарная государственная разруха—эпоха пресловутаго „освобожденія“, и вслѣдъ за нею, по ея указкѣ, поднявшаяся въ самыхъ нѣдрахъ Церкви не менѣе кошмарная волна губительного „обновленія“,—пали на плечи святителя въ сердцѣ Россіи митрополита Владимира. Требовалась по-истинѣ гранитная и беззавѣтная преданность **„строго-православнымъ преданіямъ священной старины“**, чтобы устоять и не только устоять, но и съ рѣдкою духовною отвагою отражать натискъ на церковно-государственный корабль бѣшено мятущихся и яростно ревущихъ волнъ государственной и церковной смуты. Были моменты, когда казалось, что „все уже кончено“, что Святая Русь скрылась въ пучинѣ морской... Но спадали, разбиваясь о Московскую Церковную скалу, крамольныя волны и Святая Русь видѣла, что крѣпко держитъ Московскій Святитель священное старо-русское знамя Святой Руси и подъ сѣнь этого знамени снова и снова, разсѣянная, было, крамолою, стекалась Святая Русь и крамола, обезсилѣвъ, ушла въ морскія глубины, въ ожиданіи „лучшихъ дней“... Эту работу духовнаго титана—митрополита Владимира видѣла вся Святая Русь. И сердцемъ

своимъ она лобызала святителя—подвижника за Церковь, Царя и Родину. Москва же православная связала себя узами истиннаго сыновства съ Архипастыремъ—Отцомъ, и ей казалось, что эти узы будут неразрывны. И вотъ нежданная вѣсть о переводе Митрополита Владимира въ Петербургъ. Точно громъ удрилъ сквозь зимнюю стужу. Но „кто позналъ умъ Господень? кто былъ совѣтникомъ Ему?.. Непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!..“ Отъ Москвы взята новая жертва на алтарь Церкви и Отечества. Значитъ, такова воля Божія! И Москва, осиротѣлая Москва, скорбя за себя, радуется за счастье и благо-денствіе всей Русской Церкви, которая велѣніемъ Царя Сердца получила достойнѣйшаго Кормчаго въ лицѣ читимаго всей Православной Россіей Высокопреосвященнаго **Владимира**, отнынѣ Митрополита Петербургскаго. Да укрѣпитъ же Господь силы первоіерарха Русской Церкви Митрополита Владимира, и да нис-пошлетъ на Его святительскую главу, и на Его пути Свое благословеніе. И мы отъ чистаго сердца смиленно приносимъ горячо любимому Архипастырю свой сыновній привѣтъ съ новымъ служеніемъ Его во благо всей Русской Церкви, Царя и Родины.

Редакторъ „Голоса Церкви“ И. Айвазовъ.



Отъ Редакціи.

Настоящею книжкою журналъ „Голосъ Церкви“ заканчиваетъ **первый годъ** своего существованія. Конечно, одинъ годъ жизни толстаго церковно-общественнаго журнала — срокъ слишкомъ короткій для подведенія итоговъ о журналѣ. А для „Голоса Церкви“ и этотъ первый годъ его существованія явился, со стороны издательскихъ плановъ, неполнымъ. По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, объявленія о выходѣ „Голоса Церкви“ могли быть напечатаны только въ м. Январѣ, т.-е. на исходѣ подписного сезона. Весьма сложная работа по оборудованію вѣнчаней стороны изданія журнала, по сплоченію сотрудниковъ журнала и прочія многочисленныя издательскія хлопоты — все это пало, конечно, на первый годъ журнала. Вотъ почему первый годъ и былъ самымъ тяжелымъ для „Голоса Церкви“.

Однако, съ Божьею помощью и по молитвамъ Святителей Московскихъ, покровителей журнала, при благостномъ содѣйствіи Архипастыря Церкви Московской Высокопреосвященнаго Митрополита *Владимира*, „Голосъ Церкви“ блестяще закончилъ первый годъ своего существованія, успѣшно преодолѣвъ всѣ тяготы его. Постоянный составъ *сотрудниковъ* журнала образовался многочисленный и, что особенно важно, вполнѣ гарантированній возможность достиженія журналомъ намѣченныхъ имъ себѣ цѣлей.

На 1913-й годъ этотъ составъ сотрудниковъ пополнился еще новыми высоконаучными силами. Контингентъ читателей журнала своею численностью превзошелъ самыя смѣлые ожиданія Редакціи. Читатели принадлежать не только къ лицамъ духовнаго званія, но во множествѣ и къ разнымъ общественнымъ слоямъ. А это послѣднее и имѣетъ для журнала большое значеніе, въ виду его „Программы“ и цѣлей быть журналомъ „церковно-общественнымъ“.

Многочисленные „отклики читателей“ журнала, получаемые Редакціей, а равно и печатные отзывы о журналь свѣтской и духовной прессы ярко показываютъ, что „Голосъ Церкви“ стоитъ на предназначенномъ имъ себѣ пути „чуждаго компромиссовъ съ любыми стихіями внѣцерковной мысли и жизні“ служенія Церкви.

По этому пути „Голосъ Церкви“ неуклонно будетъ итти и впредь, въ надеждѣ на помощь Божью, на молитвы Святителей Московскихъ, на благостную волю Московскаго Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владимира, и на соработничество единомысленной съ нимъ семьи сотрудниковъ и читателей „Голоса Церкви“.

Редакція.



О труде и собственности*).

Въ потѣ лица твоегѡ снѣси хлѣбъ твої, донде же возвратиши въ землю, отѣ ней же взятъ еси (1 Моис. 3, 19).

Таковъ божественный приговоръ надъ грѣшнымъ человѣческимъ родомъ. Всѣ люди безъ исключенія, какъ вѣрющіе, такъ и невѣрющіе въ истинность Священного Писанія, которое говоритъ намъ объ этомъ приговорѣ, должны безусловно признать, что это дѣйствительно всеобщій законъ, изъ котораго никто не можетъ составлять исключенія. Каждый человѣкъ необходимо должно трудиться и работать или силою своего ума или силою своего тѣла, и только трудомъ онъ можетъ пріобрѣтать себѣ собственность и насущный хлѣбъ. Нечего, поэому, удивляться, если во всѣ времена всѣ вопросы, которые касаются труда и собственности, считались самыми важными и обращали на себя самое серьезное вниманіе. Но никогда эти вопросы не возбуждали такого живого интереса и такихъ жаркихъ споровъ, какъ въ настоящее время. Христіанствомъ они были приведены въ строгій порядокъ, и въ продолженіе многихъ вѣковъ люди вѣрили въ ученіе его относительно этого предмета и были покойны. Съ распространеніемъ же невѣрія въ наше время взгляды на эти вопросы сильно измѣнились, и

^{*)} Рѣчь, произнесенная въ аудиторіи Исторического музея для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы.

все, что относится къ труду и собственности, сейчасъ составляетъ спорный вопросъ между вѣрою и невѣріемъ. Я говорю „вопросъ“, потому что невѣріе все дѣлаетъ вопросомъ; оно дѣлаетъ вопросомъ и то, въ чемъ прежде ни одинъ человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Превратное рѣшеніе этого вопроса о трудахъ и собственности способно поколѣбать весь міръ въ его основаніяхъ, тогда какъ на христіанскомъ ученіи все человѣческое общество, какъ это видимъ мы изъ исторіи, стоитъ твердо и непоколебимо. Думается, что Господь путемъ этихъ превратныхъ ученій о столь жизненныхъ вещахъ и происходящихъ отсюда вредныхъ послѣдствій хочетъ дать понять людямъ, куда ведетъ ихъ отпаденіе отъ Него, дабы они опытно научились искать спасеніе и счастіе тамъ, гдѣ оно есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. въ Его ученіи и въ Его Церкви. И если мы вознамѣрились оживить въ себѣ убѣжденіе, что спасеніе наше единственно въ вѣрѣ, а не въ невѣріи, то мы не должны обходить своимъ вниманіемъ и этихъ вопросовъ о трудахъ и собственности. Поэтому сопоставимъ между собою ученіе вѣры и ученіе невѣрія: 1) относительно труда и 2) относительно собственности.

Въ потѣ лица твоего сныси хлѣбъ твой, такъ гласитъ приговоръ Божій надъ согрѣшившимъ человѣкомъ, приговоръ, который простирается на всѣхъ людей безъ изъятія. Для каждого человѣка трудъ составляетъ необходимость и, такъ какъ мы это дѣлать обязаны, то трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и нашъ долгъ, наша обязанность. Но какъ смотритъ на этотъ долгъ наше невѣріе?

Оно, конечно, не можетъ не признать необходимости труда и работы, но на долгъ этотъ оно смотритъ не какъ на высшій нравственный долгъ, въ исполненіи котораго каждый обязанъ давать отчетъ, но какъ на

долгъ необходимости, котораго нельзя избѣжать. Вотъ почему для человѣка невѣрующаго трудъ составляе~~—~~ бремя, которое онъ тотчасъ же сбрасываетъ съ себѣ, какъ только открывается къ тому возможность. Онъ работаетъ потому, что онъ необходимо долженъ работать, потому, что къ этому побуждаютъ его нужды жизни; но онъ тотчасъ же оставляетъ трудъ, какъ только убѣждается, что ему можно жить безъ труда и работы.

Всякому понятно, что, при такомъ взглѣдѣ на трудъ, послѣдній никогда не будетъ служить для человѣка удовольствіемъ. Напротивъ, онъ всегда будетъ для него бременемъ, всегда будетъ наполнять сердце его чувствомъ недовольства и ропота на свой жребій, какъ горькій и несчастный. Невѣrie не признаетъ и отвергаетъ всякое высшее назначеніе человѣка; оно ничего не ставитъ для него выше земного и чувственного счастья и на землю указываетъ ему, какъ на единственное мѣсто, гдѣ только и можетъ онъ расчитывать на достиженіе счастія, именно когда будутъ удовлетворены его честолюбіе, корыстолюбіе и страсть къ удовольствіямъ. Но между людьми, какъ показываетъ опытъ, большинство такихъ бѣдняковъ, которымъ съ большимъ трудомъ и заботами приходится доставать себѣ необходимое для жизни, въ полномъ смыслѣ „насущный хлѣбъ“. И вотъ, если въ сердцахъ такихъ людей перестаетъ жить всякая высшая надежда и упованіе, если всѣ мысли, чувствованія и желанія ихъ направлены только на землю съ ея радостями и благами, то какое недовольство своею участю должно тогда наполнять ихъ сердца! Не долженъ ли тогда трудъ ихъ всякую минуту казаться для нихъ тяжелымъ бременемъ и мукою? И могутъ ли тогда они смотрѣть на трудъ свой, какъ на серьезную, священную свою обязанность? Въ этомъ случаѣ человѣкъ, хотя и тру-

дится, но трудится потому только, чтобы не умереть съ голоду. Цѣль его труда въ самомъ лучшемъ исходѣ та, чтобы не быть никому въ тягость, чтобы не дойти до нищеты и воровства, столь противныхъ его честолюбію, или, если онъ имѣетъ семью, чтобы прокормить только своихъ семейныхъ. Но всего чаще случается, что человѣкъ трудится съ тою единственою цѣлью, чтобы достать средства къ удовлетворенію своего корыстолюбія и страсти къ удовольствіямъ. Если же такому человѣку какой-нибудь неблагонамѣренный со-вѣтникъ подастъ надежду находить для себя пропитаніе другими способами и средствами, то онъ готовъ оставить честный трудъ и приняться за самыя пошлые и гнусныя занятія, прибѣгнуть къ самымъ безнравственнымъ средствамъ.

Всмотримся, братіе, въ жизнь, и мы увидимъ, что все это ежедневно совершается предъ нашими глазами. Гдѣ въ массѣ простого рабочаго люда исчезаетъ христіанская вѣра, тамъ всегда обнаруживается страшное недовольство своею судьбою, и тотъ трудъ, къ которому обязываютъ его званіе и положеніе, является уже бременемъ, которое онъ готовъ сбросить съ себя во всякое время. Ненависть и зависть къ богатымъ и къ состоятельному вообще классу наполняетъ ихъ сердце, и въ этомъ случаѣ стоитъ только какому-нибудь недобросовѣтному лжеучителю подсказать имъ, что, при измѣненіи существующаго порядка, и ихъ участь могла бы измѣниться къ лучшему, и они готовы бывать на все, на всякия, хотя бы самыя гнусныя, вредоносныя и губительныя средства. Вотъ почему такъ часто повторяются у насъ забастовки между рабочими; вотъ почему такъ быстро умножаются тамъ, на западѣ Европы, послѣдователи рабочей партіи, или такъ-называемыхъ соціалъ-демократовъ, которыхъ считаютъ

сейчасъ не тысячами, а милліонами. Было бы, конечно, несправедливо считать всѣхъ ихъ за мятежниковъ и разбойниковъ; но печальная послѣдствія отъ такихъ ученій ясно показали себя предъ лицомъ всего міра, въ 1870 и 1871 годахъ въ Парижѣ, въ тогдашней революціи рабочихъ, сопровождавшейся страшными пожарами, грабежами и убийствами. И всѣ такие люди то имѣютъ общаго, что всѣ они враги христіанства, воспрещающаго такой образъ мыслей и дѣйствій. Итакъ, въ этомъ ли ученіи счастье человѣка? И тотъ, кто слѣдуетъ этому ученію, будетъ ли внутренно счастливъ, найдетъ ли онъ и вѣщнее счастье?

Но мы не должны думать, что только въ большихъ городахъ съ многочисленнымъ населеніемъ бываютъ люди такихъ взглядовъ, правилъ и намѣреній. Нѣтъ. Всюду, гдѣ человѣкъ зараженъ невѣріемъ, какъ одно изъ первыхъ послѣдствій его является недостатокъ вѣрности своему долгу и призванію. Честное выполненіе своихъ обязанностей становится для него бременемъ; добытые заработка приносятся имъ въ жертву плотскимъ удовольствіямъ; въ душѣ его царятъ зависть и ненависть къ тѣмъ, которые находятся въ лучшемъ, чѣмъ онъ, положеніи, и онъ готовъ бывать на всѣ средства, какъ бы они ни были несправедливы и гнусны, чтобы только улучшить свой печальный, какъ онъ думаетъ, жребій. Такихъ людей не трудно сейчасъ встрѣтить и въ нашихъ деревняхъ какъ въ средѣ ремесленаго, мастерового люда, такъ и между крестьянами, хотя не трудно наблюсти также и то, что такой образъ дѣйствій ни имъ самимъ, ни ихъ семействамъ не приносить ни счастія, ни спасенія.

Но, произнося, такимъ образомъ, судъ свой надъ такимъ нехристіанскимъ образомъ дѣйствій рабочихъ, мы не должны закрывать глаза свои и предъ неспра-

ведливостю хозяевъ, которая служитъ причиною современныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Если наши рабочіе въ большинствѣ случаевъ живутъ въ нуждѣ и бѣдности, то въ этомъ виновато не одно только ихъ неблагоразуміе и невоздержаніе, наприм., отъ пьянства и другихъ пороковъ, но нерѣдко и то обстоятельство, что они за самую лучшую и честную работу не получаютъ надлежащаго вознагражденія. Каждый *дѣлатель достоинъ мѣды своей*,—это законъ, высказанный Богомъ въ Священномъ Писаніи, подтверждаемый и оправдываемый и здравымъ смысломъ. Для честнаго работника трудъ его долженъ обеспечивать средства къ приличному, по его званію, содержанію какъ его самого, такъ и семьи его. Но если хозяинъ рабочихъ не христіанинъ, если онъ на слугъ и работниковъ своихъ смотрить какъ на рабовъ своихъ, если онъ слишкомъ скupo и несправедливо оплачиваетъ трудъ ихъ, чтобы какъ можно больше пользы и барышей извлечь для себя, то изъ такого нехристіанскаго образа дѣйствій жестокосердаго хозяина и нечестнаго отношенія къ рабочимъ проистекаетъ бѣдствіе послѣднихъ, подъ тяжестію котораго страдаетъ рабочій классъ, озлобляясь противъ своихъ работодателей. Что сказалъ я о нехристіанскихъ хозяевахъ, работодателяхъ, это имѣеть отношеніе и ко всѣмъ намъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ меньшимъ братіямъ. Кто несправедливо удерживаетъ или уменьшаетъ плату поденщику, мастеру или прислугѣ, такъ что послѣдніе не въ состояніи бываютъ дѣлами рукъ своихъ удовлетворять самыя необходимыя потребности жизни, тотъ поступаетъ не по-христіански, грѣшишъ предъ Богомъ и способствуетъ распространенію бѣдствій между людьми; а у кого нѣтъ никакихъ христіанскихъ убѣжденій и вѣры, тотъ и не задумается поступить такъ.

Совершенно другое бываетъ, когда работникъ и хозяинъ его руководятся въ своей дѣятельности началами христіанской вѣры.

Вѣра учитъ насъ прежде всего смотрѣть на трудъ и работу не только какъ на дѣло необходимости и невольного принужденія, но какъ на нравственный долгъ, въ исполненіи котораго мы обязаны дать Богу отчетъ. Во всей видимой природѣ мы не находимъ ни одного творенія, ни одной силы, которой Богъ не указалъ бы своей цѣли и своего опредѣленного назначенія. Само собою понятно, что и силы, данная Богомъ человѣку, не должны оставаться мертвымъ капиталомъ, но онъ сами указываютъ намъ на то, что такова воля Божія, чтобы мы употребляли ихъ въ дѣло, ими дѣйствовали и работали. Вотъ почему первый человѣкъ работалъ еще до грѣхопаденія въ раю, *воздѣлывая его* (1 Моис. 2, 15). Трудъ въ томъ состояніи и призваніи, въ которое Богъ поставилъ человѣка, есть то именно его земное назначеніе, которое дано намъ Богомъ. Мы обязаны силы нашей души и тѣла употреблять для нашего истиннаго блага, для пользы ближнихъ и во славу Божію. Хотя эта наша работа иногда и приноситъ трудъ и болѣзнь, но христіанинъ знаетъ, что Богъ сказалъ: „*въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*“, что труды суть наказаніе и послѣдствія грѣха, и потому онъ не долженъ на это сѣтовать и жаловаться. Христіанинъ совершаетъ свой трудъ по совѣсти, какъ обязанность, возложенную на него Самимъ Богомъ. Въ этомъ у него есть предъ глазами и славные образцы, и прежде всего его Спаситель, Который раздѣлялъ труды Своего отца Іосифа, о которомъ Евангеліе повѣствуетъ, что онъ былъ *плотникъ* (Марк. 6, 3). Совершенно въ духѣ своего Учителя поступалъ и св. апостолъ Павелъ, который, по мѣстамъ, самъ о себѣ

свидѣтельствуетъ, что онъ, при выполненіи своей апостольской обязанности, кормился дѣлами рукъ своихъ, устраивая шатры и палатки. А тѣхъ, которые вели беспорядочную жизнь и не работали, а занимались бесполезными предметами, онъ увѣщаваетъ именемъ Господа Иисуса Христа, чтобы они работали и ъли свой собственный хлѣбъ, ибо, *кто не работаетъ, тотъ не долженъ, говорить онъ, и есть* (2 Тессал. 3, 10—12).

Такими началами и воззрѣніями руководствуется христіанинъ. А если онъ трудится въ такомъ именно духѣ, тогда сердце его далеко отъ недовольства, зависти и ненависти къ тѣмъ, которые богаче, состоятельнѣе его. Спокойствіе и довольство наполняютъ его сердце, и онъ съ негодованіемъ отвращается отъ вредныхъ ученій невѣрія, которыя стараются внушить ему, что можно сдѣлаться богатымъ и наслаждаться жизнью и безъ труда. Во всѣ времена христіанской вѣры или ничего не знали о такихъ ученіяхъ, или же эти послѣднія не находили себѣ послѣдователей. Въ добросовѣстномъ и усердномъ исполненіи обязанностей своего призванія истинный христіанинъ всегда находилъ свое счастіе и свое удовольствіе. Какія же теперь времена приносятъ болѣе счастія и благополучія человѣку: эти времена вѣры, или настоящее время невѣрія?

Но такими правилами руководятся и богатые хозяева, если они истинные христіане. Они смотрятъ на своихъ работниковъ, какъ на своихъ равноправныхъ братьевъ, къ которымъ они и относятся съ полною справедливостію и любовію,—*съ полною справедливостію*, когда они даютъ имъ надлежащую плату, давая имъ, такимъ образомъ, полную возможность удовлетворять существенныя нужды жизни и поощряя ихъ къ большему усердію; *съ полною любовію*, когда дѣлаютъ для нихъ даже болѣе, чѣмъ сколько требуетъ строгая справедливость, какъ, напри-

мѣръ, окружаютъ ихъ заботами объ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ, особенно во время несчастій, болѣзни и старческой дряхлости.

Гдѣ работники и хозяева ихъ поступаютъ по этимъ христіанскимъ правиламъ, тамъ всегда бываетъ истинное счастіе и спокойствіе, тамъ никогда не бываетъ такихъ злоключеній, каковыми отличается настоящее время, ни возстаній и насилий со стороны бѣднаго класса противъ состоятельныхъ и богатыхъ, ни притѣсненій бѣдняковъ со стороны богачей; тамъ всегда бываетъ между ними миръ, спокойствіе, любовь и довольство.

Что сказали мы о трудѣ и работѣ, то должны сказать и о собственности. И здѣсь все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на эту собственность, глазами вѣры или невѣрія..

Собственность есть плодъ или личнаго труда и работы каждого, или же наслѣдство, доставшееся отъ предковъ. Для существующаго, Богомъ установленнаго, порядка въ человѣческихъ обществахъ весьма важно, какъ люди понимаютъ собственность. Вотъ почему охраненіе правильно пріобрѣтеної собственности, въ чемъ бы она ни состояла, въ деньгахъ или въ имуществѣ, всегда составляло въ нихъ предметъ главныхъ заботъ, и не могло быть никакого общественнаго и государственнаго порядка тамъ, гдѣ не было бы охраны собственности. Посмотримъ, какъ учитъ о правѣ собственности вѣра, и какъ—невѣrie?

Поставимъ сперва вопросъ: насколько человѣкъ имѣетъ право на обладаніе собственностью? Христіанская вѣра учитъ насъ, что всѣ творенія, всѣ земныя блага, по своему существу и природѣ, принадлежать своему Творцу, что Онъ только одинъ есть истинный

и полный обладатель всѣхъ созданій. Но Богъ предо-
ставилъ человѣку право пользованія этими благами
земли, и въ этомъ только смыслъ человѣкъ имѣеть
на нихъ право. Слѣдовательно человѣкъ—не полный
и не безусловный обладатель земными благами, како-
вымъ можетъ быть одинъ только Богъ. Человѣку пре-
доставлено только пользоваться ими, да и это право
пользованія ими не есть неограниченное право; онъ
долженъ распоряжаться благами земли не такъ, какъ
онъ хочетъ, но какъ хочетъ и какъ велѣлъ Богъ. Че-
ловѣкъ не въ правѣ употреблять ихъ не для той цѣли,
для которой назначилъ ихъ Богъ. Цѣль же эту вы-
сказалъ Богъ въ слѣдующихъ словахъ: „вотъ Я далъ
вамъ всякую траву и всякія деревья, чтобы они слу-
жили пищею для васъ“ (1 Моис. 1, 29), чтобы они
служили средствомъ для сохраненія жизни и притомъ
для всѣхъ людей.

Совсѣмъ иначе учитъ о правѣ на земныя блага не-
вѣrie. По сему ученію, человѣкъ не только имѣеть
неограниченное право пользоваться оными, какъ своею
собственностью, но, такъ какъ оно не признаетъ все-
могущества Бога, то оно дѣлаетъ человѣка богою
своей собственности, полнымъ неограниченнымъ вла-
дыкою земныхъ благъ, и рассматриваетъ эти послѣднія,
какъ средства къ удовлетворенію его все болѣе и болѣе
возрастающихъ страстей. Устрания Бога, оно дѣлаетъ
наслажденія жизнью и чувственныя удовольствія цѣлію
существованія человѣка, а земныя блага—средствомъ
для достиженія этой цѣли. Слѣдствіемъ же такого
ученія бываетъ то, что между богатыми и бѣдными
постепенно образуется такая пропасть, какой не зналъ
еще христіанскій міръ, что съ каждымъ днемъ увели-
чивается болѣе и болѣе количество бѣдняковъ. Между
тѣмъ какъ богатые въ порывахъ крайне возбужденной

чувственности безъ мѣры тратятъ свои средства на прихоти и предметы роскоши, бѣдные ихъ собратія терпятъ лишенія и нужды въ самомъ необходимомъ, не имѣя даже подчасъ пищи и одежды! Не вѣра, а невѣріе и безбожіе вызвали и породили это явленіе. Отнимая охоту къ труду и работѣ у бѣдныхъ, это невѣріе погашаетъ духъ любви и милосердія у богатыхъ. Въ этомъ ли счастье для человѣка?

Но какимъ образомъ люди должны примѣнять къ дѣлу свои права пользованія земными благами, или права собственности? Вѣра христіанская и исторія учатъ, что, по волѣ Божіей, человѣку право собственности въ отношеніи извѣстной части благъ земли принадлежитъ въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ пользоваться только ея плодами. Въ продолженіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій такъ и было. Такъ и должно было быть. Ибо въ этомъ только слукаѣ, т.-е. когда каждый имѣеть свою собственность для своего распоряженія и для пользованія плодами своихъ трудовъ, возможно хорошее и правильное хозяйство и экономія; только тогда господствуетъ порядокъ между различными званіями и классами людей; тогда только могутъ сохраняться миръ и согласіе между людьми.

Но противъ этого, существовавшаго до сихъ поръ и у всѣхъ христіанскихъ народовъ принятаго порядка современное невѣріе опять-таки дѣлаетъ возраженіе. По его ученію, всякое обладаніе землею должно принадлежать всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Частной отдельной собственности не должно быть ни у кого, но плоды этихъ благъ и трудовъ должны быть раздѣляемы между всѣми поровну. Это ученіе называется коммунизмомъ. Цѣль этого ученія та, чтобы отмѣнить всякую частную собственность, ввести всеобщее владѣніе землею и хозяйствомъ и равномѣрный дѣлежъ плодовъ его.

Но куда, братіе, ведеть такое ученіе? Если бы всѣ блага земли были въ общественномъ распоряженіи и общее было обработываніе земли, тогда немыслимо было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый сталъ бы избѣгать труда и слагать его на другихъ; каждый сталъ бы надѣяться на другого, естественная лѣнность и праздность достигли бы тогда высшаго своего развитія, и ослабѣла бы охота къ труду, такъ какъ личный трудъ никому не приносилъ бы особенной пользы. Равнымъ образомъ не могло бы быть порядка при управлениі и распоряженіи общественнымъ имуществоомъ, и вѣчныя происходили бы недоумѣнія и замѣшательства, если бы каждый заботился о всемъ и о всѣхъ. Это всеобщее владѣніе представило бы особенно широкое поле спорамъ и несогласію. Если теперь родные братья сплошь да рядомъ не бываютъ согласны, когда приходится имъ дѣлить наслѣдство отца, если обитатели, дышащіе воздухомъ одного и того же дома, пьющіе воду изъ одного и того же колодезя и стакана, расходятся между собою и ссорятся, то что стало бы изъ человѣчества, если бы ему приходилось дѣлить всякое владѣніе, всякую прибыль и добычу? Тогда родъ человѣческій представилъ бы изъ себя печальную арену ссоръ, распреі и ужасныхъ мятежей.

Такимъ образомъ, ученіе о коммунизмѣ неминуемо привело бы къ величайшему вреду и погибели людей, если бы оно было осуществлено на дѣлѣ. Но вмѣсто этого ложнаго коммунизма вѣра учитъ насъ истинному коммунизму. По этому ученію блага земли должны давать средства къ жизни всѣмъ людямъ. Стало-быть, плоды каждой частной собственности не должны быть исключительно достояніемъ отдѣльныхъ только лицъ,— не должны они доставлять излишекъ однимъ и лишать существенно необходимаго для жизни другихъ.

Отсюда христіанская вѣра вмѣняетъ въ обязанность богатымъ смотрѣть на свое имущество, какъ на достояніе всѣхъ, дабы они готовы были дѣлиться имъ съ другими своими собратіями, въ случаѣ ихъ нужды. Почему апостолъ говоритъ: *имущіе этого міра да даютъ неимущимъ... Блаженныи есть давати, неожели приимати* (Дѣян. 20, 35. 1 Тимоѳ. 6, 17 и 18). Если теперь истинный христіанинъ исполняетъ эту обязанность, какое чудное положеніе занимаетъ онъ! Чрезъ это онъ участвуетъ въ дѣлахъ божественнаго промышленія. Этимъ онъ вноситъ въ жизнь ту любовь, съ которой заботится о всѣхъ Богъ, и, удѣляя своимъ собратіямъ часть своего достоянія по той самой любви, по которой Богъ назначилъ его для всѣхъ людей, онъ пріобрѣтаетъ милость и благоволеніе Бога, тогда какъ невѣріе пресѣкаетъ въ человѣкѣ источникъ всякой любви къ ближнимъ и дѣлаетъ его существомъ своекорыстнымъ, полнымъ безграницаго самолюбія и эгоизма.

На какую же сторону станемъ теперь мы съ вами, братіе? Вотъ сопоставили мы между собою ученіе вѣры и невѣрія въ отношеніи важнѣйшаго вопроса о трудѣ и собственности и увидѣли, гдѣ истинное счастіе и спасеніе, а потому решеніе этого вопроса не должно затруднять никого. Будемъ же впредь смотрѣть на трудъ и работу, къ которой призваны мы своимъ званіемъ и положеніемъ въ обществѣ, какъ на священную. Самимъ Богомъ возложенную на насъ обязанность, въ исполненіи которой мы должны будемъ нѣкогда дать строгій отвѣтъ Богу. Будемъ выполнять этотъ долгъ свой съ неослабнымъ усердіемъ ради Бога, по совѣсти, а не изъ-подъ палки, не по принужденію и необходимости. Пусть, поэтому, не отказывается отъ труда, занятій и работы и тотъ, кто имѣетъ возможность жить и безъ труда; пусть избѣгаетъ онъ празднолюбіе церкви.

ности, какъ противной божественному закону, какъ источника и начала всякаго порока. Будемъ довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ нашъ трудъ, хотя бы этого, по нашему мнѣнію, было у насъ и не изобильно, ибо только въ довольствѣ, а не въ избыткахъ заключается наше счастіе. Еще менѣе надобно полагать его въ удовлетвореніи корыстолюбія и чувственныхъ страстей. Бѣдные пусть не питають въ сердцахъ своихъ зависти и ненависти къ богатымъ; равно и богатые не должны чуждаться и быть холодными и жестокосердыми къ бѣднымъ, а помнить, что должны дѣлать они съ своими излишками. По слову Господа, кто даетъ бѣднымъ, тотъ взаймы даетъ Самому Богу.

Итакъ христіанинъ, если ты на свою собственность будешь смотрѣть какъ на имѣніе Божіе,—и будешь распоряжаться ею, памятуя, что за каждый день Богъ потребуетъ отъ тебя отчета, то ты не будешь всѣми силами и средствами стремиться къ неправильной наживѣ и будешь отвращаться отъ всего, что можетъ вести къ ней. Какъ вѣрный домоправитель Бога, ты не будешь забывать бѣдныхъ чадъ Его, но своимъ милосердіемъ къ нимъ сдѣлаешь другомъ своимъ Отца ихъ. Такимъ образомъ жизнь, сообразная съ ученіемъ христіанской вѣры въ отношеніи труда, собственности и распоряженія временными благами земли, принесетъ тебѣ временное и вѣчное счастіе и блаженство; по слову Господа: *пріобрѣтайте себѣ друзей неправѣднымъ богатствомъ, даѣи они, когда вы обѣднѣете, приняли васъ въ вѣчные кровы* (Лук. 16, 9).

Владиміръ, Митрополитъ Московскій.



Притча о званыхъ на вечерю

(Лук. XIV, 16—24; зач. 76).

Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію и зва многи (—16). Кто это человѣкъ нѣкоторый?—Богъ Отецъ. Хотя Богъ есть Духъ, но въ Свяш. Писаніи и Преданіи Онъ представляется намъ часто человѣкообразно и вотъ даже именуется человѣкомъ. Конечно, духъ ни плоти, ни костей, ни формъ не имѣетъ. Но, по снисхожденію къ человѣку, Самъ Богъ Свои совершеннѣйшія свойства благоволилъ обозначить доступными и ясными для человѣка формами. Такъ Богъ приписываетъ Себѣ руки, очи, сердце и др. Не думайте, что Богъ Духъ можетъ имѣть таковые члены. Значитъ, подъ ними только нужно разумѣть свойства Божіи. Руки означаютъ всемогущество Бога, очи—всевѣдѣніе, сердце—благость и любовь Его къ тварямъ. Мы часто говоримъ: десница Всевышняго хранитъ человѣка. Толкуй это такъ: Господь, по Своему благому всемогущству, сохраняетъ и спасаетъ человѣка отъ бѣдъ. Вотъ и въ притчѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своего единосущнаго Отца назвалъ человѣкомъ. Но по дѣйствію сего человѣка мы сейчасъ примѣтимъ, что не человѣкъ это дѣлаетъ. Онъ устраиваетъ великую вечерю и зоветъ многихъ. Не рѣдкое явленіе составляютъ званыя вечери. Какъ будто и нѣтъ ничего въ этомъ достойнаго удивленія. Да для

притчи и требовался образъ близко знакомый слушателямъ. Но раскройте покровъ приточныи. Что же будетъ означать велія вечеря? Царство Божіе отъ начала міра предопределеное или святая Церковь. Велико это царство и необычайно. Царемъ въ немъ Самъ Богъ. Члены его суть тьмы ангеловъ и спасающіеся люди (Евр. XII, 22—24). Да и уготована эта вечеря на всѣ времена. Она уже открылась въ раю для безгрѣшныхъ прародителей. Преслушаніе праотцевъ лишило ихъ блаженства на вечери Божіей до времени. Входъ былъ закрытъ. Но неложно было слово Бога о томъ счастливомъ времени, когда настанетъ *годъ вечери*. Во весь ветхозавѣтный періодъ времени вечеря какъ бы уготовлялась. Избранный Богомъ народъ еврейскій получалъ званіе на вечерю. Приходили посланники Божіи и возвѣщали людямъ о семъ. Прошли тысячи лѣтъ послѣ печального события паденія прародителей. Когда исполнилось предопределеное время, явился на землю Богъ Сынъ во плоти, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ, „будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищениемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной“ (Фил. II, 6—8). Такъ Господь Іисусъ Христосъ и въ притчѣ, назвавъ Бога Отца нѣкіимъ человѣкомъ, Себя Самого именуетъ рабомъ. *И посла раба своего въ годъ вечери, реци званнымъ; грядите, яко уже готова суть вся* (—17). Когда Онъ выступилъ на служеніе роду человѣческому, въ землѣ обѣтованной, то къ народу избранному обратился со словами: *покайтесь, приближися до царства небеснога* (Ме. IV, 17). Благовѣстіе о Царствѣ небесномъ было однимъ изъ главныхъ Его дѣлъ. Онъ и учениковъ Своихъ посыпалъ возвѣщать

всѣмъ сынамъ Израиля обѣ этомъ Божиемъ Царствѣ. Приготовлена была такимъ образомъ вечеря велія Единородный Сынъ Божій приглашаетъ прежде званыхъ евреевъ. Что же? Отклинулись ли на зовъ Господа званные? *И начаша вкушъ отрицатися вси* (—18). Званными были изъ среды евреевъ прежде всего книжники, законники, фарисеи, вожди народные. Въ рукахъ ихъ были книги закона и пророковъ. Они читали и толковали народу всѣ тѣ мѣста Писанія, въ которыхъ такъ ярко освѣщалось время веліей вечери, время открытія благодатнаго царства Божія на землѣ. Простой народъ еврейскій коснѣлъ въ невѣжествѣ. Книжники презирали его и честили позорнымъ титломъ проклятаго (Іоан. VIII, 49). Но мнившіе себя быти мудрыми среди избраннаго народа, ослѣпли духовно и не хотѣли уразумѣть времени царства Божія, явившагося въ силѣ. Отъ призыва принять участіе въ вечери они отказались подъ разными предлогами. Изъ званныхъ *первый рече ему*, т. е. рабу, посланнику человѣка, уготовавшаго велію вечерю, *село купихъ, и имамъ нужду изыти, и видѣти ее: молютися, импъ мч отречена* (—18). Купилъ званный гость поле и имѣетъ нужду осмотрѣть его. Нѣтъ досуга идти на вечерю. Посему онъ и просить уволить его отъ присутствія на ней. Поле, имѣніе, состоящее изъ участка земли, для жителя Палестины представляло большую цѣнность. Тамъ земли не много, почва плодородная, и урожаи бываютъ богатые. И небольшой участокъ стоитъ дорого. Званный господинъ ни во что ставить радость отъ участія на вечери по сравненію съ тою радостію, которую доставляетъ ему обладаніе полемъ. Всѣ его помыслы прикреплены къ земному. Онъ не хочетъ и думать о другихъ благахъ. Онъ счастливъ, по его мнѣнію, потому что владѣетъ полемъ. Это

поле обезпечиваетъ ему жизнь безбѣдную. Точно владѣлецъ сей вѣки вѣчные собрался жить на землѣ въ довольствѣ и сытости. Онъ не думаетъ, что пріидетъ время, когда изъ всего поля потребуется участокъ въ три аршина; да и то не на долгіе годы. И въ этотъ-то малый участокъ положатъ уже бездыханное тѣло, и здѣсь оно обратится въ прахъ. Да, братіе, смерть неизбѣжный удѣлъ всякаго человѣка. Она есть горькій плодъ грѣха прародителей. Мертвымъ же не нужны обширныя поля съ ихъ обильными урожаями. Но человѣкъ имѣеть душу Богоподобную, бессмертную. Душа-то нуждается въ пріобрѣтеніи иныхъ имѣній, негибущихъ, могущихъ сопутствовать человѣку въ жизнь загробную. Эти негибущія блага даруются только на вечери, которую уготовалъ Господь Богъ. Мы пользуемся реченіемъ притчи. А по существу нужно сказать, эти блага даруются только въ Царствѣ Божіемъ, т. е. въ Церкви Святой. Вотъ человѣку и предоставляется избирать между обладаніемъ временнымъ и земнымъ благополучіемъ и собираніемъ благъ духовныхъ, вѣчныхъ. Что же цѣннѣе: временное или вѣчное? Простое благоразуміе должно бы сказать, что дороже неизмѣримо-вѣчное. Однако человѣкъ бываетъ близорукъ. Вотъ званный господинъ умоляль уволить его отъ участія въ великой вечери, потому что привязался всѣмъ сердцемъ къ обладанію землею. А въ нашей жизни развѣ мало подобныхъ примѣровъ можно найти? Домъ, семья, служба, желаніе выслужиться, пріобрѣсть не только необходимое, но и излишнее всецѣло поглощаютъ время дѣятельного человѣка. Пусть онъ носятъ имя христіанина и вписанъ въ церковныя книги, когда получилъ святое крещеніе. Но что ему блага душевныя, раздаваемыя святою Церковію? Времени нѣть свободного, чтобы пріобрѣтать ихъ. Будничные дни

заняты съ утра до вечера. Подходитъ праздникъ, нужно позволить себѣ отдыхъ. Звонятъ ко всенощной. Давно не бывалъ въ храмѣ Божіемъ дѣловой человѣкъ. Какъ-то уже и охоту потерялъ помолиться въ немъ. Вотъ онъ пришелъ съ своего труда. Охота есть отдохнуть. И остается христіанинъ дома, несмотря на призывъ въ храмъ. Такъ какъ утромъ не нужно рано вставать съ постели на службу, то вечеромъ подъ праздникъ многіе имѣютъ обычай предаваться развлеченіямъ. Собираются въ домѣ гости и начинаютъ играть въ карты, молодые люди танцуютъ, а далеко за полночь всѣ угощаются и расходятся домой утомленными и изнуренными. Требуется отдыхъ. И точно, нѣжится дома дѣловой человѣкъ до полдня. Къ литургіи пойти онъ и не подумалъ. Если совѣсть осмѣлилась напомнить ему о долгѣ христіанина, то онъ постарался упросить ее не беспокоить и позволить имѣть его отреченнымъ отъ молитвы въ храмѣ за богослуженіемъ, ибо у него ~~такъ~~ много заботъ по дому и службѣ, что уже и въ праздникъ нѣтъ досуга пойти въ Божій храмъ. Такъ и прирастаетъ человѣкъ къ землѣ съ своими заботами и попеченіями до полнаго забвенія благъ вѣчныхъ. Но и земные блага вѣдь слишкомъ разнообразны. Приведенный нами въ примѣръ дѣловой человѣкъ съ мірской точки зрењія добропорядковый. Въ мірѣ его, пожалуй, хвалятъ. Но бываютъ и другого рода заботы и хлопоты въ областяхъ похоти очесь и гордости житейской, которыя менѣе приглядны. Но и здѣсь ступени многочисленны.

Въ притчѣ вторый изъ званныхъ гостей говоритъ: *супругъ воловъ купихъ пять, и гряду искусти ихъ: молю тя, импѣй мя отречена* (—19). „Я купилъ пять паръ воловъ, и иду испытать ихъ; прошу тебя, извини меня“. Спаситель разумѣлъ подъ симъ хозяйственнымъ

человѣкомъ, быть можетъ, многихъ изъ богатыхъ фарисеевъ и саддукеевъ, которые, приложивъ сердце свое къ собиранію имущества, не хотѣли и времени какъ бы не имѣли слушать благовѣстіе о царствѣ Божіемъ. Но подобные примѣры часты и въ нашей жизни. Вотъ хороший хозяинъ весь погрузился въ хозяйство. Не различаетъ онъ ни будничныхъ дней, ни праздниковъ. Самъ отдыха не знаетъ и другимъ не даетъ. Дѣло у него спорится. Человѣкъ хозяинъ богатѣетъ. Скажутъ: вѣдь онъ честный труженикъ и что худого, достойнаго упрека, дѣлаетъ? Мы и не упрекаемъ его за труды. Трудиться Богъ повелѣлъ. Но вотъ что сожалѣнія достойно, что хозяйственныи трудъ то всецѣло занялъ его. Нѣтъ у него досуга сдѣлать то, что нужно для души. Шесть дней дѣлай, а седьмой посвящай Господу Богу. Это Божія заповѣдь. Никто не можетъ отмѣнить ея по своему произволу. И сей рачительный хозяинъ исполняетъ первую половину заповѣди. Но кто далъ ему право безбоязненно нарушать вторую? Или онъ уже отважился идти противъ Бога? Ясно, что онъ является нарушителемъ закона Божія. И ради чего же? Ради земнаго, времененного. Это послѣднее цѣннѣе для него, чѣмъ небесное, Божіе.

Часто у насъ и дѣловые торговые люди, по жаждѣ къ наживѣ, съ легкимъ сердцемъ нарушаютъ эту же заповѣдь Божію. Сколько разъ твердилось о святости праздниковъ Божіихъ, доказывалась польза праздничнаго отдыха даже для временныхъ благъ. Нѣтъ, слѣпота, ненасытная страсть къ пріобрѣтенію, заставляетъ человѣка тѣснить себя, стѣснять и другихъ. Торговый человѣкъ самъ весь погрузился въ заботы о наживѣ, да заставилъ многихъ другихъ содѣйствовать ему въ этомъ. Самъ грѣшитъ, да и сихъ послѣднихъ заставляетъ грѣшить. Мы не говоримъ уже о томъ, что

въ торговлѣ многіе прибѣгаютъ къ обману. Кто этого не испыталъ на себѣ? Тамъ въ торговыхъ помѣщенияхъ обвѣшиваютъ, тамъ обмѣриваютъ, тутъ сбывають за хороший никуда негодный товаръ, примѣшиваютъ постороннія дешевыя вещества, подкрашиваютъ и многое тому подобное производятъ. Скажите, по какимъ побужденіямъ это дѣлаютъ? Богъ, благоволившій и насъ всѣхъ всѣхъ призвать въ церковь Свою, даровалъ намъ и правила жизни святой, и благодатныя средства къ достиженню ея. Мы согласились войти на вечерю велію, Царство Божіе. А потомъ, когда нужно приносить плодъ, достойный званія, многіе говорятъ: нѣтъ, уже насъ имѣйте отреченными. Если этого громко и во-всеуслышаніе не говорятъ, такъ дѣлами показываютъ. Они сами себѣ творятъ законъ. Если не обманешь, то и не продашь, повторяютъ дерзко люди, привыкшіе къ неправдѣ, кражѣ и обману. Кто же это выдумалъ поговорку, какъ не люди, дѣломъ отрекающіеся отъ Божія Царства, которое, по Апостолу, есть правда и миръ и радость о Дусѣ Святе (Рим. XIV, 17), а не о неправедной наживѣ. Но еще есть ступень отреченія отъ участія въ вечери Господней, низшая вышеуказанной.

Въ притчѣ третій изъ званныхъ сказалъ; *жену пояхъ, и сего ради не могу прійти* (—20). Званъ былъ человѣкъ на вечерю необычайную; но онъ предпочелъ ей свою частную вечерю по случаю брака. Если понимать близко къ буквѣ, то. скажутъ, человѣкъ сей ничего не добро го не дѣлалъ. Бракъ вѣдь Богомъ освященъ. Самъ Спаситель удостоилъ бракъ въ Канѣ Галилейской Своего присутствія. Но во-первыхъ, человѣкъ, отказавшійся отъ вечери только потому, что дѣлалъ дозволенное дѣло, еще потому не можетъ быть оправданъ. Человѣческое онъ предпочелъ Божествен-

ному, временное—вѣчному. „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѳ. X, 37 ср. Лук. XIV, 26), говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Приложите эту мѣру къ поступку человѣка, вступавшаго въ бракъ. Ясно, что онъ не любилъ то, что Богъ по Своему милосердію предложилъ людямъ ради ихъ спасенія. Земное благо его привязало къ себѣ. Онъ уже и извиненія не проситъ, ибо погрязъ. Но святые отцы подъ выраженіемъ: *жену полхъ* разумѣютъ вообще плотскую, грѣховную жизнь въ свое удовольствіе. Сюда входятъ: чревоугодіе, пьянство, обѣяденіе, сластолюбіе и другіе грѣхи плоти, о нихъ же нѣтъ желанія и упоминать. Вожди еврейскаго народа во времена Спасителя были порочны. Самъ Іисусъ Христосъ именовалъ ихъ людьми, исполненными лицемѣрія и беззаконія, хищенія и неправды и уподоблялъ окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты (Мѳ. XXIII, 25, 27—28). Внутренняя нечистота, жизнь беззаконная, жизнь плотская были главными препятствіями къ слѣдованію за Христомъ для книжниковъ фарисеевъ и саддукеевъ. И нынѣ, и всегда будетъ такъ, грѣховная жизнь отвлекаетъ многихъ отъ Христа. Какое общеніе свѣта съ тьмою? Не развращенный ли до мозга костей способенъ сказать въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога? И наоборотъ, кто обитаетъ въ жилищи Божіемъ? Кто вселится во святую гору Божію? *Ходай непороченъ и дѣлаяй правду, глаголай истину, въ сердцы своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла и понеженія не пріяты на ближнія своя* (Пс. XIII и XIV). И Господь Іисусъ Христосъ изрекъ, что чистіи сердцемъ Бога узрятъ (Мѳ. V, 8). Но могутъ ли узрѣть

Бога такие люди, у которыхъ всѣ помыслы обращены на служеніе страстямъ? О, горе великое симъ покорнымъ слугамъ страстей. Возьмите чревоугодника. Онъ, по словамъ Апостола Павла, идолопоклонникъ (Фил. III, 19). Очи его не могутъ подняться къ небу. Чрево тянетъ къ землѣ. Возьмите любителя хмѣльного питія. Способенъ ли онъ къ участію въ великой вечери Господней? У него есть позорное и грѣховное благо. Имѣйте меня отреченнымъ отъ вечери, скажетъ онъ, да только дайте то, къ чему онъ привязался на погибель себѣ. Такъ всякая страсть дѣлаетъ человѣка рабомъ ея. Надѣнетъ на себя человѣкъ это страстное грѣховное ярмо и ходитъ подъ нимъ, служа грѣху съ усладою. Вотъ почему св. Апостолъ Павелъ и сказалъ, что всѣ служители страстямъ; какъ-то: блудники, прелюбодѣи, воры, лихоимцы, пьяницы и др. Царства Божія не наслѣдуютъ (1 Кор. VI, 9—10). Помните это, братіе, дабы не лишиться намъ участія въ великой вечери нашего Господа, Царствѣ Небесномъ. Но продолжимъ изъясненіе притчи.

И пришедъ рабъ повѣда господину своему сія. Тогда разгнѣвався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищыя и бѣдныя и слѣпныя и хромыя введи сюмо (—21). Оскорблена быть отказаніемъ званныхъ домовладыка, приготавлившій вечерю. И это понятно. Въ нашемъ житейскомъ быту если-бы приключилось нѣчто подобное, то человѣкъ, съ издержками и хлопотами готовившій званный обѣдъ, справедливо усмотрѣлъ бы въ отказѣ званныхъ неуваженіе къ себѣ, оскорбление. Но въ притчѣ домовладыка нашелъ средство, чтобы не пропало даромъ уготованное. Онъ приказалъ своему рабу позвать нищихъ бѣдныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ. Это всѣ убогіе люди. Часто они бываютъ и голодными и

холодными. Вдругъ на долю ихъ выпадаетъ лучшая доля. На вечерю къ богатому человѣку зовутъ ихъ пировать. Тутъ ихъ и накормятъ, и напоятъ, и согрѣютъ, и одѣнутъ. Обездоленные въ мірѣ семъ, эти убогіе, будучи позваны, и не подумали отказаться отъ участія на вечери.

Теперь снимите съ этой прекрасной бесѣды Спасителя приточный покровъ. На вечерю, т.-е., въ Царство Божіе, получили приглашеніе люди простые, некнижные изъ іудеевъ. Они были нищими духомъ, смиренны и кротки. Презираемы книжниками и фарисеями, они сами о себѣ говорили, что они суть люди малосвѣдущіе, слѣпые и темные и, какъ хромые, не могутъ быть безъ опоры въ жизни. Отверженный вождями народа, Господь Іисусъ Христосъ благовѣствуетъ евангеліе царствія этимъ людямъ простымъ и презираемымъ. Онъ не гнушается ими и входитъ къ нимъ въ дома, принимаетъ угощеніе, раздѣляя съ ними трапезу. Спаситель однажды вошелъ въ домъ мытаря. „Когда Іисусъ возлежалъ, многіе мытари и грѣшники пришли и возлегли съ Нимъ и учениками Его. Увидѣвъ то, фарисеи сказали ученикамъ Его: для чего Учитель вашъ єсть и пьетъ съ мытарями и грѣшниками? Іисусъ же, услышавъ это, сказалъ имъ: не здравые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные; пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы? ибо Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“ (Ме. IX, 10—13). Книжники же именуютъ Спасителя другомъ мытарей и грѣшниковъ (Ме. XI, 19; ср. Лук., VII, 34). А вспомните, кто изъ іудеевъ болѣе любилъ Господа нашего Іисуса Христа, какъ не эти отверженные и презираемы книжниками люди? Кто внимательнѣе ихъ слушалъ Его Божественное ученіе? *Бяху же приближающеся къ нему вси мытаріе и грѣшницы послу-*

шати его (Лук. XV, 1), замѣчаетъ Евангелистъ. За это усердіе и любовь къ слушанію простые люди и опредили въ Божіемъ Царствѣ, на веліей вечери, людей книжныхъ, гордыхъ знаніемъ закона. Они съ полнымъ довѣріемъ отнеслись къ приглашавшему ихъ на вечерю. Сердце у нихъ было смиренno. Они сознавали себя грѣшниками, болящими душею, и рады были тому, что Врачъ душъ и тѣлесъ не отвергъ ихъ. Вотъ они и заняли мѣста на вечери великодушнаго человѣка, который не погнушался ими, т.-е., предварили книжниковъ въ Царствѣ Божіемъ. А рабъ, исполнявшій волю пославшаго его, донесъ ему: *Господи, бысть яко же повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть* (—22). Господь Іисусъ Христосъ пришелъ на землю призвать въ церковь Свою не однихъ только евреевъ. Къ нимъ Онъ обратился прежде всѣхъ. „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Ме. XV, 24), говорилъ Господь Іисусъ. Не то значитъ это, что другіе народы лишены милостей Бога. Не одни евреи будутъ званными въ царство Божіе. Но время жизни Спасителя на землѣ было кратко. Онъ не успѣлъ бы благовѣствовать другимъ народамъ. Посему Онъ и все время оставался въ Палестинѣ. Но, желая показать, что и другіе народы получили право на участіе въ царствѣ Божіемъ, Спаситель и въ притчѣ указываетъ на это. *Еще мѣсто есть* на веліей вечери. Званные изъ евреевъ и принявшие участіе въ ней не могли наполнить палатъ доброго господина. Божіе Царство необъятно велико. Да оно и не можетъ остаться пустымъ. Найдется въ немъ мѣсто всѣмъ людямъ. Сего желаетъ и Отецъ Небесный. Онъ хощетъ, чтобы всѣ люди пришли въ познаніе истины и спаслись. Не нудитъ Онъ, но явно показуетъ Свою любовь Божественную. *И рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убѣди*

внити, да наполнится домъ мой (—23). Поди, говоритъ господинъ рабу своему, за городъ по дорогамъ, распутіямъ и перекресткамъ. Тамъ, конечно, встрѣтятся съ тобою люди. Убѣдительно проси ихъ войти въ домъ мой. Что же означаютъ эти пути, дороги и изгороди? Земли, на которыхъ обитали и обитаютъ язычники. Ихъ звать приказываетъ господинъ. Видиши, какъ любвеобиленъ Отецъ Небесный, представляемый въ притчѣ подъ образомъ нѣкоего человѣка. Людей, отпавшихъ отъ Бога, блуждавшихъ во мракѣ идослуженія и ходившихъ въ похотѣхъ сердцеъ своихъ, Онъ зоветъ въ Свое общеніе, на великую вечерю, къ несказанному наслажденію. Такъ Господь и сказалъ; *пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Ме. XVIII, 11), потому что *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Примѣть, что говоритъ Евангелистъ. Всякій вѣрующій въ Сына Божія, къ какому бы народу онъ не принадлежалъ, имѣетъ надежду на спасеніе, ибо и къ нему обращено убѣдительное приглашеніе Господа на велію вечерю.

Благодареніе Богу, мы, русскіе, уже девять сотъ лѣтъ тому назадъ получили званіе въ Царство Божіе. Любовь Божественная обильно излилась на родную Русь. Велія вечеря въ силѣ открылась со дней великаго князя равноапостольнаго Владимира. Подлинно, до него русскіе люди блуждали по распутіямъ и кривымъ извилистымъ путямъ заблужденій и пороковъ. Но вотъ Господь помиловалъ нась и прислалъ вѣстниковъ убѣждать, чтобы мы добровольно приняли участіе въ вечери. На Руси скоро откликнулись на призывъ вѣстниковъ, и вотъ мы уже члены царства Божія, Церкви святой сыны. Слава Богу, благодѣявшему намъ! Такъ

исполнилось сказанное Спасителемъ: *глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тыхъ званныхъ вкуситъ моей вечери. Мнози бо суть звани, мало же избранныхъ* (—24). Мужи тѣ—это суть книжники фарисеи, саддукеи, вожди еврейского народа. По своему упорству они отказались отъ участія въ вечери Божіей. Такъ и останутся они внѣ чертоговъ Царства Божія. А послѣ нихъ позванные въ большемъ числѣ изъявили согласіе на участіе въ вечери. Посему и Спаситель въ другой разъ прямо сказалъ фарисеямъ: *глаголю же вамъ: яко мнози отъ востокъ и западъ приидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ* (Ме. VIII, 11).

Такъ, братіе, запомните: въ изъясненной нами притчѣ подъ человѣкомъ нѣкимъ разумѣется Богъ Отецъ, подъ рабомъ—Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а велія вечеря означаетъ Царство Божіе, святую Церковь. Званные изъ евреевъ въ большинствѣ отказались вступить въ нее. Мѣсто ихъ заняли многіе изъ бывшихъ язычниковъ. И полноты надлежащей въ Царствѣ Божіемъ еще нѣтъ. Двери открыты. Призываются и нынѣ въ нее люди, блуждающіе во мракѣ идолослуженія. Съ благовѣстіемъ о Христѣ и Его царствѣ ходятъ самоотверженные труженики, переносятъ голодъ и холодъ и всякія лишенія. Помоги имъ, Господи! А мы, братіе, съ вами пребываемъ въ Царствѣ Божіемъ. Всѣ мы, православные чада Церкви Святой, пользуемся превеликими благами на вечери Божіей. Размыслите и оцѣните по достоинству величіе и важность сихъ даровъ. Мы были до крещенія чадами гнѣва Божія, сынами отверженными. Но вотъ облекли насъ въ крещеніи въ бѣлую одежду, знакъ дарованной чистоты. Мы возродились духовно и получили право быть чадами Божіими и наследни-

ками вѣчныхъ благъ. Св. Церковь положила на насъ и печать сыновства въ таинствѣ муропомазанія. Она питаетъ насъ Тѣломъ и Кровью Господа Іисуса Христа для вѣчной жизни и врачуетъ немощи души и тѣла въ таинствахъ покаянія и елеосвященія. И это еще не все. Она даруетъ намъ поставляемыхъ Духомъ Святымъ пастырей и учителей и благословляетъ продолженіе рода въ таинствахъ священства и брака. А сколько еще благословеній и благожеланій расточаетъ она ежедневно вѣрнымъ чадамъ своимъ? Воистину великая любовь Божія излилась на насъ не по заслугамъ нашимъ, а только по милости Бога! Но, братіе, Церковь Святая на землѣ подаетъ намъ блага духовныя во спасеніе наше и для вѣчной блаженной жизни. А на землѣ мы странники и пришельцы. Истинное отечество наше на небѣ. Всѣ мы, одинъ за другимъ переселимся въ это отечество. Тамъ будетъ неизреченное блаженство. Но знайте, что Церковь на небѣ и на землѣ едина. Кто не хочетъ быть членомъ ея на землѣ, тотъ не можетъ сдѣлаться таковыми и на небѣ и потому не вкусить вечери Христовой въ царствѣ славы. Какъ огня бойтесь сектантовъ разнаго рода. Они, какъ волки хищные, бродятъ, выискивая себѣ добычи. По вѣнчному виду ихъ скоро и не распознаешь. Сектанты вѣдь любятъ надѣвать на себя личину кроткой овцы. Одни похваляются самочинными продолжительными собраніями въ своихъ моленныхъ, гдѣ самочинные ихъ іереи и архіереи служатъ имъ даже литургіи. Мы разумѣемъ раскольниковъ, приемлющихъ такъ называемое австрійское священство. Много австріяковъ развелось на Руси. Разные пути они избираютъ для совращенія православныхъ. Но посуди самъ, какое же это законное благодатное Христово. священство, когда оно появилось только 60 лѣтъ тому

назадъ? Церковь ни одной минуты не существовала безъ пастырей, поставленныхъ Духомъ Святымъ, и существовать не можетъ, а эти раскольники, отдѣлившись отъ Церкви православной, почти 200 лѣтъ пробыли безъ священства, потомъ же надумали изъ-за границы выписать его себѣ самочинно. Вотъ уже по истинѣ одинъ стыдъ нашимъ раскольникамъ съ австрійскимъ священствомъ по упорству пребывать въ вечери Христовой и похваляться на весь свѣтъ, что вечеря сія завелась у нихъ хотя и недавно. Иные изъ любящихъ именовать себя старовѣрами послѣдовательнѣе австріяковъ. Это такъ называемые безпоповцы. Они какъ отдѣлились отъ Церкви, такъ и пребываютъ съ своими стариками уставщиками, замѣняющими имъ священниковъ. Живутъ они безъ таинствъ, безъ освященія. Оно и понятно. Въ вечери Божіей какое же можетъ быть духовное освященіе. Кромѣ раскольниковъ, у насъ на Руси водятся еще раздорники сектанты, какъ-то: пашковцы, молоканы, духоборцы, штундисты, баптисты и многіе другіе. Эти уже прямо говорятъ, что на землѣ и нѣтъ вечери Христовой, т.-е., Церкви Святой. Здѣсь только тусклое отображеніе ея въ собраніяхъ сектантовъ. Сіи вольнодумцы добровольно заявили свое отреченіе отъ участія въ Царствѣ благодатномъ. Да на погибель другимъ они тоже раскидываютъ сѣти для улова православныхъ. Но что же они обѣщаютъ вмѣсто тѣхъ благъ, которыми надѣляетъ насъ Святая Церковь? Легкій путь къ блаженству указываютъ они. А человѣкъ любить полѣниться, пожалѣть себя. Вотъ они говорятъ: только вѣрий во Христа, и ты уже спасенъ. Какъ легко, подумаешь, достается спасеніе. Одно сомнительно, кто же сказалъ имъ, что точно этотъ легкій путь ведетъ къ спасенію? *Царствіе небесное нудится*, т.-е., усилиями достигается голосъ церкви.

(Ме. XI, 12) и *всякъ въ не нудится, съ усиліемъ* входитъ (Лук. XVI, 16). Сектанты же говорятъ, вопреки слову Спасителя, оно легко получается. Обольщаются они себя, обманываютъ и другихъ. Слѣпой берется вести другаго, котораго предварительно лишаетъ зрѣнія. Оба упадутъ, несомнѣнно, въ погибельную яму, изъ которой уже никто не спасеть ихъ. Вѣдайте, братіе, что только въ Церкви Святой пребываетъ и освящаетъ спасительная благодать Духа Святаго. Хотя бы кто признавалъ Господа Іисуса Христа Богомъ, а къ Церкви бы не принадлежалъ, не спасеть его одна вѣра безъ послушанія Христу. А Господь Іисусъ Христосъ учредилъ Святую Церковь Свою съ таинствами для освященія и спасенія насъ. Не удивляйтесь и тому, что сектанты говорятъ отъ Писанія. Спроси ихъ, какъ они понимаютъ Священное Писаніе? Они вѣдь толкуютъ его по своему разумѣнію, кто какъ можетъ. Но единственно истинное толкованіе даетъ только Святая Церковь. Она хранить слово Божіе и преподаетъ его вѣрующимъ, приходя на помощь имъ въ дѣлѣ пониманія словъ Божественныхъ. И мы знаемъ, и открыто исповѣдуемъ, что толкованіе Церкви непогрѣшительно. Въ ней пребываетъ Святый Духъ и не допустить ея погрѣшить или заблудиться. Посему-то Церковь и есть единственная руководительница въ дѣлахъ вѣры. Одинъ древній святой отецъ, св. Ириней, сказалъ: „не должно у другихъ искать истины, которую легко заимствовать отъ Церкви, ибо въ нее, какъ бы въ богатую сокровищницу, апостолы въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни. Она есть дверь жизни“. И св. Апостоль Павелъ сказалъ, что Церковь есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимоѳ. III, 15). Такъ, имѣя истину, дарованную намъ Святою Церковью,

не станемъ слушать отщепенцевъ отъ нея, хотя бы они говорили отъ Писанія. Уже то подозрительно, что они дерзаютъ священныя книги Новаго Завѣта марать красными чернилами, подчеркивая излюбленныя ими мѣста. Все Писаніе богодохновенно. Святый Духъ писаль его чрезъ избранныхъ мужей. И никто по своему произволу не имѣеть права одно избирать, другое отвергать, а иное совсѣмъ вычеркивать. Это вѣдь гордое противленіе Духу Святому, богоборство. А на таковыхъ прогнѣвляется Господь. Всякому смѣло будемъ говорить, что мы чада Церкви православной, хранимъ истину и имѣемъ надежду на спасеніе. Насъ Господь призваль на вечерю велію. Такъ возблагодаримъ Его и рабски послушны будемъ Ему. Паче меда сладки намъ блага небесной вечери. Господи! Ты благоволилъ насть призвать въ Твое благодатное царство. Не лиши насъ и небесной Твоей вечери, гдѣ со всѣми святыми будемъ славить Тебя со Отцемъ и Духомъ Святымъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Василій, Епископъ Можайскій.



Духовный дневникъ*).

„Всѣ вы сыны свѣтла и сыны днѧ...
Будучи сынами днѧ, да трезвимся,
облегчимъ вѣ броню вѣры и любви и
вѣ илл. илл. надежды спасенія“—(1 Єсес-
ал. 5 г. 5, 8 ст.).



Брось всякія сомнѣнія и исканія относительно вѣры во Христа Спасителя. Внутри своего существа ты имѣешь требованія нравственнаго закона, ты чувствуешь, что они не земныя, а небесныя, Божественныя. Христосъ Спаситель эти требованія указалъ въ наивысшемъ, недосягаемомъ, совершенномъ видѣ, какъ никто никогда изъ людей; значитъ: Онъ—Богъ, ибо ты самъ же согласенъ, что только Богъ есть источникъ всесовершенного добра.



Когда Господь призоветъ тебя къ покаянію, ты увидишь всю скверну своихъ грѣхопаденій, сознаешь все свое ничтожество, возгрѣй тогда крѣпкую вѣру и любовь ко Господу, проси Его помиловать тебя, окаянаго, растворяя это моленіе надеждою на милосердіе Божіе. Но вотъ пройдетъ время, Господь приметъ твое покаяніе, ты поисправишься, станешь жить по-доброму,

*.) Продолженіе.—См. м. Ноябрь „Гол. Ц.“.

и у тебя вдругъ станутъ всплывать помыслы: зачѣмъ ты допускалъ въ жизни своей тяжкіе грѣхи, если бы ихъ не было, ты, можетъ, былъ бы поставленъ Господомъ въ чинѣ дѣвственниковъ и т. п. О, не допускай этихъ помысловъ!—приглядись къ себѣ: это у тебя начинаютъ проявляться превозношеніе и мечтаніе. Не о томъ думай и скорби, что ты не можешь быть въ такихъ-то небесныхъ обителяхъ, а только умоляй Господа дать тебѣ, недостойному и многогрѣшному, хотя бы самое послѣднее мѣсто въ Царствіи Небесномъ, только бы тебѣ не лишиться лицезрѣть Милосерднаго Господа въ будущемъ вѣкѣ.



Когда ты много спишь, ъшь, гуляешь, то хотя твое здоровье поправляется, твой организмъ крѣпнетъ, внѣшній человѣкъ цвѣтетъ, но внутренній подавляется, понижается. Такъ, прежде всего ты начинаешь испытывать плотскую брань. Пусть въ бодрственномъ состояніи ты отражаешь ее, но въ сонномъ не избѣжишь нечистыхъ воображеній. Теперь выбирай: лучше ли тебѣ пользоваться здоровьемъ и быть нечистымъ, блуднымъ, сквернымъ, или же—быть слабымъ, немощнымъ, но чистымъ, невиннымъ по мыслямъ? Не жалѣй, поэтому, если ты слабъ тѣломъ, несешь много трудовъ, не имѣешь времени для тѣлеснаго отдохновенія, этимъ ты много предохраняешь себя отъ плотской браны.



Помни, пастырь и всякий, кто далъ обѣтъ служить одному только Господу: міръ, отъ которого ты отрекся, будетъ стараться попрежнему тебя привлечь къ себѣ, тебя опутать своими цѣпями, какъ паукъ опутываетъ

своей паутиной попавшуюся къ нему букашку. Ты, добрый пастырь, долженъ быть свободно-независимымъ отъ міра и его привязанностей. Люди, напр., будутъ искать съ тобою духовнаго общенія. Если ты не твердъ духомъ, будешь бояться оскорбить отказомъ такихъ искателей, станешь идти имъ навстрѣчу, то выйдетъ, что тобою окончательно завладѣютъ и—одинъ будетъ требовать частыхъ съ тобою бесѣдъ, другой посѣщенія, третій поддержки и покровительства; и все это, повидимому, подъ благовидными предлогами молитвеннаго общенія, но въ существѣ дѣла часто по простому человѣческому пристрастію. Вотъ тутъ-то и должна быть твердость духа, независимость отъ кого бы то ни было, свобода твоихъ дѣйствій, которая должна быть вдохновляема служеніемъ одному только Богу, одному добру. Міръ будетъ говорить и требовать отъ тебя одного, а ты свободно дѣлай другое. Тебя, напр., будутъ упрашивать: посѣтите нашъ домъ, нашу семью, а ты, если все повѣряешь Господомъ, смѣло и рѣшительно говори: нѣтъ, не посѣщу, или же: посѣщу, но только завтра и т. п. Словомъ, кто желаетъ искренно служить славѣ Божіей, долженъ вырабатывать въ себѣ силу духа и быть свободнымъ и независимымъ отъ міра и цѣпей его.



Для того, чтобы бороться съ самомнѣніемъ, тщеславіемъ и духовною гордостію, постарайся составить о себѣ мнѣніе, какъ о несовершенномъ и немощномъ, убѣдись, какъ ты убѣждашься относительно разныхъ явленій міра, что ты, дѣйствительно, слабое и немощное существо. Для этого приведи себѣ на память прежніе недочеты, хорошо поразмысли о живущихъ и прирожденныхъ тебѣ несовершенствахъ, обрисуй свою

личность, какова есть, и убѣдись, наконецъ, что дѣйствительно ты немощной человѣкъ. Пусть послѣ этого тебя хвалятъ и превозносятъ, пусть появляются и всплываютъ у тебя самого самолюбивые и тщеславные помыслы,—всему этому внутренно, отъ сердца, искренно протестуй, держи крѣпко отвѣтъ въ умѣ такой: говорите мнѣ, что хотите, хвалите меня, какъ знаете, не вѣрю я ничему этому, ибо знаю себя лучше васъ и ничѣмъ меня не разубѣдите,—именно знаю, что я крайне немощной и грѣшный человѣкъ.



Не удивляйся и не осуждай, если люди не выносятъ искушеній и падаютъ. Хорошо тебѣ, когда ты свободенъ отъ этихъ искушеній и не испытываешь ихъ. Но кто знаетъ, если бы ты подвергся этимъ искушеніямъ, то вынесъ-ли бы ихъ?



Если ты случайно ошибешься, допустишь неловкость въ присутствіи другихъ, а пастырь, напр., ошибется во время церковной службы, и ты смущишься, станешь досадовать на это, особенно если тебѣ замѣтятъ, тебя поправятъ, то знай, что это смущеніе исходить отъ твоей гордости, самомнѣнія о своихъ достоинствахъ и знаніяхъ. Нѣтъ, ошибся,—смирись сейчасъ, подумай такъ: эта ошибка показываетъ, какъ я несовершенъ, какъ мало у меня знаній, какая у меня слабая память, а поправили меня—спасибо имъ, что меня поддержали, выручили изъ бѣды.



Что такое смиреніе? „Смиреніе, говорить преп. Симеонъ Новый Богословъ (2 слово 94), есть какъ бы

некрадомая сокровищница, устрояемая въ томъ умѣ, который носитъ убѣжденіе, что только силою благодати имѣются въ немъ добрая качества“.



Что такое кротость? Кроткій, похвалами ли окружень или порицаніями, хранить себя безстрастнымъ и ни похвалами не превозносится, ни порицаніями не огорчается (Преп. Сумеонъ Нов. Богословъ).



У насъ часто возбуждается смѣхъ отъ неловкостей, недостатковъ и ошибокъ окружающихъ. Удерживай его мыслю, что, можетъ быть, ты еще больше достоинъ смѣха, а вѣдь тебѣ непріятно, когда надъ тобою смѣются.



Если братъ твой ошибется, и ты засмѣешься и поспѣшишь поправить его — помни: ты осуждаешь его и воображаешь, что больше его знаешь, что ты этой ошибки не допустилъ бы, что ты лучше и совершенѣе твоего брата.



Имя Господа Іисуса должно возбуждать въ насъ умиленіе, тихую радость, отраду. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это имя нашего Искупителя, нашего Спасителя. Мы не можемъ безразлично относиться къ лицамъ, которыхъ насъ любятъ, благодѣтельствуютъ и покровительствуютъ намъ. Напоминаніе и даже самое имя ихъ насъ уже радуетъ, утѣшаетъ. Въ безконечно большемъ видѣ это нужно представить относительно Сладчайшаго Имени Господа нашего Іисуса Христа.



Намъ одна достопочтенная игуменія I. говорила, что она съ юныхъ лѣтъ такъ возлюбила святителя Іоанна Златоуста за его духовную мощь и творенія, что уже самое имя „Іоаннъ“, когда бы и гдѣ бы оно не произносилось и встрѣчалось, умиляло ее. „Читаютъ, напр., въ церкви помянникъ и поминаютъ Іоанна, Іоанна... сердце мое, говорила она, уже трогается. Случится мнѣ встрѣтить на бумагѣ, письмѣ, конвертѣ это имя,—тоже самое: я умиляюсь“. Вотъ какъ могутъ добрыя души любить угодниковъ Божіихъ и соединять свое сердце съ ихъ свѣтлымъ образомъ.



Для сосредоточенного и проникновенного служенія Божественной Литургіи большое значеніе имѣеть подготовка къ службѣ, вычитка положенного предъ служеніемъ правила. Чѣмъ внимательнѣе и воодушевленнѣе мы его читаемъ, тѣмъ проникновеннѣе служимъ Божественную Литургію.



Если ты дерзаешь принимать Св. Тайны на Литургіи, то подумай, какъ тебѣ слѣдуетъ подготовить домъ души своей для этого. Онъ долженъ быть у тебя помеченъ и убѣленъ. Вспомни, какъ ты готовишиесь къ встрѣчѣ высокаго гостя? Ты сутишься, волнуешься, убираешься, ожидаешь, одѣваешься. Живо представляй себѣ предъ св. Причащеніемъ, что ты долженъ принять Самого Господа, и ужъ постарайся все усердіе употребить къ достойной встрѣчѣ Его.

—

Если мы обратимъ вниманіе на свое сердце, то увидимъ, что въ немъ нѣтъ теплой, умилительной, чистой любви къ Господу. Проблески этой любви, по временамъ, пожалуй, и бываютъ, но общее расположеніе сердца нашего холодное. И нужно знать, что полная любовь къ Господу есть даръ, который пріобрѣтается долгимъ молитвеннымъ подвигомъ. Одинъ, напр., старецъ стяжалъ этотъ даръ только послѣ тридцатилѣтняго усиленного исканія его. Сей старецъ постоянно молился, чтобы Господь далъ ему хотя одну минуту насладиться этою любовью. И вотъ, однажды, во время болѣзни, послѣ св. Причащенія объялъ его пламень сей любви къ Господу, и явилось въ сердцѣ у него такое расположеніе, что онъ готовъ былъ уже на всякую болѣзнь, скорбь и страданіе, только бы не лишиться этой любви. Кто имѣетъ сей даръ любви къ Господу, тотъ благодушенъ, спокоенъ, миренъ, добръ, кротокъ, назидателенъ и пріятенъ.

Архимандритъ Арсеній.



Свѣточи Православной Христовой Церкви *).

Авва Аммонъ.

1) Одинъ братъ просилъ авву Аммона: „скажи мнѣ что-нибудь въ наставлениѣ“. Старецъ отвѣчаетъ ему: „поди, имѣй такія мысли, какія имѣютъ преступники, находясь въ тюрьмѣ. Они всегда спрашиваютъ другихъ: „гдѣ судія? когда онъ придетъ?—и плачутъ отъ ожиданія. Такъ долженъ и монахъ непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: „увы мнѣ, какъ я предстану на судъ Христовъ, и чѣмъ буду оправдываться передъ Нимъ?—Если всегда будешь такъ размышлять, можешь спастись“.

2) Авва Аммонъ говорилъ: „четырнадцать лѣтъ провелъ я въ скитѣ и молился Богу днемъ и ночью о томъ, чтобы даровалъ мнѣ силу побѣдить гнѣвъ“.

3) Однажды братія потерпѣли оскорблениѣ на мѣстѣ своего пребыванія, и, желая оставить сіе мѣсто, пошли къ авву Аммону; а старецъ въ это время плылъ куда-то по рѣкѣ. Увидѣвъ, что они идутъ по берегу рѣки, онъ сказалъ корабельщикамъ: „высадите меня на берегъ“, и, подозвавъ братій, сказалъ имъ: „я Аммонъ, къ которому вы идете“. Утѣшивъ сердца ихъ, онъ уговорилъ ихъ воротиться на мѣсто, изъ котораго вышли, ибо случившееся съ ними не вредило душѣ ихъ, но было оскорблениѣ человѣческое.

^{*)} См. „Гол Церкв.“ м. Ноябрь.

4) Нѣкогда авва Аммонъ пришелъ въ одно мѣсто обѣдать.. Тамъ былъ человѣкъ, о коемъ носилась худая молва. Случилось, что шла одна женщина и зашла въ келью брата, о которомъ была худая молва. Жители мѣста того, узнавъ объ этомъ, произвели тревогу и собрались выгнать его изъ кельи. Но, узнавъ, что епископъ Аммонъ находится тутъ, пришли и просили его пойти съ ними. Братъ, какъ скоро узналъ объ этомъ, скрылъ женщину въ большую бочку.. Когда народъ пришелъ, авва Аммонъ узналъ тутъ бывшее; но для Бога скрылъ дѣло, и, вошедши, сѣлъ на бочку, и велѣлъ обыскать келью. Когда же обыскали и не нашли женщины, авва Аммонъ сказалъ: „Что значитъ? Богъ да проститъ вамъ“. И, помолившись, велѣлъ всѣмъ выйти, а брата, взявъ за руку, сказалъ ему: „брать, внимай себѣ“, и, сказавъ сіе, удалился.

5) Авву Аммона спросили; „какой путь есть путь тѣсный и прискорбный?“ Онъ отвѣчалъ: „путь тѣсный и прискорбный есть обузданіе своихъ помысловъ и отсѣченіе собственныхъ пожеланій для Бога. Сіе-то значитъ: се мы оставихомъ вся, и вслѣдъ Тебѣ идохомъ“ (Мате. 19, 27).

Авва Аммунъ Нитрійскій.

1) Разсказывали объ аввѣ Аммунѣ: малою мѣрою ячменя онъ проживалъ два мѣсяца. Однажды пришелъ онъ къ аввѣ Пимену и говоритъ ему: „если я прихожу въ келью сосѣда, или онъ приходитъ ко мнѣ по какой-либо нуждѣ, то мы опасаемся разговаривать другъ съ другомъ, чтобы не вкрадся какой-либо посторонній разговоръ“. Старецъ отвѣчаетъ ему: „хорошо ты дѣлаешь, ибо молодость имѣеть нужду въ бдѣніи“. Авва Аммунъ спрашиваетъ: „что же дѣлали старцы?“ Авва Пименъ отвѣчалъ: „старцы усовершившіеся не имѣли

въ душѣ чего-нибудь иного, и на устахъ посторонняго, о чёмъ могли бы разговаривать".—„Итакъ, сказалъ авва Аммунъ, если будетъ необходимость говорить съ сосѣдомъ о св. Писаніи или объ изреченіяхъ старцевъ, присовѣтуешь ли говорить?" Старецъ отвѣталъ: „если ужъ не можемъ молчать, то лучше говорить объ изреченіяхъ старцевъ, нежели о Писаніи, ибо въ послѣднемъ случаѣ—немалая опасность".

Авва Авраамъ.

1) Разсказывали объ одномъ старцѣ, что онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, и во все это время едва ли ъѣлъ хлѣбъ и пилъ вино. Говорилъ онъ: „я умертвилъ въ себѣ блудъ, сребролюбіе и тщеславіе". И пришелъ къ нему авва Авраамъ, услышавъ слова сіи, и говоритъ ему: „ты говорилъ это?—Да", отвѣталъ старецъ. Авва Авраамъ сказалъ ему: „вотъ ты входишь въ келью свою, и находишь на рогожѣ своей женщину: можешь ли не думать, что у тебя женщина?"—Нѣтъ, отвѣталъ старецъ, „но я борюсь съ помысломъ, чтобы не прикасаться къ ней". Тогда сказалъ авва Авраамъ: „итакъ, ты не умертвилъ страсти, но она живетъ, хотя и обуздана. Далѣе, когда ты идешь и видишь камни и черепки, а посреди нихъ золото: можетъ ли умъ твой мыслить о золотѣ, какъ о камняхъ и черепкахъ?—Нѣтъ, отвѣталъ старецъ,—но я борюсь съ помысломъ, чтобы не взять золота". Старецъ Авраамъ опять говоритъ: „итакъ страсть жива, только обуздана". Наконецъ, сказалъ авва Авраамъ: „вотъ ты мыслишь о двухъ братіяхъ, что одинъ любить тебя, а другой ненавидитъ тебя и злословитъ; если они придутъ къ тебѣ, равно ли ты примешь ихъ обоихъ?—Нѣтъ, отвѣталъ старецъ,—но я борюсь съ помысломъ, чтобы благотворить ненавидящему меня такъ же, какъ и любящему". И го-

воритъ ему авва Авраамъ: „итакъ страсти живутъ и въ святыхъ; только онѣ ими обуздываются“.

Авва Апфій.

1) Разсказывали объ епископѣ Оксириинхскомъ, по имени аввѣ Апфій: „Когда онъ былъ монахомъ, велъ весьма строгую жизнь, а когда сдѣлался епископомъ, хотѣлъ вести такую же строгую жизнь и среди міра, но не могъ. Повергаясь предъ Богомъ, говорилъ онъ: „неужели по причинѣ епископства отступила отъ меня благодать?“ И было ему открыто: „нѣтъ, но тогда ты былъ въ пустынѣ. Тамъ не было ни одного человѣка, и Богъ помогалъ тебѣ, а нынѣ ты въ мірѣ, и люди помогаютъ тебѣ“.

Авва Аполлонъ.

1) Былъ одинъ старецъ въ Келліяхъ, по имени Аполлонъ. Если кто приходилъ звать его на какую-нибудь работу, онъ шелъ съ радостью, говоря: „со Христомъ я нынѣ буду работать ради души моей, ибо она получитъ награду“.

2) Авва Аполлонъ говорилъ о принятіи братіи: „должно кланяться приходящимъ братіямъ, ибо не имъ кланяемся, а Богу. Видя брата твоего, видиши Господа Бога твоего, и это, говорить онъ, приняли мы отъ Авраама (Быт. 18, 2). Принявъ братій, убѣждайте ихъ къ успокоенію; сему научились мы у Лота, который *принуди* (Быт. 19, 3) Ангеловъ.

Авва Андрей.

1) Авва Андрей говорилъ: „монаху приличны сіи три подвига: странничество, бѣдность и молчаніе въ терпѣніи“.

Авва Ало.

1) Разсказывали объ одномъ старцѣ Фиваидскомъ, аввѣ Антіанѣ: „въ юности своей онъ много подвизался, но въ старости ослабѣлъ и ослѣпъ. По причинѣ его болѣзни, братія много доставляли ему утѣшенія, и даже клали ему въ ротъ пищу. Однажды спросили они авву Ало: „что будетъ за это многое утѣшеніе?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „увѣряю васть, что если сердце его желаетъ сего утѣшенія и охотно принимаетъ его, то, если онъ съѣсть и одинъ финикъ, Богъ уменьшаетъ за оный награду за трудъ его. Если же сердце его не желаетъ утѣшенія, то Богъ сохраняетъ трудъ его цѣлымъ, потому что его принуждаютъ противъ воли. А братія получатъ награду“.

Авва Амонаѳа.

1) Однажды пришелъ въ Пелузію какой-то правитель, и хотѣлъ требовать съ монаховъ такъ же, какъ и съ мірянѣ, поголовной дани. По этому случаю всѣ братія собрались къ аввѣ Амонаѳѣ, и рѣшили, чтобы нѣкоторые отцы шли къ Императору. Авва Амонаѳа говорить имъ: „нѣтъ нужды въ такомъ трудѣ, а лучше сохраняйте безмолвіе въ своихъ кельяхъ, и поститесь двѣ седмицы, и по благодати Христа я одинъ сдѣлаю сіе дѣло. Братія разошлись по своимъ кельямъ, и старецъ сохранялъ безмолвіе въ своей кельѣ. Когда прошло четырнадцать дней, братія сѣтовали на старца, ибо они не видали, чтобы онъ когда-нибудь выходилъ. Они говорили: „старецъ оставилъ безъ вниманія наше дѣло“. Въ пятнадцатый день братія собрались вмѣстѣ, какъ прежде условились. И старецъ пришелъ къ нимъ, имѣя въ рукахъ грамоту за царской печатью. Видя сіе, братія изумились и спросили старца: „когда ты

принесъ ее, авва?“ Старецъ отвѣчалъ: „Повѣрьте мнѣ, братія, что въ сію ночь ходилъ я къ царю, и онъ написалъ мнѣ сію грамоту. Отъ него пошелъ я въ Александрію и записалъ ее у правителей, и потомъ возвратился къ вамъ“. Выслушавъ это, братія обѣяты были страхомъ, и поклонились ему. Такъ дѣло ихъ было сдѣлано, и правитель болѣе не тревожилъ ихъ.

Василій Великій.

1) Одинъ старецъ разсказывалъ о Василіи Великомъ: „Посѣтивъ однажды киновію, послѣ приличнаго наставленія, онъ спросилъ настоятеля: „есть ли у тебя здѣсь братъ, который бы отличался послушаніемъ?—Владыка, отвѣчалъ настоятель,—всѣ рабы твои и ищутъ спасенія“. Св. Василій опять спросилъ его: „есть ли кто у тебя, имѣющій истинное послушаніе?“ Тогда настоятель привелъ къ нему одного брата. Св. Василій велѣлъ ему служить при столѣ. Послѣ принятія пищи, братъ подалъ ему воды умыться, а св. Василій говоритъ ему: „пойди, и я подамъ тебѣ умыться“. Братъ допустилъ Василію подать себѣ воды. Св. Василій сказалъ ему: „когда пойду въ храмъ, приходи и ты,—я сдѣлаю тебя діакономъ. Послѣ сего св. Василій сдѣлалъ его пресвитеромъ, и за его послушаніе взялъ съ собою въ епископію“.

Избралъ **М. Новоселовъ.**





Послушаніе.

Въ убогой кельѣ, одинокой,
На хладныхъ каменныхъ плитахъ,
Въ тиши обители далекой
Молился пламенно монахъ.

Просилъ у Господа прощенья,
Самоотверженности, силъ,
Чтобъ побороть тѣ искушенья,
Что онъ съ трудомъ переносилъ.

На немъ лежало послушанье:
Пришельцевъ, бѣдняковъ кормить,—
Но къ нимъ святого состраданья
Не могъ въ себѣ онъ возбудить.

Былъ полдень. Въ кельѣ полутемной
Вдругъ свѣтъ лучистый возсіялъ
И уголокъ молитвы скромный
Струею теплою обдалъ.

И инокъ увидалъ въ смятены
Христа въ хитонѣ предъ собой,
Онъ паль на землю въ восхищеньи,
Исполненъ радости святой.

То былъ Господь не въ часъ страданья,
Не въ часъ распятъя на крестѣ,
Не въ часъ молитвы въ Геєсиманыи
Съ слѣдами крови на Лицѣ,—

То былъ Господь, какъ Онъ являлся
Путь жизни людямъ указать,
Когда на гору поднимался
Святую проповѣдь сказать;

То былъ Господь, когда полями
На Пасху въ градъ Іерусалимъ
Спокойно шелъ съ учениками,
Съ толпой, грядущею за Нимъ.

Изъ глубины души смиренной
Въ восторгъ инокъ возгласилъ:
„Кто-жъ я, что Ты, Господь вселенной,
„Меня сегодня посѣтилъ?“

„О, дай всѣмъ сердцемъ помолиться,
„Упавши ницъ передъ Тобой,
„И дай мнѣ счастьемъ насладиться,
„Молитвой чистою,—святой“.

„Но вдругъ протяжный звонъ раздался,
Несясь далеко по полямъ,
Имъ часъ полдневный возвѣщался—
Раздачи хлѣба бѣднякамъ.

Тотъ звонъ внезапное страданье
Въ душѣ монаха возбудилъ:
„Ужель идти на послушанье?..—
„Оставить Господа нѣть силъ!..“

Но голосъ совѣсти, смиренья
Шепталъ: „Ты долгъ свой исполняй,
„А всѣ тревожныя сомнѣнья
„На волю Господа отдай“.

И онъ пошелъ туда, гдѣ ждали
Тѣ, кто такъ часто голодалъ,
Кого мученья такъ терзали,
Что запахъ хлѣба убивалъ.

Имъ нынѣ монастырь казался
Звѣздою райской, золотой,

А хлѣбъ, что щедро раздавался,
Казался Трапезой Святой.

Окончилъ инокъ послушанье;
Обратно въ келлію спѣшилъ,
Въ душѣ тревога, ожиданье...
И сердце трепетно стучитъ:
Ушелъ ли Гость неоцѣненный,
Иль ждетъ его Онъ, можетъ быть...
Съ надеждой тайною, священной
Спѣшилъ онъ дверь пріотворить.

И что-же? дивное сіянье
Онъ снова въ кельѣ увидалъ,
И оправдалось ожиданье,—
Господь опять предъ нимъ стоялъ.
И Гласъ Божественный раздался:
„Зачѣмъ ты возропталъ тогда?..—
„И еслибъ въ кельѣ ты остался,
„То Я ушелъ бы навсегда“.

В. Г.

*Мароо-Маріинская Обитель Милосердія
въ Москвѣ.*



У Пречистой въ Ченстоховѣ и Вильжѣ.

I.

Возвращаясь въ августѣ 1911 г. изъ заграничной поѣздки, я, по данному заранѣе обѣщанію, заѣхалъ сперва въ Ченстоховъ, а затѣмъ въ Вильно. Въ обоихъ городахъ мое вниманіе привлекли двѣ древнія чудотворныя иконы Б. Матери, извѣстныя среди вѣрующихъ по именамъ городовъ, гдѣ онѣ, въ разное время появившись въ Россіи, оказались съ теченіемъ своей долгой исторіи. Еще будучи студентомъ въ Петерб. Университетѣ я занялся вопросомъ, который быстро и разрѣшился: „имѣются ли въ католичествѣ, какъ находящемся въ Православной Восточной, по мѣсту своего главнаго распространенія, но Вселенской по существу, Церкви,—видимые знаки божественной благодати, какъ, напримѣръ, чудотворныя иконы? Появлялись ли онѣ въ католичествѣ послѣ его отдѣленія отъ православія, въ которомъ оно (католичество) до той поры открыто находилось (исповѣданіе папы Льва, современника Карла Великаго); появлялись-ли такія чудотворныя иконы, чтобы своею благодатною силою поражали бы всѣхъ христіанъ?“. — Легко доставъ сырой исторической матеріалъ, безъ всякаго освѣщенія, лѣтописныя цитаты, я узналъ то, что давно извѣстно специалистамъ богословамъ. Мнѣ достаточно указать, на такіе общедоступные источники, какъ Энциклопед. Слo-

варь Брокгауза и Эфрана, гдѣ желающіе могутъ уз-
нать краткія свѣдѣнія по этому вопросу. („Остробрам-
ская или Островратная икона“, томъ XXII, полутоомъ
43, стр. 346, Ченстоховская икона, томъ XXXVIII, по-
лутоомъ 76, стр. 499). Читатель узнаетъ, что обѣ эти
иконы по своему историческому происхожденію *право-
славныя*. Одна прославилась сперва на св. горѣ Аeonъ,
а обѣ въ Россіи появились въ разное время. Иконы
были привезены на нашу родину среди тѣхъ непрекра-
щавшихся сношеній со св. Горой, которая выразились;
главнымъ образомъ, въ постоянномъ массовомъ при-
ливѣ богомольцевъ изъ Россіи. Эти безвѣстные бого-
мольцы поддерживали ту связь, которая должна посто-
янно существовать среди отдѣльныхъ частей Единой
Спасающей Христовой Церкви. Эта связь то ослабѣ-
вала, то усиливалась во внѣшнихъ признакахъ. Из-
вѣстно, что эти паломники приносили домой иконы,
книжные списки и оригиналы. У Пыпина въ его „Исто-
рии русской литературы“, т. I,—сообщается, что и на
Аeonъ и въ Константинополѣ жили въ монастыряхъ
постоянно переписчики книгъ, а также и иконописцы
изъ числа русскихъ, какъ и изъ грековъ. Этимъ путемъ
пришли многія иконы въ Россію, вступая въ предѣлы
тогдашней русской страны черезъ г. Корсунь въ Крыму,
почему нѣкоторые изъ нихъ и называются Корсунскими.
Иконы передвигались постепенно въ глубь страны, или
въ центръ, или на наши окраины въ Зап. Россіи.

Съ такими воспоминаніями я ѿхалъ въ Ченстоховъ.
Утромъ я уже шагалъ по улицѣ Дѣви Маріи, въ концѣ
которой возвышается знаменитая Ясная Гора. Здѣсь
прославился монастырь-крѣпость тяжелою осадою 1665 г.,
когда шведы долго и безуспѣшно старались взять при-
ступомъ стѣны, находившіяся подъ защитой неравныхъ
силъ; это талантливо изобразилъ Генрихъ Сенкевичъ

въ одномъ изъ своихъ историческихъ („Потопъ“) романовъ. Въ этихъ же стѣнахъ нашлись такіе насельники, среди которыхъ разыгралась всѣмъ отнынѣ извѣстная драма, поколебавшая устои католицизма своею неслыханною преступностью. И это рядомъ съ такой святынею, которую многіе поляки, не зная историческихъ фактовъ, считаютъ ошибочно—національной. Нѣкоторые называютъ Ченстоховъ — польскимъ Іерусалимомъ.

Мнѣ пришлось подыматься на гору сперва по тѣнистой аллѣ, а выше по сыпучему песку. Эта упраздненная въ 1813 г. крѣпость находится въ весьма выгодномъ военномъ положеніи. Съ вершины горы открывается видъ, какъ говорятъ, верстъ на 60 въ окружности. За своими рвами и стѣнами она скрываетъ монастырь Паулинскаго ордена. У входа толпа разносчиковъ, которые предлагаютъ народу неприхотливый съѣстной товаръ. Въ сторонѣ рядъ лавокъ, гдѣ продаются четки, молитвенники, и типичные по своей сентиментальности католическія священныя изображенія. Ниціе самаго ужаснаго вида стараются всякими возгласами привлечь вниманіе богомольца и за мелкую монету провожаютъ громкимъ призываніемъ благословенія на его главу. Одинъ подростокъ, полузакрывъ глаза и нервно передергиваясь, кричалъ „oi ranowe“; его сосѣди, сидя на землѣ, подобравъ ноги, унылыми голосами просили милостынью, сливая просьбы и молитвы въ одну тягучую речитативную мелодію. Монастырскія стѣны окружаютъ нѣсколькими концентрическими рядами внутренній дворъ, гдѣ находится старинный костелъ съ двумя башнями надъ входомъ. Подъ куполомъ этого храма находится древняя святыня, столь почитаемая народомъ, незнакомымъ съ ея православнымъ происхожденіемъ.

Я у входа. Отъ наружной стѣны до внутренней идутъ перекинутые черезъ рвы каменные мосты. Въ каждой стѣнѣ ворота съ гербами разныхъ знаменитыхъ родовъ, когда-то потрясавшихъ Рѣчъ Посполитую своею междоусобною борьбою. Хвастливые гербы, урны на стѣнахъ, по мнѣнію многихъ, очень безвкусныя, лѣпнія украшенія въ стилѣ Возрожденія,—все это носитъ на себѣ печать постигшаго политического упадка и кажется какъ-то неумѣстнымъ. Надъ воротами иконы; одна изъ нихъ — копія Ченстоховской, находящейся внутри костела. Послѣдній обращаетъ вниманіе своимъ богатымъ внѣшнимъ видомъ и внутреннею отдѣлкою; но, какъ и всегда это наблюдается въ католическихъ храмахъ,—поражаетъ запущенностью и неопрятностью, допускаемой въ столь чтимомъ мѣстѣ. Быстро миновавъ ве-реницу исповѣдниковъ, стоявшую у исповѣдальни, гдѣ тяжело дышалъ отъ августовской жары полный ксендзъ, накрывъ платкомъ свое лицо и прислонившись ухомъ къ окошечку исповѣдальни, гдѣ что-то шептала ему бѣдная крестьянка,—я вышелъ въ средній нефъ. Передо мною открывался алтарь, который бываетъ у католиковъ, какъ извѣстно, безъ иконостаса. Надъ алтаремъ наклонился ксендзъ, совершая такъ называемую „нѣмую“ мессу. Рядомъ съ нимъ стоялъ, опустившись на колѣни, пожилой лысый причетникъ, въ какомъ-то фантастическомъ бѣломъ одѣяніи, которое ему спускалось ниже пояса. Онъ поглядывалъ апатично по сторонамъ и изрѣдка вскидывалъ дребезжащимъ колокольчикомъ, когда это полагалось по ходу молчаливаго чина. Дамы, крестьяне, крестьянки, всѣ стояли на колѣняхъ. Нѣкоторые женщины, павъ на лицо, шептали про себя. Другія быстро скользили взоромъ по молитвеннику. Я не сталъ на колѣни, а, сдѣлавъ земной поклонъ Пречистой Владычицѣ, началъ изучать икону;

и здѣсь воочію я могъ убѣдиться въ совершенно православномъ письмѣ иконы.

Типическіе признаки православной живописи сразу давали себя знать; несмотря на позднѣйшія попытки измѣнить подробности въ рисункѣ металлической ризы, св. Ликъ глядѣлъ на зрителя, являя всѣ правила византійского канона въ письмѣ. Темный Ликъ съ строгими чертами; платъ на головѣ, какой у собственно католическихъ иконъ рѣдко можно видѣть; складки, условнаго типа и въ большомъ изобиліи: вотъ нѣкоторыя наблюденія, которыя сразу намѣчаются.

На головѣ у Пречистой корона. Правая рука положена на грудь,—знакъ смиренія, отличительная черта Божіей Матери, по свидѣтельству св. Діонисія Ареопагита, который сподобился ее видѣть при жизни. Лѣвая рука держитъ Божественнааго Младенца, сидящаго на ней. У Младенца правая рука благословляющая, а лѣвая держитъ дощечку. На головѣ у него также корона. Лики у Пречистой и Ея Сына окружены нимбомъ. Св. икона была принесена изъ Константинополя въ Галицію русскимъ вел. княземъ Львомъ, основателемъ гор. Львова (XIV вѣк.), въ Белзскій замокъ. При Владиславѣ Польскомъ татары осадили замокъ. По приказанію Владислава икона была поставлена на стѣнахъ, согласно извѣстному обычаю. Враги попали стрѣлою въ Ликъ Пречистой, и изъ язвины истекла кровь, какъ это и сейчасъ замѣтно. Въ то же время на враговъ опустилась вредоносная мгла, отъ которой они погибли во множествѣ. Послѣ ихъ отступленія Владиславъ прінесъ икону, согласно указанію, полученному во снѣ, на Ясную Гору въ Ченстоховѣ, гдѣ и основалъ, монастырь помѣстивъ въ немъ икону.

Это было въ 1382 г. Монастырь сталъ принадлежать Паулинскому ордену. Въ 1430 г. на обитель напали

представители одной изъ реформаціонныхъ сектъ, чеш-
скіе гусситы, и желали увезти икону. Возокъ, въ кото-
ромъ была помѣщена икона, не трогался; тогда одинъ
изъ гусситовъ ударилъ мечемъ по Лику Пречистой.
Его тутъ же разорвало, а его спутники получили чу-
десное наказаніе. Въ 1813 г. списокъ съ иконы былъ
поднесенъ братіей монастыря нашему генералу Сакену.
Императоръ Александръ I украсилъ икону ризою съ
драгоцѣнными камнями и приказалъ поставить ее въ
правомъ (южномъ) придѣлѣ Пет. Казанскаго собора,
гдѣ эту икону-списокъ можно видѣть и сейчасъ. На
этомъ спискѣ имѣется соотвѣтствующая надпись.

Мнѣ не пришлось долго оставаться въ костелѣ. По-
клонившись еще нѣсколько разъ св. чудотворной *на-
шей* иконѣ, я долженъ былъ уже уйти къ близкому
отходу Варшавскаго поѣзда. Опять промелькнули мимо
меня фигуры крестьянокъ, когда я проходилъ черезъ
ихъ толпу по костелу. Съ тупымъ взоромъ бродили
онѣ отъ алтаря къ алтарю. Быстро миновавъ монастыр-
скіе коридоры, неширокій дворъ и цѣлый рядъ воротъ,
я вышелъ на вольный просторъ. Былъ какъ разъ пол-
день, и подымавшіяся съ земли испаренія заставляли
колебаться линію горизонта. Съ этой Ясной Горы такъ
далеко и хорошо видно. Впереди разстилались поля съ
пожелтѣвшими хлѣбами, а здѣсь—крикъ нищихъ, споры
торговцевъ, озабоченные лица богоомольцевъ. „Не вѣ-
дятъ, не разумѣютъ, во тьмѣ ходятъ“, вспоминаются
слова псалма, глядя на эти лица. Люди стремятся къ
Той, икону Которой они чтутъ съ пламенной вѣрой;
но эта вѣра слѣпа, ничего не знающая; ей запрещено
читать Слово Божіе, чтобы она не научилась думать,
умѣя теперь только чувствовать. Вѣра приводитъ ихъ
къ этому св. дару Православной Церкви, которая, бла-
годаря Пречистой, имѣетъ многія сотни Ея прослав-

ленныхъ чудесами изображеній; а мощей, а живыхъ „угодниковъ“ вѣдомыхъ и неизвѣстныхъ? Нѣтъ у католиковъ преп. Серафима, св. Іоасафа, чтобы назвать примѣры почти нашей эпохи. Вѣра есть? Но и бѣсы вѣрють и трепещутъ, по слову ап. Іакова. Знаютъ эти факты руководители этой народной толпы, которая вѣками льется волной во дворъ Ченстоховскаго монастыря. Знаютъ, что обѣ эти иконы, Ченстоховская и Виленская Остробрамская — православныя. Но развѣ пожелають они разглашать эти свѣдѣнія; не постараются ли, что они и дѣлаютъ, давать народу изображенія этихъ св. иконъ въ католической трактовкѣ, съ польскими стихами и надписями, желая воспитывать ту мысль, что будто бы обѣ иконы являются національными польскими святынями. Вѣдь только такія изображенія и можно достать, и на нихъ сразу видишь, какъ далекъ строгій православный Ликъ иконы отъ этихъ едва узнаваемыхъ католическихъ передѣлокъ, гдѣ почему-то приdleланы на рисункѣ гирлянды безвкусныхъ цвѣтовъ. Бѣдный и несчастный въ своемъ религіозномъ невѣжествѣ народъ, принужденный пользоваться такими и подобными передѣлками!

II.

На другой день въ 3 часа пополудни я былъ уже въ Вильнѣ. Остробрамская или Островратная икона (brama по-польски — ворота) находится недалеко отъ вокзала. Она помѣщается надъ Острыми Воротами, которые съ давнихъ поръ (XIV, XV вв.) были воздвигнуты на „остромъ“, т.-е., возвышенномъ концѣ города, тогда заселенномъ преимущественно русскими. Касательно долгой и сложной исторіи св. иконы имѣется специальная литература на русскомъ и польскомъ языкахъ.

Населеніе Зап. Россіи относится съ великимъ уваженіемъ къ св. иконѣ. Цѣлые толпы крестьянъ приходятъ ежедневно на поклоненіе; многіе прѣѣзжаютъ изъ отдаленныхъ мѣстностей. И православные русскіе, и католики-литовцы и поляки вполнѣ сходятся въ своемъ религіозномъ уваженіи къ св. иконѣ. Мѣстные обыватели прекрасно помнятъ, что икона по своему происхожденію—православная или „руssкая“, какъ они ее называютъ. Въ этомъ я живо убѣдился путемъ собственныхъ разспросовъ на мѣстѣ.

Самые разнообразные представители труда, умственнаго и физического, утвердительно отвѣчали на мой вопросъ: „Вы знаете что икона не католическая?“— Такое наблюденіе показываетъ, что до сихъ поръ сохраняется преданіе о православномъ происхожденіи св. иконы, которая оказалась, Божіимъ попущеніемъ, въ рукахъ католиковъ въ половинѣ XVI в. Этотъ фактъ имѣетъ громадное принципіальное значеніе какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для повсюду происходящей борьбы католицизма съ православіемъ. Только черезъ гордое самовнушеніе и фанатизмъ, черезъ нежеланіе узнать факты изъ исторіи,—станетъ утверждать рядовой католикъ противное вышеизложеному.

Объ этомъ намъ приходится говорить потому, что многіе совершенно не знаютъ всѣхъ преимуществъ православія и ошибокъ католицизма. Между тѣмъ, едва грамотный человѣкъ, и тотъ можетъ научить католика истинѣ, съ которою ознакомиться тому невозможно въ силу запрещенія читать св. Біблію. Такіе примѣры блестящей побѣды православія на основаніи одного свящ. Писанія, безъ пользованія другими источниками, подвергались не разъ моему наблюденію. Результаты бывали поразительные. Да и что можетъ сказать такой человѣкъ, который Слова Божія не смѣеть

читать? Нашимъ дѣломъ остается только учиться во славу Божію и потомъ успешно бороться. Религіозное невѣжество католиковъ бываетъ поразительнымъ: напримѣръ, многіе не знаютъ, что апостолъ Павелъ говоритъ о духовенствѣ, состоящемъ въ бракѣ, и думаютъ, что оно должно быть безбрачно, по примѣру католиковъ.

Католики скрываютъ отъ народа многое. Вотъ, возвращаясь къ св. иконѣ, укажемъ на тотъ фактъ, что сіяніе, сдѣланное изъ золотыхъ лучей, а особенно корона, были сильно и намѣренно передѣланы. Корона же получила древній видъ былыхъ польскихъ коронъ. Политическая тенденція, которая вызвала и возстаніе 1863 г. и столько другихъ событій вполнѣ ясна.—Ликъ Пречистой на иконѣ наклоненъ; руки сложены на груди,—знакъ смиренія; такъ изобразилъ Ее въ моментъ Благовѣщенія безыменный благочестивый православный художникъ. Эта дивная икона оказалась въ XVII ст. въ рукахъ католиковъ. Но это случилось не сразу. Православный виленскій монастырь, въ которомъ она находилась, перешелъ въ 1609 г. въ руки уніатовъ, а съ тѣхъ поръ онъ подпалъ подъ вліяніе католиковъ, которые поселили въ 1671 г. въ немъ кармелитовъ; до сего дня монастырь остается въ рукахъ католиковъ.

Островратная икона называется также Корсунскою, такъ какъ она появилась въ предѣлахъ Россіи сперва въ г. Корсунѣ, въ Крыму (Херсонесъ Таврическій). Св. икона очень большихъ размѣровъ, написана на двухъ дубовыхъ доскахъ. На головѣ корона, на которой помѣщена другая. Вокругъ Лика вѣнчикъ и золотые лучи. Риза и короны усыпаны камнями. На вѣнчикѣ надѣто много бусъ, которые спускаются внизъ. На одной ниткѣ бусъ виситъ крестъ. По сторонамъ св.

иконы поставлены статуи изъ золота, изображающія свв. праведныхъ Іоакима и Анну. Это, конечно, позднѣйшее, католическое измѣненіе. Св. икона празднуется нами 26 Дек. и 14 Апр.¹⁾.

По мѣстному обычаю я прошелъ подъ воротами, снявъ шапку. Передо мною открывалась узкая улица, спускавшаяся внизъ, въ городъ. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ святую икону въ часовнѣ, устроенной надъ воротами. Ликъ Пречистой былъ задернутъ занавѣской, по заведенному католиками обыкновенію. Занавѣсъ изрѣдка отодвигается.— Рядомъ со мною стояли на колѣняхъ на панели и посреди улицы, отдельно и парами, женщины. Взявъ направо, я вошелъ въ двери этого древняго монастыря. Пройдя мимо католическаго Распятія, занявшаго на Западѣ мѣсто православнаго, съ XII и XIII вв.—я поднялся по внутреннему ходу въ просторную комнату, гдѣ причетникъ одѣлъ свой фантастическій костюмъ и повелъ меня въ часовню. Сейчасъ же за дверью комнаты я оказался надъ воротами; за католическимъ престоломъ на стѣнѣ была св. икона, еще закрытая бѣлымъ кружевнымъ покрываломъ. Причетникъ потянулъ шнурокъ, и тогда, наконецъ, я увидѣлъ Ликъ Пречистой, къ которому я такъ стремился издалека.

Множество приношеній привѣшено по низу иконы. Я поклонился нѣсколько разъ *нашей* иконѣ и помолился. Кто-то около меня плакалъ; и здѣсь слышалось быстрое монотонное чтеніе молитвенника, и опять четки; всѣ стояли на колѣняхъ; на ихъ лица было тяжело смотрѣть. Всѣ пришли въ движеніе, когда

1) Въ началѣ XIX в. былъ произведенъ ремонтъ ризы, при чѣмъ она была снята. Внизу иконы обнаружилась надпись съ молитвой на церк.-слав. яз.: „Честнѣйшую Херувимъ“. Конечно, эту надпись поторопились закрыть.

завѣса открылась и икона стала всѣмъ видна.—Когда я уходилъ отъ этого торжества православія, отъ благодатной, исторически православной святыни, причетникъ опять закрылъ завѣсой Ликъ иконы.

Позднѣе я узналъ, что католики позволяютъ себѣ такъ поступать, когда подъ воротами проходитъ крестный ходъ православныхъ или везутъ покойника.

Еще разъ съ улицы увидѣлъ я уже закрытый Ликъ и покинулъ эти женскія фигуры, молящіяся съ тихимъ шепотомъ на устахъ. Такъ молились ихъ бабушки, не зная, не понимая, только вѣруя. Ихъ не займетъ вопросъ о благодати. Онъ не станутъ узнавать, кто св. Николай Чудотворецъ, почивающій съ XI в. въ нынѣ католическомъ Бари, когда-то находившемся подъ управлениемъ Константинопольского патріарха. Онъ не знаютъ, что Остробрамская икона также не принадлежитъ католикамъ, какъ Гробъ Господень—туркамъ, такъ какъ обѣ святыни находятся только въ политическомъ, такъ сказать, владѣніи у неправославныхъ людей.

Нѣтъ, зато у насъ въ Православной Церкви „благодать возблагодать“. Нужно только работать, служить Церкви, проповѣдывать Ея непобѣдимость (Мтѣ. 16 гл., ст. 17).

Какое счастье въ этомъ заключается! Внѣ Церкви люди работаютъ только для Ея разрушенія; внутри Церкви работа созидательная, плоды этой работы вѣчны и спасительны для христіанъ.

Лекторъ СПБ. Дух: Акад. В. Ш.



Душевные страсти ^{*)}.

Изъ душевныхъ страстей первое мѣсто въ аскетической схемѣ занимаетъ сребролюбіе (*φιλαργυρία*), вслѣдствіе его ближайшей, непосредственной связи (по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ) со страстями плотскими ¹⁾. Начало и постепенный ростъ этой страсти весьма подробно описаны у Иоанна Кассиана. Святый отецъ такъ описываетъ ея проявленіе: эта страсть, когда возобладаетъ разслабленію и холодною душою монаха, то сначала побуждаетъ его къ малому стяжанію, представляя ему пѣкоторые справедливые предлоги, по которымъ оно должно сберечь или пріобрѣсть искаколько денегъ. Монахъ начинаетъ жаловаться на скучность и недостаточность доставляемаго монастыремъ содержанія. Этого содержанія едва хватаетъ и при здоровомъ состояніи тѣла, что же будетъ, если оно впадетъ въ болѣзнь? начинаетъ думать монахъ. Наконецъ, нельзя долго и жить въ одномъ монастырѣ и если не припасти денегъ на путевые расходы, то невозможно будетъ, когда захочется, переселиться и придется вести жизнь наемническую безъ всякаго успѣха. Прелъщенный такими мыслями монахъ начинаетъ помышлять, какъ бы ему пріобрѣсти хотя одинъ динарій. И вотъ, чѣмъ больше собирается денегъ, тѣмъ сильнѣе растетъ страсть къ нимъ. Монаху видится впереди долговѣчная жизнь, преклонная старость, различные весьма продолжительные недуги, которые трудно будетъ переносить въ старости, если не заготовить денегъ. Такъ становится жалкой душа, связанная змѣйными узами, и отсюда монахъ и ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о прибыли. Изъ за

^{*)} Очеркъ четвертый.—См. „Гол. Цер.“ м. Ноябрь.

¹⁾ Иоан. Кас. Соб. V, 10.

этого онъ не устрашится допустить злодѣяніе лжи, ложной
клятвы, воровства, нарушить вѣрность, воспламениться вред-
нымъ гнѣвомъ. Посему то Апостолъ и называлъ эту страсть
не только корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим, VI, 10), но и идоло-
служеніемъ¹⁾. Изъ представленнаго Препод. Иоанномъ Кас-
сіаномъ хода развитія и роста страсти сребролюбія видно,
что она начинается съ простой мысли о необходимости не-
большой суммы денегъ, мотивированной кажущейся необ-
ходимостью и нуждою²⁾, а потомъ, постепенно захватывая всѣ
стороны человѣческихъ желаній, разрастается въ болѣзnen-
ное явленіе воли; послѣ она — настоящая страсть; и даль-
нѣйшее ея существованіе будетъ всегда характеризоваться
явленіемъ ненасытимости. Иоаннъ Кассіанъ, называя сребролюбіе
недугомъ, указываетъ на тройкое проявленіе его въ
монахѣ³⁾. Во всѣхъ этихъ видахъ общимъ является склон-
ность къ приобрѣтенію денегъ и вообще сокровищъ міра сего.
Напряженное, ненасытимое стремленіе къ приобрѣтенію ден-
егъ, имущества и вообще материальныхъ благъ является
характерной, существенной чертой этой страсти. По словамъ
названнаго отца свойство сребролюбія таково, что душъ, од-
нажды пленненной этой страстью, оно не позволяетъ соблю-
дать никакого правила честности и не даетъ насытиться ни-
какимъ увеличеніемъ прибытка. Ненасытство этой страсти —
не насыщаться никакою громадностью богатства⁴⁾. Адѣ не
скажеть: довѣрять (Прит. XXX, 16); и любостяжательный
никогда не говоритъ: „довольно“⁵⁾. Хорошо нѣкто сравнилъ
корыстолюбцевъ со страждущимъ водяною болѣзнью. Какъ
тѣ, чѣмъ болѣе имѣютъ воды въ своемъ тѣлѣ, тѣмъ болѣе
чувствуютъ жажду; такъ и корыстолюбцы, имѣя много, же-
лаютъ большаго⁶⁾. Море, говорить преп. Нилъ Синайскій,
не наполняется, принимая въ себя множество рѣкъ, и пох-
тѣніе сребролюбца не насыщается собраннымъ уже имущес-
твомъ; удвоилъ онъ его — и удвоенное снова удвоить же-
лаеть и никогда не перестаетъ стремиться къ этому, пока

1) Ип. Кас. кн. VII, 7—11.

2) Ср. Нил. Син. Доброт. II, 237, 11.

3) Кн. 7, 14.

4) Тамъ же, 24 гл.

5) Вас. Вел. IV т. бес. 7 98 стр.

6) Изъ сл. Иоан. Злат. Цвѣтникъ Духовный, II ч. 121.

смерть не прекратить его бесполезного труда ¹⁾). Такой характеръ страсти сребролюбія тѣмъ болѣе поразителенъ, что ея сущность — ненасыщаемое желаніе вѣнчанихъ благъ—не можетъ быть выведена изъ потребностей (духовныхъ и тѣлесныхъ) природы человѣка, потому что не имѣть въ насъ главнаго начала, зачинается не отъ вещества, которое бы относилось къ участію души или плоти или сущности жизни. Опытомъ самой жизни подтверждается, что къ употребленію или потребности природы принадлежать въ собственномъ смыслѣ только ежедневное вкушеніе пищи и питья; всѣ прочія „вещи“ чужды человѣческой потребности. Вотъ почему и сребролюбіе оказывается страстью, чуждой человѣческой природѣ, не имѣющею никакой опоры въ ея натуральныхъ нуждахъ ²⁾). Такимъ образомъ, любостяжательность не изъ природы, а отъ воли имѣть свое начало ³⁾ и отъ „злой воли“ ⁴⁾. Слѣдовательно, центръ тяжести и главная причина страсти лежитъ несомнѣнно также въ душѣ человѣка, въ ложномъ пониманіи имъ своего истиннаго, верховнаго, самопрѣннаго блага ⁵⁾, а также въ превратномъ практическомъ отношеніи къ материальному благамъ, изъ которыхъ онъ „тѣластъ себѣ идола, и полагаетъ его въ сокровеніи“ ⁶⁾. Поэтому сущность сребролюбія, выражаяющаяся въ порабощеніи всего строя духовной жизни (духа) материальными благами, является результатомъ разслабленности души ⁷⁾, развращенности воли, и злого порожденія пожеланія ⁸⁾, недостаточности любви къ Богу, вялости испорченнаго, разслабленнаго духа ⁹⁾. Уклоняясь отъ истиннаго и безусловнаго блага къ благу низшему, условному, воля человѣка центръ своихъ стремленій полагаетъ уже не въ невещественномъ, а въ самомъ веществѣ ¹⁰⁾). На богатство человѣкъ воз-

¹⁾ 1 т. Соч. 209, 8.

²⁾ Ин. Кас. Соб. V, 8; кн. 7, 1, 5; ср. Нил. Син. I т. 209, 8; его же II т. 116—123 стр.; Ефр. Сир. III, 396.

³⁾ Григ. Пал. Доброт. V, 265, 16.

⁴⁾ Ин. Кас. кн. VII, 5; Ефр. Сир. Доброт. II, 400, 137.

⁵⁾ Нил. Син. II т. 82, 63.

⁶⁾ Нил. Син. I т. 210, 8; Ин. Л. 16, 2; Добр. II, 124, 129.

⁷⁾ Ниль Син. I т. 209, 7.

⁸⁾ Ин. Кас. кн. VII, 5; Ефр. Сир. Добр. II, 400, 137.

⁹⁾ Тамъ же, кн. VII, 1.

¹⁰⁾ Нил. Син. Добр. II, 240, 16.

лагаетъ всѣ свои надежды и упованія; въ немъ видить единственную опору своей жизни, имъ опредѣляется весь смыслъ его существованія. Самое богатство дѣлается для человѣка кумиромъ ¹⁾. Понятно, конечно, что все дѣло заключается во внутреннемъ отношеніи къ материальнымъ благамъ. Внѣшній фактъ обладанія даже и большими имуществами самъ по себѣ еще не говоритъ о присутствіи страсти корыстолюбія въ душѣ обладателя. По словамъ преп. Иоанна Кассіана, возможно и неимущему денегъ не быть свободнымъ отъ болѣзни сребролюбія... ибо какъ иныхъ тѣломъ неоскверненныхъ Евангельское слово провозглашаетъ нечистыми сердцемъ (Ме. V, 28), такъ и нисколько необремененнымъ тяготою денегъ возможно быть осужденными вмѣсть со сребролюбцами по сердцу и уму. Имъ предоставало только слу-чая къ пріобрѣтенію, а не воли, которая въ очахъ Божіихъ всегда имѣеть болѣе вѣса, чѣмъ необходимость ²⁾. Не думай, говорить преп. Исаакъ Сиринъ, что пріобрѣтеніе золота и серебра есть любостяжательность; она есть пріобрѣтеніе чего бы то ни было такого, къ чему привязана воля ³⁾. Препод. Иоаннъ Кассіанъ изъ жизни иноковъ приводить дѣйствительные, нерѣдкіе случаи пристрастія ихъ къ маловажнымъ и малоцѣннымъ вещамъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что многіе со всѣмъ усердіемъ отреклись отъ міра, охотно оставили множество житейскихъ вещей, большія стяженія и сокровища мірскія, чтобы вступить въ монастырь, но потомъ здѣсь они такъ пристрастились къ немногимъ и малоцѣннымъ вещамъ, что забота о нихъ значительно превышала ихъ страсть ко всѣмъ прежнимъ богатствамъ. Такимъ монахамъ, по словамъ св. отца, безъ сомнѣнія мало принесетъ пользы то, что они оставили большія богатства и имущества, потому что тѣ страсти, для искорененія которыхъ и надлежало оставить ихъ, они принесли на другія, немногія и ничтожныя. Не имѣя возможности питать страсть любостяжанія и скучности вещами драгоцѣнными, они сосредоточиваютъ ее на вещахъ болѣе дешевыхъ и, такимъ образомъ, очевидно, не отсыкаютъ прежней страсти, а лишь придаютъ ей другой видъ пере-

¹⁾ См. у Е. Ф. толк. на п. къ Ефес. (V, 5) 381.

²⁾ Кн. VII, 22.

³⁾ Сл. 56, 277.

несеніемъ на другіе объекты,—какъ будто все дѣло здѣсь въ различіи металловъ, а не въ самой страсти. Напротивъ тотъ, кто презрѣвъ большее, привязывается къ меньшему, достоинъ тѣмъ большаго осужденія ¹⁾. Возможны поэтуому, и дѣйствительно бываютъ случаи обладанія богатствами и употребленія ихъ, чуждые страсти сребролюбія. По словамъ Максима Исповѣдника, изъ пріобрѣтающихъ имѣніе нѣкоторые пріобрѣтаютъ его безстрастно, почему и лишаясь не скорбятъ ²⁾. Итакъ—не деньги рождаются сребролюбіе, а любовь къ деньгамъ.

Нравственной вмѣняемости въ страсти сребролюбія подлежитъ не обладаніе имуществомъ, а гибельное порабощеніе *воли* материальнымъ благамъ, сообщающе всей жизни человѣка грубо эгоистической характеръ, поскольку центромъ его жизнедѣятельности является „мамона“—серебро ³⁾. Корыстолюбецъ стремится къ пріобрѣтенію земныхъ благъ, видя въ нихъ не потребность, а источникъ и средство самоуслажденія и самовозыщенія ⁴⁾. Три причины любви, говорить св. Максимъ Исповѣдникъ, бываетъ у людей къ богатству: сластолюбіе, тщеславіе и невѣріе. Сластолюбивый любить сребро, чтобы съ помошью его наслаждаться, тщеславный—чтобы прославиться, а невѣрующій, чтобы скрыть и хранить его, боясь голода или старости или болѣзни изгнанія, и болѣе надѣясь на него, нежели на Бога Создателя и Промыслителя всякой твари ⁵⁾. Страдающій корыстолюбіемъ, такимъ образомъ, не возвышается надъ вѣшними материальными благами, а, напротивъ, онъ нераздѣльно и исключительно, „какъ цѣпью“, связываетъ благосостояніе собственной личности съ ними; и лишеніе ихъ, причиняя великое огорченіе, отнимаетъ у жизни смыслъ и отраду ⁶⁾. Ихъ онъ дѣлаетъ для себя Богомъ и любить паче Бога ⁷⁾. „Богъ забыть: бо-

1) Соб. IV, 21; ср. Ефр. Сир. Добр. II, 400, 137.

2) Добр. III, 194, 89; ср. тамъ же 227, 91; 191, 75; Мак. Вел. V, 13; Нил. Син. I, 209, 7.

3) Нил. Син. II т., 210, 8.

4) Макс. Исп. Добр. III, 198, 16—18; Ефр. Сир. III, 395.

5) Тамъ же; ср. Ефр. Сир. Добр. II, 399, 135; Нил. Син. I т. 9, 7—8; Ин. Лѣст. 16, 2; Добр. II, 237, 11.

6) Нил. Син. I, 209, 7.

7) Тамъ же II т. 141—142; Никита Стпн. Добр. V, 128, 57.

гомъ для него стало любостяжаніе¹⁾, и человѣкъ сдѣлался „добровольнымъ отступникомъ“ отъ Него, такъ какъ сребролюбіе есть идолоислуженіе²⁾. Вотъ почему отцы-аскеты и называютъ страсть сребролюбія „гнуснымъ и безчестнымъ порокомъ“³⁾, гибельнѣйшю болѣзни души, которая врачуется съ трудомъ⁴⁾, такъ какъ „она есть вмѣстилище пороковъ, корень всѣхъ золъ и становится неистребимымъ подстрекателемъ ко злу, какъ Апостолъ говоритъ: корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, т. е. любовь къ деньгамъ (1 Тим. 6, 10)⁵⁾. Сребролюбіе чрезъ иенасытную жадность и привязанность къ деньгамъ, легко можетъ, подобно примѣру Іуды, ловести корыстолюбца до отчаянія⁶⁾; подобно Гіезію, оно поражаетъ духовной проказой умъ и сердце и, всю душу дѣляя нечистой предъ Господомъ, подвергаетъ ее вѣчному проклятию⁷⁾, осужденію и наказанію чрезъ смерть, подобно Ананіи и Сапфирѣ⁸⁾,

Слѣдующая по порядку за сребролюбіемъ страсть называется у отцовъ-аскетовъ гнѣвомъ (*勃郁*). На этомъ мѣстѣ она ставится не случайно, а по связи съ первымъ (сребролюбіемъ)⁹⁾. Общею, сродняющею между собою эти двѣ страсти основою является грубо-эгоистическое начало, такъ замѣтно проявляющеся въ нихъ обоихъ¹⁰⁾, и выражющееся въ скрытомъ тяготѣніи къ удовольствію¹¹⁾. Состояніе гнѣва съ точки зрѣнія корыстолюбія является вполнѣ объяснимымъ. Первое вызывается всякими внѣшними препятствіями, которыя встрѣчаются у человѣка на пути осуществленія его личныхъ цѣлей, стремлений,—когда воля его приходитъ въ столкновеніе съ другой волей, не желающей ей подчиниться, когда онъ

¹⁾ Добр. II, 246, 35.

²⁾ Ин. Лѣств. 16, 3; Ин. Кас. кн. VII, 7.

³⁾ Ин. Кас. кн. VII, 3—6; 20.

⁴⁾ Тамъ же, VII, 20; Соб. V, 8.

⁵⁾ Тамъ же, кн. VII, 6; Ефр. Сир. II т. 206; III т. 272—273; Нил. Син. 1, 208, 7; Иоан. Лѣств. 17, 14.

⁶⁾ Иоан. Кас. кн. VII. 23.

⁷⁾ Тамъ же, 26 гл.

⁸⁾ Тамъ же, 25 гл. Ефр. Сир. III, 273.

⁹⁾ Ин. Кас. Соб. V, 10; ср. Ин. Лѣств. 17, 10.

¹⁰⁾ Евагрій м. Доброт. 1, 604, 6.

¹¹⁾ Тамъ же 573, 15, 559, 99; Авва Дороѳ. п. 12, 142.

встрѣчать со стороны людей—дѣйствительно или мнимо-
несправедливое къ себѣ отношеніе и т. под. Поэтому аскеты
и предупреждаютъ: „не настаивай ни въ коемъ случаѣ, чтобы
было по твоей волѣ, ибо отъ сего рождается гнѣвъ¹⁾. Болѣз-
ненная настроенность воли сребролюбца въ данномъ случаѣ
является болѣе удобной почвой для возникновенія страсти
гнѣва. Это чувство (гнѣва), говорить Епископъ Феофанъ,
возникаетъ отъ всего, что какимъ-нибудь образомъ трево-
житъ наше самолюбіе; но самое широкое поле для расположе-
нія сего зелія представляеть любоиманіе. Не тронь, это
мое. Таковъ законъ любостяжанія. Тронетъ кто,—и пошли
неудовольствія, серчаніе, гнѣвъ, вражда, ненависть²⁾. Поэтому
основная причина гнѣва заключается въ насъ самихъ, это—
наша нетерпѣливость³⁾; и поскольку причину нашего испра-
вленія и спокойствія надо искать въ самихъ себѣ, въ своей
собственной добротѣ,—постольку и гнѣвное неспокойное
настроеніе—есть проявленіе нашей воли⁴⁾. При этомъ условіи
поводы гнѣва могутъ быть чисто внутренніе. Преп. Иоаннъ
Лѣстивичникъ говоритъ, что гнѣвъ можетъ возникнуть по
поводу „воспоминанія сокровенной ненависти“⁵⁾, т. е. на
почвѣ памятозлобія. Подъ вліяніемъ навѣянныхъ раньше
демонами помысловъ памятозлобія⁶⁾, самые помыслы весьма
быстро переходятъ въ область сердца, и гнѣвъ дѣлается
желаніемъ зла огорчившему⁷⁾. При воспоминаніи о тѣхъ или
другихъ непріязненныхъ чувствахъ, сердце приходитъ въ
огорченіе, а огорченіе вызываетъ раздражительность, эта
послѣдняя, обладая удобопреклонностью движенія, скоро
охватываетъ всю душу человѣка, и воля, парализованная
неожиданно внутреннимъ состояніемъ, готова бываетъ обру-
шиться на тѣ или другіе объекты⁸⁾. Родительницы гнѣва
могутъ быть и другія многія, какъ то: тицеславіе, обѣяденіе,

¹⁾ Варс. и Иоанн. 495 отв.

²⁾ Толк. на Паст. посл. 1 Тим. (VI, 12) 441.

³⁾ Иоан. Кас. кн. VIII, 15.

⁴⁾ Тамъ же, 16 г. ср. 18 гл.

⁵⁾ Сл. 8, 5.

⁶⁾ Нил. Син. Добр. II, 235, 43.

⁷⁾ Иоан. Лѣст. Тамъ же.

⁸⁾ Тамъ же.

а иногда и блудная страсть¹⁾; даже удовольствія могутъ послужить поводомъ къ гнѣву²⁾; отъ горделиваго о себѣ и презрительнаго о другихъ мудрованія можетъ явиться гнѣвъ³⁾; чаще же всего гнѣвъ бываетъ дѣйствіемъ діавольскимъ⁴⁾.

Отъ какихъ бы виѣшнихъ причинъ и поводовъ не происходилъ гнѣвъ, и въ какихъ бы виѣшнихъ формахъ онъ не выражался, по мнѣнію отцовъ, онъ всегда сохраняетъ за собой свойства состоянія чисто психическаго. Въ аскетической литературѣ въ качествѣ основной, характерной черты гнѣва выдвигается—желаніе отомстить обидчику⁵⁾. Это желаніе мести, вдохновляемое и поддерживаемое чувствами ненависти, неудержимо стремясь къ виѣшнему обнаруженію въ соотвѣтствующихъ словахъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ, дѣлаетъ гнѣвъ явленіемъ разрушительнаго характера⁶⁾. Гнѣвъ, являясь бурнымъ, стремительнымъ, легко возбудимымъ, всякий разъ при своемъ возникновеніи, колебля душевную устойчивость, нарушая психическое равновѣсіе,—вносить въ духовную жизнь безпорядочность, полную расшатанности, неупорядоченную стихійность⁷⁾. Въ этомъ отношеніи страсти гнѣва, по сравненію съ другими страстями, должна быть отдана пальма первенства⁸⁾. Щѣкій дымъ этой страсти помрачаетъ умъ, такъ что онъ теряетъ всякую разсудительность и лишается вѣдѣнія⁹⁾; почему у одного отца по справедливости эта страсть сравнивается съ гангреной, и называется „кратковременнымъ бѣшенствомъ¹⁰⁾. Св. Иоаннъ Златоустъ такъ говорить объ этой страсти: „ничто такъ не помрачаетъ чистоту души и ясность мысли, какъ гнѣвъ необузданный и выражаютційся съ великой силой. Гнѣвъ губить и разумныя, говорить Премудрый (Прітч. XV, 1).

¹⁾ Тамъ же 8, 28, 29; ср. Авва Дороѳ. п. 12, 142.

²⁾ Евагрій м. Доброт. I, 589, 99.

³⁾ Феод. Студ. Доброт. IV, 502, 266.

⁴⁾ Варс. Иоан. Отв. 486.

⁵⁾ Евагрій м. Добр. I, 604, 6.

⁶⁾ Евагр. м. Добр. I. 572, 11; 604, 6; Исаїх. преп. Добр. II, 164. 31.

⁷⁾ Нил. Син. I т. 210, 9.

⁸⁾ Евагр. м. Добр. I, 604, 6; Варс. Иоан. Отв. 486.

⁹⁾ Тамъ же 572, 14; Нил. Син. I, 210, 9; ср. Иоан. Лѣстv. 26, 216; Ефр. Сир. Добр. II, 402, 156; Ин. Кас. кн. VII, 6.

¹⁰⁾ Тамъ же 599, 3.

Помраченное имъ око души, какъ бы въ ночномъ сраженіи, не можетъ отличить друзей отъ непріятелей и честныхъ отъ безчестныхъ... пылкость гнѣва заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе, и даже сильнѣе всякаго удовольствія овладѣваетъ душою, низвращая все ея здравое состояніе. Онъ производить гордость, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть, часто приуждаетъ безъ разбора и безъ причины наносить оскорблениія и заставляетъ говорить и дѣлать много другого подобнаго, такъ какъ душа увлекается сильнымъ напоромъ страсти и не можетъ собраться съ силами, чтобы противостоять ея стремленію¹⁾.

Печальными послѣдствіями содержащагося въ нашей души смертоноснаго яда гнѣва является, по мысли преп. Іоанна Кассіана, то, что мы не можемъ ни стяжать правильнаго различенія добра и зла, ни обладать зрѣлостью совѣта, ни быть причастниками жизни безсмертной, ни держаться правды неуклонно, ни даже воспринимать истинный духовный свѣтъ,—такъ какъ, омрачившись тьмою его (гнѣва), мы не можемъ быть храмомъ Св. Духа, пока будеть обитать въ насъ духъ гнѣва. Удерживаемый въ сердцѣ гнѣвъ хотя присутствующихъ людей не оскорбляетъ, но исключаетъ свѣтлое сіяніе Св. Духа, все равно какъ и обнаруженный на дѣлѣ²⁾, Въ религіозномъ отношеніи эта страсть удаляетъ и искореняетъ изъ сердца главнѣйшія христіанскія добродѣтели: любовь къ Богу и ближнимъ, терпѣніе, кротость, смиренномудріе, милосердіе и подобныя другія³⁾). Молитву къ Богу дѣлаетъ совершенно бесплодной и лишаетъ гнѣвающагося всякаго „милосердія Божія“, чрезъ что и губить самую душу⁴⁾.

Въ аскетической литературѣ отмѣчается еще особый видъ гнѣва—добрый, согласный съ разумомъ. Похвальный гнѣвъ бываетъ, когда мы гнѣваемся на самихъ себя, т. е. на приходящіе на насъ худые помыслы; или-же мы гнѣваемся на

1) Твор. I т. 432 стр.

2) Кн. VIII, 1, 12; ср. 6 гл.; Ефр. Сир. Добр. II, 400, 138, Іоан. Лѣст. 8, 14.

3) Евагрій м. Добр. I, 575, 26, 48; 571, 6; Іоан. Кас. Соб. 16, 27; Ниль Син. I, 210, 9—10; Ефр. Сир. Добр. II, 405, 186.

4) Ін. Кас. кн. VIII, 12; Добр. II, 253, 20, 21; 17, 18; Евагр. м. Добр. I, 604, 6; Ін. Лѣст. 9, 14.

худые поступки ближняго нашего¹⁾). Но не всѣ отцы-аскеты признаютъ этотъ, такъ называемый, праведный гнѣвъ. Ницъ Синайскій говорить: „нѣть совсѣмъ гнѣва на ближняго, который былъ бы праведенъ“²⁾; Антоній Великій поясняетъ, почему не должно и справедливо гнѣваться на согрѣшающихъ: „потому что гнѣвъ дѣйствуетъ только по страсти, а не по суду и правдѣ“³⁾). Такъ опасна страсть сама по себѣ какъ болѣзненныи порокъ, что праведный гнѣвъ, повидимому безгрѣшное явленіе обращаетъ въ грѣховное; изъ состоянія естественнаго — она дѣлаетъ его противоестественнымъ⁴⁾, и ставить его въ ряду другихъ порочныхъ страстей, пріобрѣтая всѣ ихъ дурныя свойства,—и вотъ предъ нами является новая „неразумная страсть“⁵⁾.

Поэтому всякий гнѣвъ, какими бы мотивами не прикрывался, сознаніемъ ли недостатка ближнихъ, стремленіемъ ли къ ихъ исправленію, или, наконецъ, обидой за несправедливость людей,—все равно онъ не можетъ имѣть оправданія съ нравственной точки зрѣнія—какъ страсть. Какъ страсть, съ присущимъ ему свойствомъ стремительности, гнѣвъ не можетъ имѣть духовной устойчивости, и, быстро переходя границы должныхъ претѣловъ, онъ впадаетъ въ гибельную крайность. Въ данномъ случаѣ справедливый гнѣвъ на ближнихъ въ своей рѣзкой формѣ проявляется нерѣдко въ формѣ лжи и осужденія, а ложь, по общему мнѣнію отцовъ-аскетовъ, есть уже—уничиженіе любви⁶⁾; осужденіе есть похиншеніе Божія достоинства и губительство своей души⁷⁾). При дальнѣйшемъ своемъ существованіи эта страсть производить и другихъ своихъ дѣтей: зависть, соперничество, вражду⁸⁾. Она дѣлаетъ человѣка клеветливымъ, и доводить его до „духовнаго братоубійства“⁹⁾). Часто повторяемый гнѣвъ рождаетъ въ душѣ человѣка злопамятство („памятозлобіе“).

¹⁾ Ефр. Сир. 1, 10.

²⁾ Ін. Кас. кн. VIII, 8; ср. Добр. II, 210, 24; Блаж. Діадохъ. Добр. III, 40, 62.

³⁾ Добр. I, 76, 69; ср. Авва Дороѳ. п. 17, 182.

⁴⁾ Добр. 11, 166, 34.

⁵⁾ Маркъ Подвигж. Добр. 1, 474, 8.

⁶⁾ Іоан. Лѣств. Сл. 12, 2; ср. Добр. II, 403, 161, 163.

⁷⁾ Тамъ же 10, 14.

⁸⁾ Ефр. Сир. Добр. II, 401, 140—141, 161.

⁹⁾ Тамъ же 143 гл.; Ін. Лѣств. 8, 29; Добр. II, 252, 37.

которое не менѣе самой страсти грѣшино и ненавистно для Бога¹). Памятозлобіе есть исполненіе гнѣва, ненависть къ правдѣ, пагуба добродѣтелей, ржавчина души, червь ума, законопреступленіе неусыпающе, злоба повсечастная²), —такъ характеризуетъ это состояніе одинъ ев. отецъ. Такая злоба, по словамъ Антонія Великаго, поселившаяся въ сердцѣ человѣка, является несомнѣнной смертью для души³), ибо часто вмѣстѣ со страстью гнѣва она переходитъ въ хуленіе на Бога⁴). Поэтому страсть гнѣва за свои гибельныя послѣдствія отцами-аскетами считается гораздо болѣе важнымъ, серьезнымъ и опаснымъ порокомъ, чѣмъ предыдущія страсти⁵).

Въ порядкѣ слѣдованія у отцовъ-аскетовъ помѣщаются двѣ—сродныя по характеру обнаруженія и разныя по названію—страсти: *Печаль* и *Уныніе*.

Какъ по законамъ психологіи вслѣдъ за бурными порывами какой-либо страсти должна послѣдовать реакція въ видѣ ослабленія и упадка душевной энергіи, и выразиться въ новыхъ аффективныхъ состояніяхъ, —такъ и по учению отцовъ-аскетовъ: вслѣдъ за бурными состояніями гнѣва, какъ-бы нѣкоторая духовная реакція, наступаетъ состояніе печали⁶). Помимо этого психологическаго основанія отцы-аскеты прямо и ясно указываютъ на тѣсную, взаимную связь печали и страсти гнѣва. Препод. Іоаннъ Кассіанъ указываетъ и самый моментъ, когда наступаетъ состояніе печали— „по прекращеніи гигіїва“⁷). Преп. Нилъ Синайскій говоритъ: „печаль бываетъ слѣдствіемъ гнѣвныхъ помысловъ; ибо гнѣвъ желаетъ отміненія; неуспѣхъ въ отміненіи рождаетъ печаль⁸). Предшествующая печали страсть постепенно ослабляя повышенное настроеніе духа и волю—тѣмъ самымъ въ душѣ создавала для насажденія новыхъ страстей (т. е. унынія и пе-

¹) Ін. Лѣст. 9, 14, 18; Авва Дороѳ. 8, 101; Добр. II, 250, 15. 18. 46.

²) Іоан. Лѣств. 9, 2.

³) Добр. I, 58, 71.

⁴) Варс. Іоан. Отв. 226.

⁵) Добр. I, 574, 26.

⁶) Ін. Кас. кн. IX, 1, Соб. V, 10; Добр. II, 377, I; Добр. I, 603, 1.

⁷) Соб. V, 11.

⁸) I т. 212, 11.

чали) удобную почву съ готовыми съменами пороковъ, которыхъ, какъ только прольется на нашу душу дождь искушеній, тотчасъ производить ростки и плоды ¹⁾). И, дѣйствительно, по аскетическому ученію, печаль не можетъ найти себѣ доступа въ ту душу, въ которой ранѣе не свили себѣ прочаго гнѣзда какія либо другія страсти ²⁾). Такимъ образомъ, печаль является не только, какъ слѣдствіе гнѣва, но и прочія другія страсти могутъ оставить ее въ качествѣ наслѣдницы.

Конечно, печаль можетъ рождаться отъ многихъ причинъ. Эта страсть, говорить преп. И. Кассіанъ, иногда происходитъ отъ порока предшествующаго, — гнѣва или рождается отъ неудовлетворенія желанія какой нибудь корысти, или отъ понесенія убытка, или отъ нанесенія намъ обиды; печаль рождается отъ всего того, что намъ противно (непріятно, противорѣчить ³⁾). Проще сказать, печаль возникаетъ вслѣдствіе неудовлетворенности нашихъ страстныхъ желаній, или удовлетворенія ихъ неполнаго, недоставляющаго удовольствія: ⁴⁾ „желающій себѣ чести не можетъ имѣть недостатка въ печали ⁵⁾). Иногда печаль, утверждаютъ отцы-аскеты, рождается и безъ видимой винѣніей причины. — Отъ причинъ внутреннихъ: „одна (печаль) происходитъ въ сердцѣ безъ видимой причины (къ печали), отъ перазумной скорби сердца, или отчаянія—(Ин. Кас. Соб. V, 11), другая же рождается и вторгается отъ причинъ странныхъ“, говорить преп. Нилъ Синайскій ⁶⁾). Отсюда существуютъ два вида печали грѣховной ⁷⁾). Есть еще особый видъ печали, именуемой „печалью по Богу“. Такая печаль, имѣющая своимъ центромъ Бога, возникающая отъ покаянія о грѣхахъ, или отъ желанія совершенства, или отъ созерцанія будущаго блаженства — признается печалью полезной ⁸⁾). Печаль эта по характеру и свойствамъ своимъ далеко не похожа на печаль грѣховную— „бѣсовскую“: она бываетъ послушна, привѣтлива, смиренна,

¹⁾ Ин. Кас. кн. 9. 5.

²⁾ Нилъ Син. 1, 213, 11 гл.

³⁾ Кн. 9, 4 и Соб. V, 11; ср. Нил. Син. I. т. 214, 12 и 232.

⁴⁾ Добр. I, 604 5; Ин. Кас. V, 11; ср. Ис. Сир. 30, 143.

⁵⁾ Ис. Сир. I, сл. 11, ср. Евагр. м. Добр. 1, 571, 9, 1.

⁶⁾ Нил. Син. 1, 232.

⁷⁾ Тамъ же; Ин. Кас. Соб. V, 11.

⁸⁾ Ин. Кас. кн. 9, 10; Варс. Ин. 737 Отв.

кротка, пріятна, терпѣлива, какъ происходящая отъ любви къ Богу ¹⁾. Печаль по Богу подкрѣпляетъ душу слезами... заботится о приближающейся смерти и судѣ, и ожидаетъ сего съ терпѣніемъ и любовію ²⁾. Въ такомъ смыслѣ эта печаль („печаль ума“) является драгоцѣннымъ Божіимъ даяніемъ ³⁾. Совсѣмъ другой характеръ имѣеть печаль, когда человѣкъ не Бога, а себя самого, свою „самость“, свои удовольствія ставить центромъ своей жизни. Тогда печаль имѣеть характеръ мрачной, безнадежной тоски, приводящей человѣка къ апатіи, къ бездѣятельности въ духовно-нравственномъ отношеніи. Такая печаль, являясь болѣзнью души и плоти, парализуетъ первую и какъ бы связываетъ, „плѣняетъ“ дѣятельныя силы и способности человѣка ⁴⁾. Печаль эта бываетъ очень сурова, нетерпѣлива, жестока, строптива, соединена съ бесплодною грустю и мучительнымъ отчаяніемъ; подвергшагося ей разслабляя отвлекаетъ отъ усердія и спасительной скорби, какъ безразсудная, прерываетъ не только дѣйственность молитвъ, но упраздняетъ и всѣ духовные плоды, которые печаль ради Бога доставляетъ ⁵⁾. Изъ приведенныхъ мѣсть уже съ очевидностію открываются гибельныя свойства этой страсти. Печаль не позволяетъ, охваченному ею человѣку, ни совершать молитвы съ обычною ревностію сердца, ни съ пользою заниматься священнымъ чтеніемъ; не попускаетъ быть спокойнымъ и кроткимъ съ братіями; ко всѣмъ обязанностямъ трудовъ или богослуженія дѣлаетъ нетерпѣливымъ и неспособнымъ ⁶⁾.

Душа, съѣдаемая Ѣдкою печалію, какъ одежда молію, настолько портится, что дѣлается бесплодной и не пригодной на построеніе и украшеніе того духовнаго храма, основаніе котораго положилъ мудрый строитель Павель, говоря: „вы есте храмъ Божій, и Духъ Божій живеть въ васъ“ (1 Кор. 3, 16 ⁷⁾). Человѣкъ, преданный долго глубокой печали, настолько ослабляетъ свои духовныя силы, что лишаетъ себя

¹⁾ Тамъ же 11 гл.

²⁾ Нил. Син. 1, 232.

³⁾ Ис. Сир. 89, 411.

⁴⁾ Ниль Син. 1, 232, 214, 11.

⁵⁾ Ип. Кас. кн. 9, 11; 9, 1.

⁶⁾ Тамъ же 9, 1; 4; Нил. Син. 1, 213.

⁷⁾ Тамъ же 9, 3.

всякой возможности идти по пути нравственного своего совершенства; и самое спасение ему часто начинает казаться недостижимымъ, подвиги — напрасными, труды, надежды — бесполезными. И такъ доходитъ печалью снѣдаемый или до полного *унынія*, или до *отчаянія*. Это особый родъ печали, гораздо худшій, ибо ведетъ душу не къ исправленію жизни, не къ очищенію пороковъ, а прямо — къ смерти¹⁾. Такое состояніе можетъ легко привести къ примѣру Иуды. Ничто такъ не сильно и не гибельно для души человѣка, какъ отчаяніе, говорить преп. Исаакъ Сиринъ. Оно не знаетъ, чтобы кто его побѣдилъ тѣмъ или инымъ способомъ и средствами. Никто изъ враговъ не можетъ противостоять ему. И человѣкъ, предавшись ему, подклонитъ свою главу, чтобы принять на себя смерть²⁾.

Уныніе, хотя не такъ опасно для души человѣка, какъ полное отчаяніе, но, какъ страсть, по своимъ свойствамъ оно является для нея гибельнымъ ядомъ. Страсть унынія обычно у отцовъ-аскетовъ встрѣчается на ряду съ печалью. Даже часто одинъ терминъ („печаль“) ставится вмѣсто другого („уныніе“); и это, конечно, потому, что симптомы той и другой страсти выражаются очень часто почти въ одинаковыхъ формахъ, выступая иѣсколько интенсивнѣе въ страсти унынія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ уныніе и опредѣляется какъ окончательное, полное развитіе предшествующей страсти (печали),³⁾, на общей психологической почвѣ. Дѣйствительно, всѣ, характеризующіе печаль, симптомы, выражаясь въ страсти унынія въ болѣе рѣзкихъ формахъ, захватываютъ, овладѣваютъ въ человѣкѣ болѣе широкой областью — всѣми его душевными силами; почему страсть унынія у преп. Нила Синайскаго называется не только болѣзнью души (какъ печаль), а „изнеможеніемъ души“⁴⁾; и это такъ потому, что въ то время какъ другія страсти касаются только или раздражительной части души, или вожделѣвательной, или же мыслительной,—а уныніе, охватывая всѣ силы души, вдругъ, за однимъ духомъ, приводить въ движеніе почти всѣ страсти,

¹⁾ Ин. Кас. кн. 9, 9.

²⁾ Доброт. II, 685, 124.

³⁾ Ин. Кас. кн. X, 1; ср. Нил. Син. 212, 1.

⁴⁾ I. т. 215, 13; 232.

почему оно и тяжелѣе всѣхъ другихъ страстей¹⁾. Страсть эта поэтому характеризуется какъ „слабость души“, „разслабленіе души“²⁾, „изнеможеніе души“³⁾, какъ общее душевно-подавленное состояніе⁴⁾. Душа человѣка, подверженного унынію, съ утратой въ силу этого разумомъ всякой власти надъ ходомъ душевной жизни, представляется какъ бы вовсе бездѣйствующею въ отношеніи религіозно-нравственного подвига, разслабленною, какъ бы „дремлющею“⁵⁾. Всѣ прочія страсти, при условіи общей разслабленности душевнаго состоянія, нападая на человѣка сущаго въ уныніи, дѣйствуютъ съ полной силой, не встрѣчая себѣ надлежащаго отпора со стороны нерѣшительной воли; душа такого человѣка представляеть собою поприще ихъ полнаго надъ нею господства. Поэтому человѣка, впавшаго въ уныніе, узнаютъ по многимъ характернымъ чертамъ, каковы: лѣнность, ропотливость, негодность къ дѣлу⁶⁾, отсутствіе терпѣнія, безцѣльный переходъ съ мѣста на мѣсто, бездѣліе и праздность, суетность въ мысляхъ⁷⁾. Лѣнность и разслабленіе въ молитвенномъ подвигѣ, скука при чтеніи и слушаніи слова Божія, нерадѣніе при отправленіи Божественныхъ службъ, малодушіе, приводящее иногда до полной потери надежды на Бога⁸⁾, — все это несомнѣнно признаки страсти Унынія. О томъ, какъ уныніе вкрадывается въ сердце, и какой вредъ оно причиняетъ духу, — ясно и характерно изобразилъ преп. Іоаннъ Кассіаѳъ, представивъ картину нападенія страсти унынія на монаха. Этотъ отецъ говоритъ: „когда уныніе нападаетъ на жалкую душу, то производитъ страхъ мѣста, омерзеніе въ кельѣ, также и къ братіямъ, которые живутъ съ нимъ или вдали, поражаетъ презрѣніе, отвращеніе, какъ къ нерадивымъ и менѣе духовнымъ. Также и ко всякому дѣлу внутри келліи дѣлаетъ лѣнивымъ, нерадивымъ. Не

¹⁾ Макс. Исп. Добр. III, 171, 67; Добр. I, 574, 25; Добр. II, 416, 239.

²⁾ Иоан. Лѣств. 13, 2.

³⁾ Нил. Син. I, 215, 13; 217.

⁴⁾ Ис. Сир. 78 с.

⁵⁾ Нил. Син. тамъ же; Ин. Кас. 10, 4; Иоан. Лѣст. 13, 2.

⁶⁾ Добр. II, 232, 244; 229 гл.; 415, 226 - 227.

⁷⁾ Тамъ же 249, 230; 232—234; 236, 234.

⁸⁾ Нил. Син. I, 217, 214; Ин. Лѣст. 13, 7; Добр. I, 572, 14; Ин. Кас. X, 2; Добр. II, 458, 16; Мак. Вел. Всл. 450.

попускает ему ни основаться въ кельѣ, ии прилежать чтенію, и онъ часто стонетъ, что пребывая столько времени въ той же кельѣ, ничего не успѣваетъ, ропщетъ и вздыхаетъ, что не имѣть никакого духовнаго плода, пока будетъ связанъ съ этимъ обществомъ, скорбить, что не имѣть духовной пользы и напрасно живетъ въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ, имѣя возможность управлять другими и приносить пользу очень многимъ, онъ никого не назидаетъ и никому не доставляеть пользы своимъ наставлениемъ и ученiemъ. Другie отдаленные монастыри хвалить, и мѣста тѣ считасть болѣе полезными къ преспѣянію, и болѣе способствующими опасенію; также общество братій представляеть пріятными духовной жизни. Напротивъ, что находится подъ руками, то все худо, не только нѣтъ никакого назиданія между братіями, но и самое тѣлесное содержаніе пріобрѣтается не безъ большого труда. Наконецъ думаетъ, что, пребывая въ этомъ мѣстѣ, онъ не можетъ счастись; нужно оставить келлію, въ которой ему придется погибнуть, если еще будетъ оставаться въ ней, и потому, какъ можно скорѣе переселяется въ другое мѣсто. Потомъ уныніе производить также разслабленіе тѣла и голодъ въ пятомъ и шестомъ (по нашему счиленію въ 11 и 12) часу, какъ будто онъ утомленъ и разслабленъ быль долгимъ путемъ и самымъ тяжелымъ трудомъ, или будто проводилъ два или три дня въ постѣ, безъ подкѣплѣнія пищею. Потому тогда беспокойно озирается туда и сюда, вздыхаетъ, что никто изъ братій не идетъ къ нему, часто то выходитъ, то входитъ въ келью и часто взглядываетъ на солнце, какъ будто оно медлено идетъ къ западу. Такимъ образомъ въ такомъ неразумномъ смущеніи духа, какъ бы земля покрылась мракомъ, пребываетъ празднымъ, не занятымъ никакимъ духовнымъ дѣломъ, и думаетъ, что ничто другое не можетъ быть средствомъ противъ такой брани, какъ посѣщеніе какого-либо брата, или утѣшеніе отъ одного сна. Потому этотъ недугъ внушаетъ, что нужно дѣлать приличныя поздравленія и посѣщенія недужныхъ вблизи или вдали находящихся. Также внушаетъ какъ какія нибудь благочестивыя набожныя обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравленія ихъ; считаетъ великимъ дѣломъ благочестія чаще посѣщать какую нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу жен-

щину, особенно не имѣющу никакого пособія отъ родителей, и если что ей необходимо, чего не даютъ ея родители, и небрегутъ, о томъ заботиться есть дѣло самое святое, и больше надобно къ этому прилагать благочестивый трудъ, нежели бесплодно, безъ всякаго преспѣянія сидѣть въ кельѣ. Итакъ несчастная душа, опутанная такими хитростями враговъ, разслабленная духомъ унынія, какъ сильнымъ тираномъ, впадаетъ въ сонъ, или выгнанная изъ затвора кельи своей начинаетъ искать въ этой браніи утѣшенній въ посѣщеніи брата; и этимъ средствомъ, отъ котораго въ настоящее время какъ будто получаетъ облегченіе, не много постыдѣ этого болыше бываетъ разслаблена. Такимъ образомъ воинъ Христовъ, сдѣлавшись бѣглецомъ изъ своей военной службы и измѣнникомъ, связываетъ себя житейскими дѣлами и становится неугоднымъ военачальнику (2 Тим. 2, 4) ¹⁾.

Что касается того — откуда происходитъ уныніе, отцы-аскеты даютъ такой отвѣтъ: уныніе происходитъ или отъ естественныхъ причинъ — „переутруженія“, или же отъ бѣса ²⁾. Есть уныніе естественное отъ безсилія, и есть уныніе отъ бѣса. Естественное уныніе наступаетъ тогда, когда человѣкъ трудится выше силы своей и понуждается себя еще на болыше труды ³⁾. Отъ бѣса происходитъ уныніе тогда, когда врагъ, видя человѣка въ лѣнотѣ (въ этомъ предвѣстникъ уклоненія въ худое), или праздности — нападаетъ на душу слабую, не вооруженную, и еще болыше ослабляетъ ея и окончательно связываетъ своими оковами ⁴⁾. Такимъ образомъ, причины, производящія страсть унынія, заключаются въ насъ самихъ, это: лѣнота, праздность вообще, беспечность и отсутствіе въ насъ сердечнаго дѣланія ⁵⁾. Наша слабость душевная служить только почвой для сѣянія врага, а самое разслабленіе есть отраженіе состоянія нашей воли ⁶⁾. Страсть унынія прежде всего характеризуется какъ болѣзненное со-

¹⁾ Кн. 16, 2—3 гл. Евагр. м. Добр. I, 604, 7; Добр. II, 419, 257; Нилъ Син. I, 215 и 233, не менѣе картино состояніе человѣка унылага изображенено у преп. Нила Син. См. I т. 216, 14 гл.

²⁾ Евагр. м. Добр. I, 630, 16; Ин. Кас. Соб. V, 11; Ин. Лѣст. 13, 15 гл.

³⁾ Варс. Иоан. Отв. 559.

⁴⁾ Нилъ Син. 214; Ефр. Сир. III, 412; Добр. I, 595, 8; ср. Ин. Кас. X, 21 гл.

⁵⁾ Варс. Ин. 470 Отв; и прежняя цит. Ин. Кас. Соб. V, 3; 9 гл.

⁶⁾ Варс. Ин. 497 и 13 Отв.

стояніе нашей разслабленной *воли*, почему всѣ отцы-аскеты для укрѣпленія послѣдней настойчиво совѣтуютъ — трудъ, рукодѣліе и под. рода занятія¹⁾. Страсть унынія, подобно какъ и сродная съ нею печаль, составляя „болѣзнь души“, сами являются несомнѣнно состояніями слабой и болѣзненной воли²⁾. Отсюда понятны тѣ основанія, по которымъ отцы-аскеты, оцѣнивая значеніе унынія въ духовной жизни, считаютъ эту страсть въ высшей степени опаснымъ, злымъ и тяжкимъ врагомъ для подвиговъ спасенія³⁾. Уныніе,—ослѣпляя умъ человѣческій, дѣлаетъ его неспособнымъ къ созерцанію истины добродѣтелей; уничтожаетъ самая добродѣтели терпѣнія, смиренія и любви, на которыхъ утверждается наше спасеніе; и, ослабляя нашу душу и волю (и безъ того слабую),—является, по выраженію отцовъ-аскетовъ, „всепожирающею смертію“ для человѣка христіанина⁴⁾.

Итакъ, Нечаль и Уныніе, а равно Сребролюбіе и Гнѣвъ, по ученію отцовъ, суть расположенія нашей грѣховной души, впуреннія психофизической явленія, наиболѣе отчетливо собою выражаютція состояніе нашей болѣзненной воли.

Что касается послѣдней пары страстей—Тщеславія и Гордости, то онъ между собою связаны такой тѣсной связью, что нѣть возможности сдѣлать точныхъ разграниченія. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что между ними нѣть разлигчія, ибо кто, побѣдивъ тщеславіе, можетъ быть обладаемъ гордостью. Между сими страстями такое различіе, какое между отрокомъ и мужемъ, между пишеницею и хлѣбомъ; ибо тщеславіе есть начало, а гордость—конецъ⁵⁾.

Эти двѣ,—связанныя между собою генетическимъ родствомъ и непосредственной преемственностью,—стради, заканчивая собою рядъ главнѣйшихъ пороковъ, достигаютъ высшей степени гибельности для религіозно-нравственной жизни человѣка какъ по своей сущности, такъ особенно по той тои-

1) Ниль Сип. 1, 217; Ин. Кас. X, 8, 14 и др.

2) Ниль Сип. 1, 232; 213—217.

3) Ин. Кас. 10, 1; Евагр. м. Добр. 1, 573, 19; Ср. Макс. Исп. Добр. III, 171, 67.

4) Тамъ же, 10, 4, 6; Добр. II, 239, 254 и Ин. Лѣст. 13, 6.

5) Сл. 22, 1; ср. Ин. Кас. Соб. V, 10.

кой, трудно уловимой формѣ своего проявленія въ душѣ. Въ то время какъ прочія страсти, по ученію отцовъ-аскетовъ, истребляются соотвѣтствующими добродѣтелями, напр. чревоугодіе—постомъ, блудъ—воздержаніемъ, сребролюбіе—мілосердіемъ къ бѣднымъ и т. п.—страсти тицеславія и гордости сопровождаются самыя добродѣтели и губятъ ихъ¹⁾. Это обусловливается тѣмъ, что названныя страсти проявляются при замѣтныхъ успѣхахъ по пути осуществленія подвижничества, вслѣдствіе пріобрѣтенія и развитія въ себѣ пѣкоторыхъ добродѣтелей²⁾, такъ какъ тицеславіе примѣнивается ко всякому добродѣтельному дѣлу³⁾. Оно возбуждается и возбуждается не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами въ добродѣтеляхъ того, на кого оно нападаетъ⁴⁾. Наоборотъ, всякая добродѣтель, направленная на умерицваніе тицеславія, легко можетъ способствовать развитію послѣдняго, такъ какъ, говорить Евагрій монахъ, что ни сдѣлаешь къ прогнанію его, то становится началомъ новаго движенія тицеславія⁵⁾. Поэтому эти страсти (тицеславіе и гордость) даже противны образомъ и порядкомъ возбуждаются, чѣмъ всѣ шесть осталънія, ибо по истребленіи тѣхъ—эти силы не плодятся, и по умерицваніи тѣхъ—живѣе возникаютъ и возрастаютъ⁶⁾. Этимъ отчасти обусловливается то, что нападеніе этихъ страстей на человѣка бываетъ болѣе сильно и тонко, нежели первыхъ⁷⁾. Тицеславіе многообразно, разновидно и тонко, такъ что едва ли можно самыми прозорливыми глазами предвидѣть его⁸⁾. Оно нападаетъ на подвижника съ правой и съ лѣвой стороны: ибо діаволъ въ комъ не могъ породить тицеславія видомъ хорошо сшитой одежды, того запинаетъ убогую; кого не могъ низвергнуть честію, того запинаетъ смиреніемъ, кого не могъ заставить превозноситься знаніемъ и краснорѣчіемъ, того оболящаетъ важностью молчанія, если кто будетъ явно поститься, то искушается суетною словою.

1) Евагрій м. Доброт. I, 605, 8; Ін. Кас. XI кн. 9 гл.

2) Ант. Вел. Добр. I, 60, 77.

3) Нилъ Син. I, 217.

4) Ін. Кас. кн. XI, 8.

5) Добр. I, 573, 20.

6) Ін. Кас. Соб. V, 10.

7) Тамъ же, 4 и 5 гл.

8) Тамъ же, гл. 1.

Старцы хорошо представляютъ, говорить преп. Иоаннъ Касианъ, свойство этой страсти подъ видомъ лука и чеснока, которые, по снятіи одного покрова, оказываются покрытыми другими¹⁾. Прочія страсти на тѣхъ только нападаютъ, кого побѣдили и, будучи побѣждаемы, увядаютъ и слабѣютъ, а эта страсть еще жесточе преслѣдуєтъ своихъ побѣдителей²⁾. Иная страсти иногда при помоціи мѣста успокаиваются, и при удаленіи предмета грѣха, или удобства, или повода къ нему, обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и съ бѣгуцімъ въ пустынію проникаетъ, и мѣсто не можетъ исключить ее³⁾, но изнемогаетъ и отъ удаленія виѣнчанаго предмета. Ибо она воодушевляется не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами добродѣтелей того, на кого нападаетъ⁴⁾. Прочія страсти съ теченіемъ времени, иногда ослабѣваютъ и прекращаются; а этой страсти долгое время не только не подавляеть, но придастъ ей еще большее поощреніе⁵⁾. Въ томъ и состоить опасность тицеславія, что въ то время, какъ прочія страсти, при противоборствѣ противоположныхъ имъ добродѣтелей, открыто, какъ бы яснымъ днемъ воююція, удобнѣе можно побѣдить и предостеречь ихъ; а эта, прильнувшія къ добродѣтелямъ, вмѣстившись въ строй войска, сражается какъ въ темную ночь и потому коварнѣе обманываетъ неожидавшихъ и не остерегавшихся ея⁶⁾. Все сказанное здѣсь о тицеславіи съ большимъ правомъ можно относить и къ гордости.

Что касается въ частности тицеславія (*κεροφεξία*), то оно несомнѣнно предполагаетъ въ человѣкѣ наличность нѣкоторыхъ добродѣтелей, достигнутыхъ успѣшнымъ прохожденіемъ подвижничества⁶⁾. Начинается оно съ самаго повидимому ничтожнаго: только еще начинающихъ (подвижниковъ) и мало преуспѣвшихъ въ добродѣтели тицеславіе обыкновенно превозносить за звуки голоса, т. е. что они пріятно поютъ, или что у нихъ плоть истощена постомъ, или что они красивы. Потомъ тицеславіе внушаетъ монаху искать

¹⁾ Кн. XI, 4, 5; ср. 2 гл.

²⁾ Тамъ же, 7, 8.

³⁾ Тамъ же—8 гл.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, 9 гл. ср. Иоан. Лѣст. 22, 5.

⁶⁾ Добр. 1, 605, 8.

степени клирика, пресвитера съ цѣлью учить другихъ и давать имъ образецъ святости; такъ постепенно страсть опьяняетъ умъ монаха¹⁾.

Характернымъ здѣсь является то, что средствомъ для достижения почести и славы человѣкъ избираетъ труды, подвиги, совершеніе добродѣтелей²⁾. Это же самое является и выразителемъ самой сущности разбираемой страсти. Избирая подвижничество средствомъ достижения собственной славы, тицеславный извращаетъ въ кориѣ, какъ цѣль христіанского подвижничества, такъ и — самое понятіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ. Цѣль подвиговъ ложная и, какъ таковая, не можетъ имѣть цѣли съ нравственной точки зрењія³⁾. Обращая цѣль въ средство тицеславія, тицеславный чрезъ глубокое извращеніе понятія подвижничества несомнѣнно встаетъ на гибельный путь самолюбія. Истинный Христовъ подвижникъ непрестанно пребываетъ въ такомъ горячемъ желаніи, чтобы Богъ славилъ въ немъ, самъ же онъ остается какъ бы несуществующимъ. Такой человѣкъ и не знаетъ, что онъ такое, и не чувствуетъ наслажденія въ самыхъ похвалахъ словесныхъ; но при сильномъ желаніи смиренія онъ не думаетъ о своемъ достоинствѣ⁴⁾. Не то мы видимъ у человѣка, увлеченаго духомъ тицеславія: всѣ его подвиги и добродѣланія являются въ немъ стремленіе не къ славѣ Господа, по побужденію чистой любви къ Богу, — а стремленіе къ славѣ собственной (славѣ человѣческой), т. е. къ удовлетворенію личному своему себялюбію⁵⁾. Тицеславіе (а съ нимъ и гордость) основаніемъ своимъ имѣть „себялюбіе“, постоянно сопровождаясь памятованіемъ о своемъ собственномъ достоинствѣ⁶⁾. Центръ такой (по страсти) дѣятельности полагается не въ Богѣ, а въ самомъ человѣкѣ. Поэтому препод. Антоній Великій, поставляя тицеславіе наряду съ Богозабвеніемъ, считаетъ его самою болышею и неисцѣльною болѣзнью души⁷⁾.

1) Ін. Кас. XI кн., 13—15; ср. Ін. Лѣст. 22, 26, 31.

2) Добр. I, 604, 8.

3) Добр. I, 60, 77.

4) Діадохъ. Добр. III, 13.

5) См. Твор. Василія В. т. V, 202; 52 втор.

6) Діадохъ — прежняя цитата

7) Добр. I, 92, 158.

Точное и глубокое определение тицеславія съ этой именно точки зрѣнія мы находимъ у преп. Максима Исповѣдника. По его словамъ, тицеславіе есть отступление отъ цѣли, которая по Богу, и преступление къ другой цѣли, которая не по Богу. Ибо тицеславенъ тотъ, кто для своей, а не для Божіей славы заботится о добродѣтели, и трудами своими имѣеть въ виду накупить лишь человѣческихъ непостоянныхъ похвалъ¹⁾. Такая человѣческая слава, по сравненію съ славой Божественной, является напрасною, суетною, ложно-тицетною, — почему и самое состояніе это называется „тицеславіемъ“.

Совершая подвиги добродѣланія ради пріобрѣтенія славы людской, съ надеждой получить человѣческую похвалу, человѣкъ естественно все свое вниманіе обращаетъ не на суть подвиговъ, а на видимую только ихъ сторону²⁾. И, конечно, видимая благовидность поступковъ и дѣйствій является „пустоцѣвѣтомъ“, прикрывающимъ серьезные внутренніе пороки, такъ какъ человѣкъ, обманывая себя видимыми дѣланіями, внутреннее свое дѣланіе разоряетъ и губить³⁾. Опьяняя умъ подвижника и представляя мечтательно такія положенія, о которыхъ нѣтъ основанія умно разсуждать⁴⁾, тицеславіе тѣмъ самимъ препятствуетъ ему (уму) предстать предъ Бога, и стяжать вѣнецъ истинной праведности⁵⁾. Правда, оно побуждаетъ подвижника на многіе труды, посты, молитвы, милостыни и т. п.—но этимъ всѣмъ, по слову Антонія Вел., человѣкъ ничего другого не достигаетъ, кроме стыда и поношения⁶⁾, такъ какъ тицеславіе губить всѣ рапыше пріобрѣтнныя человѣкомъ добродѣтели и здѣсь иногда (подверженного этой болѣзни) наказывается по суду правды Божіей⁷⁾. Одно тицеславиное превозношеніе сносно, но погубить такія великія добродѣтели каковы были добродѣтели и вѣра, и праведность царя Езекіи, набожность ко-

1) Добр. III, 279, 193.

2) Нил. Син. I, 218. 16; Макс. Исп. тамъ же; Авв. Фалассій Добр. III, 312, 29.

3) Тамъ же, 15 гл.

4) Иоан. Касс. кн. XI, 15.

5) Евагр. м. Добр. I, 581, 64.

6) Добр. I, 60, 77.

7) Иоан. Лѣст. Сл. 22, 7, 8, 31; 29; Добр. II, 564, 19.

тораго заслужила того, что могли измѣнить самую природу и законы всего міра (разумъя возвращеніе солнца на 10 ступеней назадъ и возвращеніе дней жизни на 15 лѣтъ), и однако все это погибло чрезъ одно превознощеніе тицеславія; такъ что всѣ добродѣтели преданы забвенію, какъ бы ихъ и не было ¹⁾). Чрезъ страсть тицеславія человѣкъ для жизни духовной дѣлается бесплоднымъ; душа его часто по сравненію называется „ямой безводной“ ²⁾), а самъ онъ идолопоклонникомъ, хотя бы онъ былъ и вѣрующимъ ³⁾.

Кромѣ этого у человѣка тицеславнаго на почвѣ видимой благовидности развиваются неизбѣжные пороки: двойственность, лицемѣріе, ложь, зависть, ненависть ⁴⁾ и др. А главнымъ здѣсь является то, что тицеславіе, достигающее полнаго своего возраста, переходитъ въ самую гибельную и бѣсовскую страсть—„гордость“.

Всѣ характерныя, наиболѣе выражаютіе, какъ страсть, черты—являются рѣзче, выпуклѣе и болѣе выраженными въ страсті гордости. Если человѣкъ тицеславный услаждается своими подвигами и достоинствами, видя въ нихъ средство достиженія извѣстности, славы, почета отъ людей, то гордый уже прямо и неприкровенно усвояетъ ихъ себѣ. Вознося свою собственную личность, онъ утверждаетъ свою полную независимость не только отъ кого бы то ни было, но даже и отъ Бога ⁵⁾. Свое назначеніе такой надѣется осуществить безъ Божественной помощи ⁶⁾, признавая совершенно достаточно своихъ силъ для осуществленія добродѣтелей ⁷⁾. Если въ тицеславіи чувствуется недостатокъ любви къ Богу, забвеніе о славѣ Божіей,—то въ гордости проявляется прямое, рѣшительное, сознательное пренебреженіе къ Божественной славѣ, явное нежеланіе „воздать славу Богу“. Поэтому гор-

¹⁾ Ин. Кас. ки. XI. 10. Въ II гл. приведенъ другой примѣръ наказанія царя Озія проказою за тицеславіе. Ср. Нил. Син. 1, 217, 13; Иоан. Лѣст. 29, 7—8.

²⁾ Добр. 1, 602; II; Ср. 625, 10.

³⁾ Ин. Лѣст. 22, 6.

⁴⁾ Тамъ же; Добр. III, 291. 19; Древн. Нат. 132 гл. 8, 5; Ефр. Сир. 1, 255; Нил. Син. 1, 228.

⁵⁾ Добр. 1, 605, 9.

⁶⁾ Ин. Лѣст. 23, 1.

⁷⁾ Нил. Син. 1, 221 18.

дый не сознаетъ немощей своей падшой природы¹⁾—и, видя въ себѣ самомъ источникъ силъ, онъ смѣло отвергаетъ „благодать“, „промыслъ“²⁾. Иногда даже онъ открываетъ хульные свои уста на небо³⁾ и бываетъ „чуждъ всякихъ добродѣтелей“⁴⁾.

Основой для гордости служить общее и всѣмъ прочимъ страстямъ себѧлюбіе, которое здѣсь проявляется въ болѣе замѣтной формѣ, достигая часто явнаго, сознательнаго и упорнаго сопротивленія Богу,—почему гордость, по ученію отцовъ-аскетовъ, тяжелѣе и пагубнѣе всѣхъ прочихъ пороковъ⁵⁾, а человѣкъ гордый имѣть „общую часть съ бѣсами“⁶⁾. Гордость, по мнѣнію отцовъ, есть „древнее зло“⁷⁾, „первое зло и послѣднее“⁸⁾ и источникъ зла, ибо гордостію падъ первый изъ Ангеловъ, гордостю же падаютъ и всѣ люди⁹⁾. Гордость это „самый лютый и свирѣпый звѣрь“¹⁰⁾; „изъ нея, какъ изъ какого корня, произросли мириады лозъ грѣховныхъ“¹¹⁾. Она поэтому всего болѣе ненавистна Богу—„мерзость предъ Господомъ“¹²⁾. Она настолько велика и сильна, что гордаго можетъ исправить только „Самъ Богъ“¹³⁾.

Гордости, по мнѣнію отцовъ-аскетовъ два рода: первый плотской, второй духовный. Первый искушаетъ новоначальныи и плотскихъ; а другой—мужей духовныхъ и высокихъ (по жизни), которые, побѣдивъ предыдущіе пороки, находятся уже почти на верху добродѣтелей. „Первая гордость есть та, когда кто укоряетъ брата, когда осуждаетъ и безчеститъ его, какъ ничего не значущаго, а себя считаетъ выше его, таковыи, если не опомнится вскорѣ, и не постараается исправиться, то, мало-по-малу, приходить и во вто-

1) Ефр. Сир. III, 98; Авв. Дорое. II, 2, 42.

2) Добр. I, 574, 22.

3) Ефр. Сир. III, 98; Иоан. Лѣст. 23, 34.

4) Иоан. Лѣст. 23, 33.

5) Добр. I, 605, 9; Нил. Син. I, 220, 17; Ин. Кас. XII, кн. I.

6) Ин. Кас. кн. XII, 7; Добр. II, 424, 290.

7) Добр. II, 303, 6.

8) Феод. Студ. Добр. IV, 327, 2.

9) Ин. Кас. кн. XII, 1, 4.

10) Тамъ же.

11) Феод. Студ. Добр. IV, 327, 2.

12) Добр. II, 303, 6.

13) Ин. Лѣств. 23, 180.

рую гордость, такъ что возгордится и противъ Самого Бога, и подвиги свои и добродѣтели свои приписываетъ себѣ, а не Богу, какъ будто самъ собою совершилъ ихъ, своимъ разумомъ и тицаніемъ, а не помощію Божію ¹⁾. Хотя тотъ и другой родъ гордости вдыхается вреднымъ возношеніемъ какъ на Бога, такъ и на людей; однако-жъ, тотъ первый касается отношенія къ людямъ, выражаясь въ разрывѣ союза съ ближними, оскудѣнія къ нимъ любви, превозношеній надъ ними съ намѣреніемъ желаніемъ обратить ихъ въ средство своего эгоизма,—а второй составляеть скорѣе гордость на самого Бога ²⁾ *).

Такимъ образомъ, начинается страсть гордости съ мнимо-справедливаго предпочтенія себя другому, а послѣ, путемъ незамѣтнаго возвышенія своего „я“, доходить до сопоставленія себя съ своимъ Творцомъ, сознательнаго противленія Его промыслу и удаленія отъ Него. Тицеславіе обозначаетъ собою первый періодъ горделивой страсти, когда Божественная благодать стоитъ еще при дверяхъ нашего сердца, ожидая отъ насъ покаянія и смиренія,—гордость обозначаетъ въ горой періодъ этой—духовной болѣзни, когда наклонъ къ духовной смерти становится замѣтнѣе въ виду того, что дѣйствіе благодати все болѣе и болѣе парализуется возвращающимъ самолюбіемъ; въ этотъ же періодъ, наконецъ, наступаетъ и самая смерть духовная: когда человѣкъ весь погрузится въ свой собственный эгоизмъ и чрезъ это выразить полный протестъ противъ благодати Божественной ³⁾. Поэтому „гордость есть отверженіе Бога“, „противница Богу, корень хулы“ ⁴⁾. Начало гордости—корень тицеславія; средина — униженіе ближняго; безстыдное проповѣданіе своихъ трудовъ, самохвальство въ сердцѣ, ненависть обличенія; а конецъ—отверженіе Божіей помощи, упованіе на свое тщаніе, бѣсовскій нравъ ⁵⁾. Будучи первоисточникомъ

¹⁾ Авва Дороо. П. 11, 41—42; ср. Ін. Кас. кн. 12, 29.

²⁾ Ін. Кас. кн. XII, 2, 24; Соб. V; 12; ср. Авва Дороо. П. 11, 43 стр.

³⁾ Прекрасную психологическую характеристику развитія духовной гордости изъ гордости первого рода даетъ намъ Авва Дорооей на примѣрѣ брата во 11-мъ поученіи своемъ, стр. 42.

⁴⁾ См. Ін. Лѣст. 22, 2.

⁵⁾ Тамъ же, 23, 1.

⁵⁾ Тамъ же гл. 2; Ср. Макс. Исп. Добр. III, 279. 192.

всякаго зла ибо чрезъ гордость діавола вошелъ грѣхъ въ міръ ¹⁾ , эта страсть составляеть сущность грѣховной проказы человѣка; ибо она (совмѣстна со страстью тицеславія) сопровождаетъ и наши добродѣтели и наши пороки, и каждый случай нашей жизни обращаетъ въ поводъ для своего проявленія и усиленія ²⁾ , и тѣмъ самымъ ведеть человѣка къ неминуемой смерти духовной, чрезъ отчужденіе его отъ Бога, подобно ииспавшему съ неба ангелу ³⁾ .

Тицеславіе, особенно гордость, имѣя общей основой себѧлюбіе, суть по преимуществу акты нашей воли. Право оцѣнки поступковъ нашихъ ближнихъ, возвышение собственныхъ своихъ достоинствъ, посягательство на право Божественного суда надъ правственnoю личностью человѣка—все это—смѣлое обнаружение дѣйствій воли, покоющихся на глубокихъ основаніяхъ испорченности нашей природы. Свобода первого падшаго ангела родила гордость, какъ и воля первого человѣка родила гордость—гордость сдѣлала всѣхъ дерзкими. Человѣкъ по своей волѣ отпадаетъ отъ Бога; добровольно подвергаетъ себя опасности и—отдается въ руки вѣчной смерти по той же злой волѣ ⁴⁾ . Поэтому, гордость есть столь великое зло, что заслуживаетъ имѣть противникомъ не ангела, не другія противныя ей силы, но самого Бога ⁵⁾ , Котораго она отвергаетъ.

Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ сказанное о страстиахъ, мы можемъ въ краткихъ чертахъ сдѣлать маленькое обобщеніе. Изъ разсмотрѣнія послѣднихъ двухъ страстей мы видимъ, что общей ихъ основой служать самолюбіе и эгоизмъ, въ ихъ наивысшей степени развитія и интенсивности. Это же самое основаніе (т. е. самолюбіе и эгоизмъ, но въ менѣе рѣзкой степени выраженные) является общимъ и для всѣхъ страстей прочихъ. По учению Исаака Сирина „прежде всѣхъ страстей самолюбіе“ ⁶⁾ , отъ котораго, „какъ вѣти какія отражаются всѣ страсти“ ⁷⁾ . Отсюда мы приходимъ къ такому

1) Ин. Кас. кн. XII, 5; Ин. Лѣст. 23, 4.

2) Евагр. м. Добр. 1, 573, 20.

3) Ин. Лѣств. 23, 10; Ефр. Сир. Добр. II, 305.

4) См. у Иоан. Лѣств. 23, 4, 10; Ин. Лѣст. XII, кн. 5.

5) Ин. Кас. кн. 12, 7.

6) 51 сл. 228.

7) Добр. II, 450, 71. Ср. Е. О. Толк. Паст. п. 11, Тим. III, 2, 580.

выводу: каждая страсть есть прежде всего порождение самолюбия, которое является необходимой психологической почвой, на которой и изъ которой выростаютъ всѣ страсти, заимствуя у нея свои соки и всецѣло опредѣляясь ею въ своихъ характерныхъ особенностяхъ. Этимъ, конечно, оправдывается и то мнѣніе отцовъ-аскетовъ, что всѣ страсти психологически сродны между собою, и, нося на себѣ характеръ общаго всѣмъ имъ себялюбія, являются по существу своему однородными актами: будь то страсть плотская или душевная.

Какъ вырослия на такой почвѣ, всѣ страсти суть явленія психологическія. Нравственному вмѣненію онъ подлежать не за самые по себѣ факты, а за то грѣховное настроеніе, которое сопровождается толь или другой нашъ поступокъ. Точка опоры вмѣняемости страстей поконится на томъ основаніи, что душа есть начало свободное и господственное, а тѣло находится у нея въ подчиненіи. По тѣсной связи души и тѣла и виѣнія проявленія послѣдняго носятъ на себѣ отраженіе первой, и оцѣниваются какъ акты свободнаго выраженія нашей души. Поэтому всѣ наши страсти по преимуществу суть акты волевые. Всѣ помыслы, всѣваемые въ насъ врагомъ, дѣлаются въ насъ грѣховными въ зависимости отъ нашего произволенія; въ страсть они переходятъ послѣ того, какъ въ нихъ помимо ума и сердца примѣтъ участіе и воля человѣка. Главная роль остается въ данномъ случаѣ за волей, отъ которой зависитъ и самое существованіе той или иной страсти, и нравственная за нее отвѣтственность предъ судомъ Божественной правды. „Грѣхъ, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, вмѣняется не какъ вѣдѣніе, а какъ рѣшимость ⁴⁾).

Итакъ, результатомъ нашего анализа страстей являются слѣдующія три положенія: 1) всѣ страсти имѣютъ одну общую основу—самолюбіе; 2) всѣ страсти—явленія психофизической и 3) всѣ страсти суть акты волевые (по преимуществу).

Общее понятіе страсти.

Что же касается самого понятія страсти, то отцы-аскеты въ существенномъ пониманіи и опредѣленіи ея въ общемъ

⁴⁾ 1 т. 23—25. Ср. Соб. VII, 8. Ип. Кас.

согласны. Преп. Ефремъ Сирийъ такъ опредѣляетъ страсть: „страсть есть грѣховное движеніе, расположение ко грѣху и усиление, и какъ бы пожеланіе сдѣлать грѣхъ¹⁾). Болѣе точно опредѣляетъ страсть преп. Іоаннъ Лѣстивицникъ; онъ говоритъ: „страсть есть злое и неудобоискоренимое сложеніе помысла и хотѣніе сердца, стремящагося къ душевреднымъ пожеланіямъ и грѣховнымъ дѣламъ²⁾). Здѣсь страсть опредѣляется въ моментъ ея образованія изъ помысла, и—понимается какъ отдѣльный, единичный моментъ общаго духовнаго состоянія человѣка. Такъ какъ далѣе эти отдѣльныя страсти часто повторяются въ одной и той же по существу формѣ, и этимъ создаются навыкъ, ибо отъ частаго въ оныхъ упражненія душа получаетъ иѣкоторый навыкъ³⁾—то страсть у отцовъ мыслится уже какъ „грѣховное настроеніе“, созданное тѣмъ же навыкомъ. „Страсти не суть какія либо легкія помышленія или пожеланія, которыя являются и по томъ исчезаютъ, не оставляя по себѣ слѣда: это сильныя стремленія, внутреннѣйшія настроенія порочнаго сердца. Онъ глубоко входятъ въ естество души, и долгимъ властованіемъ надъ нами и привычнымъ удовлетвореніемъ ихъ до такой степени сродняются съ нею, что составляютъ, наконецъ, какъ бы ея природу“. Такъ опредѣляетъ великій знатокъ аскетической литературы и носитель отеческаго духа нашъ русскій богословъ-подвижникъ, преосвященный Епіскопъ Феофанъ⁴⁾). Пользуясь всѣмъ сказаннымъ, мы можемъ дать страсти, приблизительно, такое определеніе: страсти—это суть коренящіяся на началахъ эгоизма и самолюбія психической явленія, обнимающія собою всѣ стороны нашей души, и характеризующіяся сознательно-свободной ко грѣху наклонностью, которая чрезъ частое свое повтореніе переходитъ въ постоянное грѣховное настроеніе души и становится какъ бы второй природой человѣка.

Теперь намъ необходимо кратко указать на отношеніе страсти и грѣха между собою. Отцы-аскеты даютъ намъ основаніе говорить объ этихъ двухъ понятіяхъ, какъ о срод-

¹⁾ III т. 412.

²⁾ См. добав. къ „Лѣствицѣ“ 22 стр. Сл. 26, 94.

³⁾ Авва Дорох., п. XI, 133.

⁴⁾ См. Дом. Бес. за 1873 г., стр. 996.

ныхъ между собою и находящихся во взаимоотношени¹⁾). Изъ разсмотрѣнія нами (въ началѣ сочиненія) грѣхопаденія и его послѣдствій, мы видѣли, что грѣхъ, не вытекая изъ естества нашей природы, явился, какъ послѣдствіе „развращеній воли“. Начало его кроется въ существѣ человѣческой свободы. Основой грѣха была человѣческая „самость“. Переходя преемственно въ родъ человѣческій, онъ сохраняется за собой и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ всѣ свои существенные признаки, ибо источникъ и сущность его скрываются въ нашей душѣ: въ мысляхъ и чувствахъ. Образованіе грѣха въ душѣ каждого человѣка происходитъ общимъ (со страстями) путемъ и порядкомъ. Грѣхъ входитъ „въ дверь сердца мечтаніемъ лукаваго прилога“. Поводомъ ко грѣху всегда служить тотъ или иной помыслъ. Если помыслу удастся остановить вниманіе ума, то наступаетъ состояніе известное у отцовъ подъ именемъ „сочетанія“, когда наши помыслы и помыслы лукавыхъ демоновъ смѣшиваются; далѣе наступаетъ моментъ третій—„состложенія“, и, наконецъ, четвертый—чувственное дѣяніе или полный грѣхъ²⁾). Всякій грѣхъ совершается ради удовольствія. Можно поэтому сдѣлать такое заключеніе, что грѣхъ и по существу своему, и по образованію весьма имѣеть много общаго съ явленіемъ „страсти“. Всякій отдѣльный грѣхъ называется грѣхомъ случайнымъ. Но существуетъ еще грѣхъ страсти и страсть грѣха. Отцы-аскеты, не разграничивая строго этихъ двухъ понятій, часто одинъ терминъ „грѣха“ ставили вмѣсто другого „страсти“. Все же они не отождествляли ихъ между собою. Преп. Исаакъ Сиринъ говорить: совершеніе грѣха не бываетъ безъ собесѣданія со страстями³⁾). Преп. Іоаннъ Кассіанъ страсть называетъ „членомъ грѣха“, который по существу своему есть то-же, что и страсть⁴⁾), только съ той разницей, что грѣхи суть самыя дѣйствія страстей, когда кто приводитъ ихъ въ исполненіе⁵⁾). Очевидно грѣхъ, какъ дѣло, какъ внѣшнее обнаруженіе страсти, т. е. известнаго

1) Ис. Сир. 85, 403; Ин. Кас. Соb. 19, 12; Авв. Дороо. п. 1, 23; Добр. II, 373, 9; 360, 7.

2) См. Преп. Исаихій Добр. II, 168, 45—46; ср. Мак. Вел. 43, 6, 9.

3) Ис. Сир. Сл. 85, 403.

4) Соb. 12, 19, 12.

5) Авва Дороо. п. 1, 23.

ему присущи до своего во внѣ обнаруженія. Въ данномъ случаѣ грѣхъ является какъ частичное выраженіе отдельнаго момента страсти — какъ настроенія. Тотъ же самый грѣхъ, будучи выраженіемъ извѣстной страсти, если кто его часто совершаетъ, обращается въ злой навыкъ и дѣлается „страстью грѣха“¹⁾. Такимъ образомъ, страсть переходитъ въ грѣхъ, а грѣхъ дѣлается страстью; такое взаимообщеніе и возможно только при пониманіи этихъ двухъ явленій какъ однородныхъ по существу. И грѣхъ и страсть мыслятся одинаково, какъ грѣховныя настроенія: первый — какъ отдельный моментъ въ настроеніи, а вторая — какъ цѣльное настроеніе, ставшее постояннымъ навыкомъ души. Грѣхъ внутри человѣка безъ своего проявленія составляетъ по существу одно и тоже со страстью, а совершенный во внѣ есть только обнаружение ея²⁾.

Какъ частичное выраженіе настроенія нашей грѣховной воли (такъ какъ грѣхъ происходитъ отъ воли³⁾), фактъ частнаго грѣха подлежитъ меньшей нравственной отвѣтственности по сравненію съ грѣхомъ по страсти. Человѣкъ, совершающій грѣхъ не по страсти, обнаруживаетъ „беззаконіе“, т. е. уклоненіе въ сторону отъ закона, выражавшаго волю Божію; а совершающій грѣхъ по страсти (въ силу навыка) обнаруживаетъ кромѣ этого (и больше этого) наклонъ ко грѣху. Впавшій въ грѣхъ можетъ скоро покаяться, ибо падь на ровномъ мѣстѣ, гдѣ подняться легко; а павшій по страсти падь на уклонѣ, гдѣ трудно бываетъ удержаться, чтобы не скатиться въ самый низъ. Грѣхъ есть обнаружение „извращенной воли“, а страсть — „болѣзненной воли“ съ внутреннимъ содержаніемъ наклона въ сторону грѣха. Внутреннее всегдашнее влеченіе ко грѣху дѣлаетъ болѣе отвѣтственнымъ человѣка предъ закономъ правды, ибо человѣкъ и до грѣха не переставалъ грѣшить мысленно и по совершеніи его остается въ томъ же расположеніи⁴⁾. Однако этой нравственной отвѣтственности, только развѣ въ сравнитель-

¹⁾ Авв. Доров. и XI, 134; Ин. Кас. Соб. 23, 14.

²⁾ Ефр. Сир. Добр. II, 360, 7; 373, 9; III т. 330; И. Лѣст. 26, 40—48.

³⁾ И. Касс. Соб. 23, 1.

⁴⁾ Макс. Исп. Добр. III, 208, 74.

настроенія души, носить на себѣ всѣ тѣ черты, какія были ной мѣрѣ, подлежитъ и всякой частной грѣхъ. И на сколько оба они, т. е. грѣхъ и страсть являются отвѣтственными въ такой степени, можно сказать, опредѣляется и ихъ гибельность въ дѣлѣ спасенія души. Оба они, а особенно, конечно, страсти, являются весьма гибельными для души и вредящими дѣлу спасенія¹⁾; это—новое свойство, которое также сродняетъ между собою страсть и грѣхъ. Отцы-аскеты представляютъ намъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ того, что дѣйствіе страстей (и пороковъ) всѣхъ и каждой порознь настолько разрушительно, что всякую страсть они уподобляютъ „губительному недугу“²⁾, который, по словамъ Исаака Сиринна, „мучая душу умерицвляетъ ее“³⁾. И дѣйствительно, страсти являются смертію для души⁴⁾; съ одной стороны—онѣ препятствуютъ душѣ—этой своей рабѣ—созерцать Бога, Который не можетъ быть видимъ тѣмъ, въ комъ хоть нѣсколько живутъ страсти, а Богъ только чрезъ созерцаніе и можетъ быть видимъ и уразумѣваемъ⁵⁾; съ другой—онѣ чрезъ это мѣшаютъ душѣ, невѣстѣ Христовой, сочетаться съ Чистымъ Небеснымъ Царемъ⁶⁾ и такъ удаляютъ ее отъ Христа, Который „есть жизнь всѣхъ разумныхъ тварей, созданныхъ по подобію Его“⁷⁾. Удаленіе души отъ Бога, какъ источника жизни, есть несомнѣнная для нея смерть⁸⁾.

Резюмируя все сказанное нами на основаніи данныхъ аскетической литературы, мы должны отмѣтить, что страсти, не составляя нашего естества, являются случайными, временными болѣзнями наростами на нашей душѣ⁹⁾, которую онѣ, если не будутъ удалены, могутъ подвергнуть вѣчной смерти. Удалить эти болѣзняные явленія зависитъ отъ нашей воли. „Страсти суть дверь, заключенная предъ лицемъ

¹⁾ Добр. I, 65, 8; Ин. Кас. Соб. 23, 14.

²⁾ Авв. Дороѳ. п. XI, 134.

³⁾ 85 сл. 403.

⁴⁾ Ефр. Сир. III, 286.

⁵⁾ Ефр. Сир. II, 115; И. Кас. Соб. 1, 15; Ефр. С. IV, 41; Добр. I, 33, 35.

⁶⁾ Добр. II, 360, 6.

⁷⁾ Антоній В. Доброт. I, 33, 35.

⁸⁾ И. Кас. Соб. 23, 19.

⁹⁾ Ие. Сир. 28.

чистоты. Если кто не отворить этой двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую область сердца; просвѣтить же свою душу невозможно тому, кто предварительно не очистилъ себя отъ страстей. Слѣдовательно, для того, кто хочетъ спастись, а спасеніе есть цѣль истинно-христіанской жизни, борьба со страстями является неизбѣжной.

Іеромонахъ Николай.

Сергіевъ Посадъ,
Московская Дух. Академія.



Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ*).

V. Чѣмъ у нась стараются оправдатъ небреженіе
о церковной службѣ.

Теперь нужно размотрѣть слышанныя мною возраженія со стороны многихъ духовныхъ лицъ.

А) „Что же, говорять: неужели Вы хотите, чтобы все совершилось безъ пропусковъ, по монастырски?“—Отвѣчаемъ: „А какъ же совершилось богослуженіе 50 лѣтъ назадъ,—словомъ до 1869 года, т. е. до сокращенія штатовъ, при прежнихъ священникахъ, и причетникахъ (дьячкахъ)? Тогда не только въ больнице праздники, но и во всѣ воскресные дни, стихиры на „Господи возвзахъ“, на литіи, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ, не только не пропускались, но даже не читались, а всегда пѣлись; тогда литія на всѣхъ всенощныхъ бдѣніяхъ, величаніе и избранный псаломъ, не пропускались; праздничный тропарь предъ благословеніемъ хлѣбовъ, и на „Богъ Господь“ повторялся три раза; тогда молящихся было болѣше, и священники ходили по храму, кадили икону и народъ, не жалуясь на тѣсноту и невозможность. Шестопсалміе и кафизмы читались среди храма; оба канона въ больнице праздники не пропускались; промосы пѣлись по дважды и съ катавасіями; антифоны на литургіи не пропускались. Въ великий посты полунощница, тропари троичные, сѣдальны осмогласника, каѳизмы на утрени и на часахъ, пѣсни на трипѣнцахъ исполнялись по уставу; 12 малыхъ поклоновъ, при молитвѣ Св. Ефрема Сириня, и повторная

*) Окончаніе.—См. „Г. Ц.“ м. Ноябрь.

молитва съ однимъ великимъ поклономъ, исполнялась какъ должно; „Помяни насъ Господи!.. Владыко!.. Святый!.. егда прїидеши во царствіи Твоемъ“ исполнялись причетниками, въ великой постѣ предъ царскими вратами „со сладкопѣніемъ“ и земными поклонами; рядовой канонъ на повечеріяхъ вычитывался; „Господи силь съ нами буди“ пѣлось полнотою со стихами изъ псалма 150, послѣ чего причетники предъ царскими вратами пѣли: „Господи аще не быхомъ святыя Твоя имъли молитвенники“ и проч. съ земными поклонами; на повечеріяхъ и на преждеосвященныхъ літургіяхъ предстоящіе „погергались долу“ и „падали ницъ“, несмотря на званіе, возрастъ, и полъ. На страстной недѣлѣ „Се женихъ грядетъ“ и „Чертсѧ Твой... пѣлись трижды косно и со сладкопѣніемъ; св. Евангеліе читалось по 13 главу Іоанна включительно; стихиры въ великой четвергъ, пятницу и субботу и антифоны на страстяхъ не сокращались, какъ теперь, почти до пуля; на пасхальной утреніи два сосуда съ фіміамомъ ставились, и ни священники ни публика „не жаловались на угаръ... На пасху канонъ пѣлся полноюю; послѣ каждой пѣсни причетники сходились на катафасію; священники ходили съ крестомъ и трехсвѣтникомъ по храму, кадили и привѣтствовали предстоящихъ (несмотря на дѣйствительную тѣсноту, которая бываетъ на пасху), не прекращали христосованье съ народомъ до тѣхъ поръ, пока не похристосуются всѣ находящіеся во храмѣ, а такъ какъ причетники тоже христосовались и на клиросѣ ихъ не было, то въ храмѣ господствовало „велие молчаніе“, только изрѣдка прерываемое любителями, которые пѣли „Христосъ воскресе“; стихиры пасхѣ на вечернѣ пѣлись среди храма, и проч. и проч. Никто не жаловался „на переутомленіе“, и не называлъ приходскія мірскія церкви монастырями;—я, бывши гимназистомъ, и восемь лѣтъ, безъ пропуска, бывая въ Новочеркасской Николаевской Церкви, съ клятвою могу подтвердить, что это было такъ; иначе откуда же бы я зналъ такія подробности, которые здѣсь излагаю? —Разставшись въ десять лѣтъ окончательно со „старообрядцами“, я въ знаніи церковнаго устава могъ усовершенствоваться только при посредствѣ причетниковъ. Да и въ монастыряхъ продолжительность богослуженія зависитъ не отъ того, что тамъ нѣть пропусковъ, а главнымъ образомъ отъ канонарховъ, и отъ праздничныхъ

ченій между каензами на съдальнахъ; я очень хорошо помню, что праздничная утрени: рождественская, крещенская, благовѣщенская, крестовоздвиженская, совершаются въ приходскихъ церквахъ г. Новочеркасска, безъ всякихъ пропусковъ, продолжались не болѣе трехъ часовъ. Литургія вмѣстѣ съ проскомидіею и часами занимала не больше двухъ часовъ; что же, неужели это утомительно, когда на 365 дней въ году такихъ службъ придется не болѣе семи (25 Декабря, 6 Января, 25 Марта, 15 Августа, 14 Сентября, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Сопшествіе Св. Духа)? Въ остальные двадесятые праздники, утреня и литургія вмѣстѣ продолжались не свыше $3\frac{1}{2}$ часовъ. Неужели же, ради страшныхъ созерцаній, истинно-православный человѣкъ будетъ жаловаться на усталость?—И дѣйствительно прежде не жаловались.

Б) Говорять священнослужители въ свое оправданіе, что сокращеніе необходимо потому, что публика утомляется продолжительностію службъ и что число интеллигентныхъ лицъ, посѣщающихъ храмы, съ каждымъ годомъ уменьшается. На этомъ возраженіи нужно остановиться подробнѣе. Прежде всего, кого подразумѣваютъ подъ именемъ публики?—Если крестьянство и мѣщанство, мелкое чиновничество, и купечество, составляющія болѣе 90 процентовъ всего населенія, то нечего и доказывать, что эти сословія не только не тяготятся продолжительностію богослуженія, но наоборотъ,—не любятъ тѣхъ священниковъ, которые служатъ „не истово“; а если разумѣть интеллигенцію, въ тѣсномъ смыслѣ, то вѣдь она составляетъ менѣе десяти процентовъ населенія. Съ какою же цифрою нужно согласовать богослуженіе?—Конечно не со второю.

Далѣе: несмотря на уступки со стороны Церкви, число интеллигентовъ, посѣщающихъ храмы, все равно уменьшается „crescendo“.—Въ самомъ дѣлѣ, 50 лѣтъ тому назадъ, всеенощныя совершались только отъ юности недѣли до 14 Сентября, а съ 14 Сентября до юности совершались утрени. Такой порядокъ существовалъ повсемѣстно (кромѣ домовыхъ Церквей) до конца шестидесятыхъ годовъ, а между тѣмъ на утреню въ нашей Донской епархіи приходили генералы и полковники, чиновники и офицеры нижнихъ ранговъ, барыни и барышни, въ бурнусахъ, кацовейкахъ, мантиліяхъ и шляпахъ, не говоря уже о купцахъ, казакахъ, и прочихъ голосѣ Церкви.

разночинцахъ. Въ праздничные дни въ Церкви негдѣ было яблоку упасть; мы гимназисты также вставали рано (см. выше); утреня тогда начиналась въ 4 часа ночи, и непосредственно за нею совершалась ранняя обѣдня; всѣ, приходившіе на утреню, оставались и на обѣдню. Теперь же, уступая требованіямъ жизни, круглый годъ совершаются всеоцнныя бдѣнія, раннія обѣдни начинаются не раньше 7 часовъ утра, позднія въ $9\frac{1}{2}$ часовъ и даже въ $10\frac{1}{2}$ часовъ (въ большихъ городахъ, и въ домовыхъ Церквяхъ), и все-таки интеллигенція блестаетъ своимъ отсутствіемъ въ храмахъ... прежде (въ Новочеркасскѣ) интеллигенція, начиная говѣть въ понедѣльникъ съ вечерни, рѣдко со вторника, ходила исправно ко всѣмъ службамъ и пріобщалась исключительно въ субботу; а теперь (въ Ю. З. Россіи) утреня совершаются или съ вечера, или же въ 6 часовъ утра (въ деревняхъ) и все таки интеллигенція, если пріобщается въ среду на преждеосвященной литургіи, то начинаетъ говѣть съ понедѣльника съ вечера, если же въ субботу, то съ четверга съ вечера, и даже со вторника и съ пятницы утра, и пріобщившись уже не идетъ въ тотъ день вечеромъ въ Церковь, а иногда даже не остается до окончанія литургіи.

Интеллигенція давно сама себя исключила изъ пѣдѣрь Церкви, и причини ея отпаденія отъ Церкви заключаются не въ продолжительности церковныхъ службъ, а идуть со временемъ реформъ Петра Великаго, и подробно изложены въ докладѣ покойнаго столпа Церкви—Высокопреосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго, прочитанного имъ на архіерейскомъ съездѣ, и напечатанного, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ „Вѣрѣ и Розумѣ“. Тамъ читатель можетъ подробно познакомиться съ историческими причинами отпаденія отъ Церкви подавляющаго большинства нашей интеллигенціи.

Нашу интеллигенцію невозможно возвратить въ лоно Церкви такими уступками, какъ сокращеніе благоговѣннаго православнаго богослуженія. Въ самомъ дѣлѣ, если подавляющее большинство нашей интеллигенціи воспитывается такъ, что никогда въ домѣ не видѣть священника, никогда въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни не совершаетъ не только домашніхъ молебновъ, но даже не молится ни утромъ,

ни вечеромъ, ни предъ обѣдомъ и ужиномъ; никогда не принимаетъ священника со крестомъ, или святою водою, никогда не только не читаетъ, но даже не имѣеть въ домѣ Евангелія, не говоря уже о всей библіи, *не находить никакой радости* въ чтеніи этой (по выражению Гейне) „*Книги книги*“, скучаетъ при чтеніи лучшихъ духовныхъ произведений и въ то же время зачитывается по цѣлымъ ночамъ сочиненіями Эмиля Золя, Декамерономъ, и другими порнографистами, „*на самоиздѣлѣ утомляется*“ даже отъ такой, сравнительно короткой, торжественной и радостной службы, какъ пасхальная утрена, и въ тоже время подъ новый годъ „*не утомляясь*“ танцуетъ до семи часовъ утра въ клубахъ, въ страстную ночь великаго четверга играеть въ ресторанахъ (первоklassныхъ) на биллардѣ, или же въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ въ карты, далеко за полночь, закусывая при этомъ кровавымъ бифштексомъ съ трюфелями, и запивая кофе со сливками, или шоколадомъ съ ванилью, *24 декабря вечеромъ для милыхъ и благовоспитанныхъ дѣтей устраиваетъ елку съ танцами и костюмами*; послѣ исповѣди, благодаря свободному вечеру, играеть въ винѣ, закусывая въ 11 часовъ ночи разварною осетриною, приходить пріобщаться при пѣніи „*Отче нашъ*“ (фактъ) и притомъ... (страшно сказать, но прошу вѣрить 71 лѣтнему старику)— *напившись чаю въ постели...* „*Еще успѣхъ*“, говорять такие субъекты. — Даже на одре смертельной болѣзни, большинство интеллигентовъ (т. е. окружающіе ихъ) „*не посылаютъ за священникомъ съ цѣллю напутствія, чтобы не напугать трудно больного*“. При леченіи трудно больного интеллигента, меня самого однажды замѣнили другимъ врачомъ за то только, что я, видя неминуемый летальный исходъ, предложилъ пригласить священника. *Что это за врачъ, который не надѣется на свои знанія, а совѣтуетъ приглашать попа*“. Такова была моя врачебная аттестація со стороны интеллигентнаго семейства, причемъ и при другомъ врачу, больной, послѣ отказа мнѣ, умеръ черезъ два дня.

Коснувшись врачебной стороны, я долженъ упомянуть, что при изслѣдованіи больныхъ интеллигентовъ, обоего пола, я по крайней мѣрѣ въ 95 случаяхъ изъ 100 не видѣлъ на

груди креста; тоже самое явление сплошь и рядомъ наблюдалъ у интеллигентовъ, опредѣляющихся на военную службу, которые по уставу подвергаются врачебному осмотру, раздѣваясь до нага: этотъ же фактъ является постояннымъ, напр. въ баптияхъ, купальняхъ, гдѣ при раздѣваніи я почти не видалъ крестовъ не только у взрослыхъ интеллигентовъ, но даже у ихъ дѣтей, мальчиковъ 3—5 лѣтъ.—Если же сняты крестильные кресты, въ большинствѣ случаевъ золотые, или вызолоченные, а слѣдовательно блестящіе, дѣти же любятъ все блестящіе предметы,—то является вопросъ: *Съ какого момента дѣти сбрасываютъ съ себя этотъ видимый знакъ поклонъдователя Христова и кто побуждаетъ ихъ къ этому?..* Отвѣтъ грустный, но смѣемъ думать—правильный: *побуждаютъ родители и воспитатели*, но ни въ какомъ случаѣ, не иначе.

Вотъ къ такимъ-то субъектамъ можно, безъ грѣха, отнести изреченіе Иисуса Христа: „Аще кто постыдится Мене и моихъ словесъ, въ родѣ семъ, прелюбодѣйнѣи и грѣшнѣи, Сынъ человѣческій постыдится его, егда приидетъ во славѣ Отца своего со ангелы святыми“ (Марк. Гл. VIII—стихъ 38). Къ этой же группѣ можно отнести и тѣхъ (quasi) религіозныхъ интеллигентовъ, которые стыдятся устанавливать иконы въ залахъ и гостиницахъ (хотя бы по одной), а устраиваютъ гдѣ нибудь въ уголкѣ дома, такъ называемую, „образную комнату“. Объ этихъ господахъ точно также Архіепископъ Амвросій упоминаетъ въ своемъ докладѣ, и также далеко не съ положительной стороны.—Но лучшее всего обрисовано религіозное міросозерцаніе нашей интеллигенціи въ статьѣ А. Введенского: „Причины невѣрія по даннымъ религіозной анкеты“... напечатанной въ книжкахъ журнала „Странникъ“ за истекшій 1911 годъ.

Исчисленные выше факты даютъ намъ полное право заключить, что подавляющее большинство нашей интеллигенціи давно „истягло страсти“, и только подъ тяжкой карой Промысла Божія „способно свой падшій обновити образъ“ (Догматикъ, Богородицень, 4-го гласа).—И такую-то интеллигенцію надѣются возвратить въ лоно Церкви такими мѣрами, какъ сокращеніе богослуженія; поистинѣ печальное заблужденіе. Такая интеллигенція не заслуживаетъ ни малѣйшихъ уступокъ со стороны Церкви еще и потому, что, по мѣрѣ уступокъ, она будетъ предъявлять новыя требованія...,

VII. Проектъ сокращенія церковной службы.

На основаніи изложеннаго, трудно согласиться съ проектою предполагаемыхъ дальнишнихъ сокращеній нашего православнаго богослуженія, выработанныхъ напр. на епархіальномъ съѣздѣ Рижскаго духовенства; конечно, не наше дѣло давать советы нашимъ духовнымъ наставникамъ, но если дальнѣшее сокращеніе будетъ, такъ сказать, санкционировано начальствомъ, то можно ли поручиться за то, что лучшая часть общества не отпадетъ отъ Церкви, и не образуются новыя секты на почвѣ недовольства новыми порядками богослуженія, которыхъ въ дальнѣшемъ развитіи своего вѣроученія, неизбѣжно коснутся догматической и нравственной стороны православнаго ученія. Вотъ гдѣ опасность для Православной Церкви; опасность серьезная, съ которой необходимо считаться.

Вѣдь если Церковь молится „о мирѣ всего міра, и о соединеніи всѣхъ“, то, значитъ, она скорбить объ отпадшихъ членахъ своихъ, и желаетъ возвратить ихъ въ свое лоно; „старообрядцы“, пріемлюющіе священство, ближе всѣхъ сектантовъ стоять къ Церкви, и по численности превосходить другія обицны; хорошо зная духъ „старообрядчества“, я готовъ утверждать, что хотя не единственою, но одною изъ главныхъ причинъ упорства „старообрядцевъ“ служить слишкомъ сокращенное, и часто до крайности невнимательное исполненіе православнаго богослуженія.

Обыкновенно говорять, что „сокращеніеъ богослуженія православіе нисколько не нарушается“. — Да, скажемъ и мы, православное вѣроученіе не нарушается, но не надо забывать, что для выраженія почтенія и благоговѣнія, не только царю земному, но и постановленнымъ отъ него вельможамъ, и нашимъ ближайшимъ начальникамъ, установлены извѣстныя формы выраженія этого почтенія, и мы всѣ чрезвычайно боимся нарушить эти формы и отступить отъ такъ называемаго этикета — боимся потому, чтобы не потерять расположенія земныхъ владыкъ. А если такъ, то не тѣмъ ли больше мы должны заботиться о соблюденіи извѣстныхъ, издавна церковью установленныхъ формъ для выраженія почтенія и благоговѣнія къ Царю царей? Мы должны рев-

постно охранять весь церковный ритуалъ и выражать служение небесному Царю „благообразно и по чину“.

VII. Дальнишія оправданія богослужебныхъ опущеній.

В) Третье возраженіе заключается въ томъ, что при сохраненіи штатовъ, въ 1869 году, когда оставлены въ Церкви только священникъ и псаломщикъ, исполнять богослуженіе по уставу просто некому; это возраженіе, по нашему мнѣнію, самое серьезное, но о немъ подробнѣ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о практическихъ мѣрахъ къ устраненію нарушеній устава.

Такъ какъ всякому явлению и факту, какъ въ физической, вѣщинѣ, такъ и во внутренней, нравственной, духовной жизни общества и народа предшествуетъ какая либо причина, то и памъ, хотя приблизительно, необходимо опредѣлить причины упадка нашего благотѣшшаго богослуженія, о которомъ даже инославные отзываются съ восторгомъ и говорять, что напр. православная литургія не имѣеть себѣ подобной ни въ одномъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи. Я еще разъ оговариваюсь, что, не будучи специалистомъ, не претендую на непогрѣшимость моего мнѣнія, хотя всегда основываю его на фактахъ; итакъ, причины заключаются въ слѣдующемъ:

1) Небрежность нѣкоторой части самихъ священниковъ, въ исполненіи богослуженія; въ одномъ изъ губернскихъ городовъ однажды я былъ на всенощной подъ Рождество Христово; совершаю богослуженіе настоятель, мой знакомый священникъ, магистръ богословія, соборнъ съ другимъ священникомъ и дьякономъ; всенощная вмѣстѣ съ повечеріемъ продолжалась часъ и двадцать минутъ, и когда окончилась, мы пошли вмѣстѣ по домамъ по одной дорогѣ; на пути я спросилъ: „Вы, кажется, отецъ N, таки порядочно скратили всенощную?“—„Да что жъ напрасно калякать-то“, послѣдовалъ отвѣтъ.—Судите читатель сами, каково мнѣ было слышать выраженіе „напрасно калякать“ изъ усть образованнаго, пожилаго магистра, находившаго превосходныя пѣснопѣнія, составленныя въ честь родившагося Бога Младенца „напрасныи каляканемъ!“

Другой фактъ. Въ Харьковѣ есть богатая Воскресенская церковь, построенная въ купеческой части города, недалеко отъ единовѣрческой церкви; храмъ въ ней всегда праздновался на второй день пасхи и утrenя совершилась „благообразно и по чину“ съ вечера на первый день; для меня, когда я былъ студентомъ, всегда доставляло высокое наслажденіеходить на храмовой праздникъ въ эту церковь. Въ 1882 году я случайно былъ въ Харьковѣ на пасху, и на первый день въ 5 часовъ по полуночи отправился въ названную церковь на храмъ; и что же? Пропустили совершенно повечеріе, полунощницу; вечерни же и утреню такъ сократили, что я не узналъ того богослуженія, которымъ наслаждался въ юности; стихиры на „Господи возввахъ“ и на „Хвалитъхъ“ пропѣли по одной; стихиры пасхѣ на вечерни совсѣмъ пропустили, а на утrenи только пропѣли первую стихиру: „Пасха священная намъ днесь показася“, потомъ Слава и нынѣ: „Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ“. Изъ пасхальнаго канона въ каждой пѣснѣ пропѣли по одному ирмосу, и по одному тропарю и затѣмъ малая ектенія, а канонъ Богородицѣ: „Умерицвленія предъль словила еси“ пропустили весь цѣликомъ; я думалъ съ болью въ сердцѣ: если такъ совершается богослуженіе въ храмовой праздникъ, и въ день торжества изъ торжествъ, то во что же превращается служба въ другіе дни?

Тоже самое въ Новочеркасскѣ; когда я, послѣ 21 года разлуки съ Новочеркасскомъ, пріѣхалъ туда на пасху въ 1899 году, и пошелъ въ ту же Николаевскую церковь, то сравнивая видимое и слышимое съ тѣмъ, что было въ періодъ времени съ 1850 по 1869 годъ, я просто плакалъ; факты эти доказываютъ, что упадокъ богослуженія идетъ у насъ *crescendo*.

2) Недостаточное знакомство многихъ священниковъ съ церковнымъ уставомъ; опять факты: въ одномъ мѣстечкѣ Гродненской губерніи была расположена Донская артиллериjsкая конная батарея, въ которой я служилъ младшимъ врачемъ. Пасха въ тотъ годъ 1866 была марта 27; Благовѣщеніе приходилось въ Великую пятницу; и вотъ наканунѣ въ четвергъ страстной недѣли приходить ко мнѣ молодой (лѣтъ 32) священникъ съ просьбою просовѣтывать ему (онъ уже зналъ, что я бывшій „старообрядецъ“) какъ соединить

утреню великой пятницы (страсти) съ утренею въ честь Благовѣщенія; я отвѣтилъ, что вѣдь есть же въ концѣ великопостной тріоди—главы Марка Монаха;—„Представьте себѣ“, напиво отвѣчалъ онъ, „что я даже и не слыхалъ о нихъ“, послѣ этого мы пошли къ нему въ домъ, взяли тріодь, и чтобы во время богослуженія, не перелистывать книгу тріоди, и не дѣлать справокъ, мы выписали на отдѣльной бумажкѣ Маркову главу на данный день, и послѣ вечерниго чаю отправились на страсти, при чёмъ священникъ попросилъ меня стать на клирость, такъ какъ причетнику трудно слѣдить за ходомъ службы, а тріодь одна, я согласился, и священникъ остался очень доволенъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ Подольской губерніи, гдѣ я прослужилъ съ полкомъ 9 лѣтъ, да въ отставкѣ прожилъ два года, въ мѣстной церкви, я также былъ пораженъ незнаніемъ устава: случилось навечеріе Р. Хр. въ субботу; по уставу, литургія, въ этомъ случаѣ, совершается отдѣльно отъ вечерни, и на литургіи произносится Евангеліе Луки, Зачало—5; а на вечернѣй Матея—Зачало 53; но тамъ читали литургійное евангеліе на вечернѣй (т. е. Луки—Зачал. 5): на литургіи я не былъ; на Благовѣщеніе на литургіи—Луки, Зачал. 3; а дьяконъ читаетъ общее евангеліе Богородицѣ—Луки Зач. 54; въ недѣлю предъ Рождествомъ, читается евангеліе Матея,—Зачал. 1, а рядовое оставляется; тамъ же читаются оба евангелія; въ 1905 году—Благовѣщеніе приходилось въ пятницу на 4-й недѣлѣ поста; на утреши я не былъ, но пришелъ къ литургіи; безграмотный (буквально) псаломщикъ прочиталъ часы 3 и 6, но 9 часъ и изобразительная пропустилъ; священникъ, или дьяконъ только по временамъ выглядывали изъ сѣверныхъ дверей алтаря, но никакихъ указаній псаломщику не дѣлали; затѣмъ началась литургія Златоустаго, безъ вечерни, стихиръ и паремій. Допустимъ, что этими отступленіями православіе не нарушается, но за то съ ясностю обнаруживается или невѣжество или небрежность священнослужителей, или то и другое вмѣстѣ.

3) Упадку современного богослуженія сильно содѣйствуютъ также нынѣшніе псаломщики, замѣнившіе дьячковъ-причетниковъ. Они въ громадномъ, подавляющемъ большинствѣ, не знаютъ устава, не знаютъ пѣнія на 8 гласовъ, поскольку

не интересуясь ни тѣмъ ни другимъ, часто среди нихъ встрѣчаются лица совершенно безграмотныя. Всѣхъ псаломщиковъ можно раздѣлить на три группы: первую группу составляютъ окончившіе курсъ семинаріи, обязанные до рукоположенія во священники прослужить извѣстный срокъ въ должности псаломщика, или учителя; эти лица, большою частію страдаютъ самомнѣніемъ, смотрятъ на свою службу, какъ на переходную ступень, мечтаютъ о священствѣ, ищутъ и высматриваютъ невѣсть, и исчисляютъ дни и часы, когда они развязутся съ должностью псаломщика. Они не заботятся ни о самоусовершенствованіи, ни объ улучшеніи порядка богослуженія; держать себя на равной ногѣ со священникомъ, который находитъ неудобнымъ проявлять надъ ними свою власть, какъ надъ будущими коллегами, очень часто являются на службу поздно, и поручаютъ исполнять свои обязанности ученикамъ мѣстныхъ школъ, или грамотнымъ крестьянамъ; группа такихъ псаломщиковъ, впрочемъ, невелика.

Ко второй группѣ, большей по численности, нужно отнести псаломщиковъ, неокончившихъ полнаго курса семинаріи, но за то окончившихъ курсъ духовныхъ училищъ; между ними иногда встречаются прослужившіе иѣсколько лѣтъ учителями, и поступившіе на должность псаломщиковъ, съ цѣлію когда нибудь дослужиться до сана дьякона, и даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ—священника. Псаломщики этой группы отличаются отъ предыдущихъ только тѣмъ, что они болѣе скромны, и менѣе страдаютъ самомнѣніемъ. Хотя служебная дисциплина и этой группы довольно слабая, но въ общемъ этого сорта псаломщики болѣе послушны священнику; псаломщики обѣихъ группъ служатъ обыкновенно въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ, и рѣдко въ крупныхъ селахъ.

Наконецъ третью, самую многочисленную группу составляютъ псаломщики, неокончившіе курса духовныхъ училищъ, и получившіе мѣсто, по енисходительности начальства; они часто поступаютъ на должность, получая ее послѣ отца, тестя, или дяди; между ними, хотя рѣдко, но встречаются и сыновья дьяконовъ, и даже священниковъ,—неудачники духовныхъ школъ; вотъ эти-то лица большою частію не только не знаютъ устава, но даже не умѣютъ читать; въ

великій постъ напр. на пареміяхъ они всегда произносять: „*Причей*“ (вмѣсто притчей) чтеніе; а въ большиіе праздники поютъ „*Елицы во креста* (вмѣсто во Христа) крестис-тесь“ и никакими казнями нельзя заставить ихъ произно-сить эти слова правильно; они никогда не заглядываютъ ни въ уставъ, ни въ Марковы главы, ни въ служебникъ; въ 1896 году пасха была Марта 24, а годъ былъ високосный, ключъ границъ былъ В., сыропустъ приходился февраля 4, а праздникъ Срѣтенія приходился въ пятницу на сырной недѣльѣ. Хотя отданіе Срѣтенію полагается 9-го февраля, но такъ какъ съ 5 февраля наступалъ великій постъ, то отданіе, по Марковымъ главамъ, должно совершаться въ недѣлю сырную (4 февраля); между тѣмъ, я, говѣя на первой недѣльѣ поста, слушалъ на утренѣ послѣ аллилуїа тропарь празднику Срѣтенія, а на трипѣнцѣ промосы Срѣтенскаго канона, и все это исполнялось до 9 февраля; ни священникъ, ни дьяконъ не сдѣлали никакихъ указаній псаломщику; псаломщики этой группы не знаютъ также того, что на 5 недѣльѣ великаго поста псалтирь стихословится иначе, нежели на остальныхъ недѣляхъ, и въ среду 5 недѣли на ве-чернѣ читается не 18 кафизма, какъ обыкновенно, а 7-я; не знаютъ, что отъ сырной недѣли до отданія праздника Воздвиженія (21 сентября) въ воскресные дни на утренѣ, кромѣ Фоминой недѣли, и недѣли 50-цы или же большихъ праздниковъ, уже не поется поліелей („Хвалите имя Го-сподне“), а вмѣсто него произносится 17 кафизма; не знаютъ что отъ Фоминой недѣли до отданія праздника пасхи, во всѣ воскресные дни, на 9-й пѣсни „Честнѣйшая“ не поется; не знаютъ, что во весь годъ на вечернѣ въ воскресные дни псалтирь не произносится; и потому если случится въ по-недѣльнику великій праздникъ, то они на всенощномъ бдѣніи, немедленно послѣ великой ектеніи, поютъ не прямо „Господи воззвахъ“, а сначала поютъ „Блаженъ мужъ“, „аллилуїа“ и проч. и проч. Всѣ три группы псаломщиковъ, составляютъ хроническую болѣзнь клира (которую невозможно излечить безъ „хирургическихъ“ средствъ) и въ дѣлѣ богослуженія не выдерживаютъ никакого сравненія съ прежними причетни-ками, проникнутыми настолько духомъ строгой церковности, что имъ невольно прощаешь нѣкоторыя ихъ отрицательныя стороны, чemu доказательствомъ служить мое продолжи-

тельное и близкое знакомство съ ними, во время моей гимназической жизни (см. выше).—Если же прибавить къ этому, что третья группа наполняется сельские и деревенские приходы, и что среди этой группы иногда попадаются люди не трезвые, то читатель вполнѣ пойметъ, какой хаосъ можетъ выйти на службѣ, въ особенности весною, когда грамотные крестьяне на полевыхъ работахъ, и замѣнить псаломщика на клиросѣ некому.

Не лишнимъ считаю прибавить, что служа земскимъ врачамъ 4 года въ одной изъ южныхъ губерній, и имѣя разъѣздной участокъ въ 9 волостей, мнѣ при разъѣздахъ приходилось очень часто сталкиваться съ псаломщиками, какъ съ представителями сельской интеллигенціи, приходилось нерѣдко останавливаться у нихъ на квартире, во время вьюги, или грязи; и что же? Нерѣдко они кушаютъ мясо въ обычные посты, у многихъ я не видѣлъ ни евангелія, ни псалтыри, и только изрѣдка у стариковъ—встрѣчалъ молитвословъ; но за то находилъ сочиненія Толстого, сепаратиста Тараса Шевченко, заклятаго ненавистника Россіи, и даже Эмиля Золя. — Интересно знать, если бы теперь 13—14—15 лѣтній, колеблюційся гимназистъ, подобно мнѣ, попалъ подъ вліяніе такихъ псаломщиковъ, то какими бы книгами снабжали они его; конечно не такими, какія я получалъ отъ Новочеркасскихъ; Николаевскихъ причетниковъ.

4) Четвертую причину упадка богослуженія составляеть недостатокъ, и даже иногда совершенное отсутствіе, въ некоторыхъ, современныхъ священникахъ, и въ особенности въ псаломщикахъ, того духа церковности, который лѣтъ 40—50 тому назадъ былъ такъ присущъ всему нашему духовенству.—За свою долгую жизнь и сорокалѣтнюю службу въ разныхъ мѣстностяхъ нашего необъятнаго отечества, я паталкивался на массу фактовъ, подтверждающихъ справедливость моихъ словъ.

Мнѣ могутъ возразить, что отрицательные факты, какъ частичные, не даютъ права на обобщеніе; согласенъ и не обобщаю, но все таки утверждаю, что важно не число фактовъ, а самая возможность ихъ появленія среди духовенства, подобно тому какъ важенъ не единичный Гапонъ, а почва, воспитавшая подобную личность.

5) Наконецъ пятою и одною изъ самыхъ серьезныхъ причинъ упадка богослуженія служить сокращеніе штатовъ въ 1869 году.

ВIII. **Какъ помочь дѣлу церковнаго благолѣпія.**

Какія же мѣры можно предложить для устраненія недостатковъ въ нашемъ богослуженіи?—1) Прежде всего нужно восстановить тѣ штаты священно-церковно-служителей, которые были до 1869 года; при сокращеніи штатовъ до такой крайней степени, что въ большинствѣ церквей оставлены только священникъ и псаломщикъ, вѣроятно имѣлось въ виду, что при церковныхъ школахъ образуются пѣвческие хоры, и что между прихожанами всегда найдутся любители чтенія и пѣнія. Это болѣшая ошибка: въ Великой Россіи, дѣйствительно, можно много найти любителей среди купцовъ, приказчиковъ, мелкихъ чиновниковъ, и сельской интеллигенціи; но какіе любители могутъ быть въ губерніяхъ: Гродненской, Волынской, Подольской, и вообще въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, гдѣ купцы и приказчики—жиды; чиновники сгруппированы въ городахъ и мѣстечкахъ (почтовые чиновники завалены при этомъ работой), а сельская интеллигенція состоитъ изъ поляковъ и католиковъ, которые буквально чуть не рукоиленцутъ, при видѣ всякаго, даже мнимаго непорядка въ православной церкви, и пользуются имъ чтобы лишній разъ превознести похвалами свой костелъ, къ которому всячески стараются склонить православныхъ. Если даже псаломщикъ будетъ обладать первостепеннымъ голосомъ, онъ одинъ положительно измучится отъ чтенія и пѣнія въ воскресные дни и большіе праздники, когда такъ много выпадаетъ на его долю работы по клиросу. Но еще тяжелѣе псаломщику въ великой посты, и въ особенности на страстной недѣлѣ и въ пасху; въ дни великаго поста и пасхи, чуть не ежедневно, приходится имѣть дѣло съ иными особенностями; и притомъ такими, которыя больше не повторяются за цѣлый годъ; какъ же можно требовать отъ псаломщика, чтобы онъ выполнялъ все, что требуется типикономъ? а если у него къ тому же слабый голосъ, что тогда? Отсюда понятно, почему многіе

изъ православныхъ зажиточныхъ людей въ такіе знаменательные и торжественные дни, какъ страстная недѣля и пасха, уѣзжаютъ въ Кіевъ, Почаевъ и другіе монастыри, съ единственою цѣллю, отдаваться всецѣло молитвенному созерцанію священныхъ событій, и насладиться красотою нашего благолѣпнаго богослуженія.

На любителей изъ народа надежда плоха еще и потому, что для нихъ посѣщеніе храма не обязательно, а иногда и совершенно невозможнo, какъ напр. весною, при полевыхъ работахъ, въ воскресные дни великаго поста, или на страстной недѣлѣ, когда бываютъ базары и ярмарки, которыми такъ богаты села и мѣстечки западнаго края. Что же касается пѣвческихъ хоровъ при школахъ, то съ ними заниматься некому; учителя школъ не всегда обладаютъ искусствомъ регента, и почти не получаютъ никакого вознагражденія за управленіе хоромъ; родители также не охотно пускаютъ дѣтей въ хоры, потому что занятіе пѣніемъ идетъ, по ихъ мнѣнію, въ ущербъ школьному дѣлу; кроме того дѣти нужны для домашнихъ работъ; правда родители, могли-бы освободить дѣтей отъ нихъ, еслибы за пѣвческій трудъ дѣти получали, хотя нѣкоторое, денежное вознагражденіе; но надежды на это очень мало; рѣдко, рѣдко, какойнибудь щедрый староста даетъ на Рождество, или на Пасху, одинъ рубликъ на десятокъ мальчиковъ; развѣ такими средствами можно поддержать хоръ? а взрослые теноры и басы? Гдѣ можно найти такихъ, которые пѣли бы безъ жалованья? Самое же главное—то, что даже и при правильной организаціи сельскіе хоры не замѣнять хорошихъ прежнихъ причетниковъ, потому что хоры поютъ только общія пѣснопѣнія, которыхъ никогда не мѣняются, и легко могутъ быть изучены; сила же торжествъ въ большиѣ праздники заключается исключительно въ частныхъ пѣснопѣніяхъ, не повторяющихся въ другіе дни, къ исполненію такихъ пѣснопѣній нужно готовиться отдельно на каждый праздникъ; и вотъ почему изъ частныхъ пѣснопѣній сельскіе хоры поютъ только праздничные тропари, они даже ирмосы праздничные поютъ не всегда, и въ нѣкоторые праздники, не успѣвъ разучить праздничныхъ ирмосовъ, замѣняютъ ихъ прежде разученными ирмосами; напр. въ Богородичные праздники: 8 Сентября, 21 Ноября, 25 Марта и 15 Августа, они всегда

поютъ „*Отверзу уста моя*“.—Одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ такого случая: на Рождество Христово сельскій хоръ пропѣлъ, какъ и слѣдуетъ, „*Христосъ рождается*“ и всѣ рождественскіе ирмосы; подъ новый годъ опять поютъ рождественскіе ирмосы, а подъ Крещеніе пропѣли ирмосы, по гласу предыдущаго воскреснаго дня; фактъ объясняется очень просто; къ Рождеству ихъ разучали съ 21 Ноября, а къ новому году и Крещеню разучать было некогда; учителя занимались визитами и сельскими вечеринками, а мальчики въ школу, конечно, не ходили, а занимались колядками, и катаниемъ на конькахъ и салазкахъ. Не лишнимъ будетъ прибавить и такой, правда, единственный фактъ: однажды на второй день Р. Хр., 26 Декабря, на литургіи учитель-регентъ пропѣлъ съ хоромъ вмѣсто причастна, тропарь Богородицѣ „*Утоли моя печали*“ („*Утоли болѣзни многовозыхающія души мои*“).—Гармонировало ли это великопостное пѣніе съ воспоминаніемъ такого радостнаго события, какъ Рождество Искупителя міра? всего приличнѣе было бы пропѣть „*Слава въ вышнихъ Богу*“.—Таковы у насъ сельскіе хоры, и таковы вкусы у г.г. регентовъ.

Въ великий постъ сельскіе хоры поютъ только на первой недѣлѣ ирмосы великаго канона на повечеріяхъ, и двѣ преждеосвященныхъ литургіи; по буднямъ великаго поста, пѣвчіе совсѣмъ не показываются въ церкви до великаго четверга; но и въ великий четвергъ, вечеромъ на страстяхъ, они поютъ только тропарь: „*Егда славніи ученицы*“, „*Господи помилуй*“ на эктеніяхъ; одинъ или два съданья на антифонахъ (преимущественно поютъ съдань „*Егда предсталъ еси Каїфъ Боже, и предался еси Пилату Суди!*“), иногда ирмосы трипѣнца: „*Къ тебѣ утреннюю*“ и экзапостиарій „*Разбойника благоразумнаго*“. На другой день въ великую пятницу, на вечерни они поютъ: „*Господи помилуй*“, „*Свѣти тихій*“; прокиментъ „*Раздѣлиша ризы моя*“, „*Тебе одѣюща-гося*“ предъ выносомъ плащаницы и затѣмъ „*Благообразный Иосифъ*“. На утреню въ субботу пѣвчіе опять не являются, и только часть мальчиковъ иногда приходитъ въ субботу на литургію, чтобы пропѣть надъ плащаницею: „*Воскресни Боже, Суди земли*“.

На первый день пасхи сельскіе хоры поютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только литургію, и, крайне

рѣдко, утреню, да и то иногда ограничиваются одними ирмосами канона; вся утrenя поэтому исполняется измученнымъ псаломщикомъ, вмѣстѣ съ любителями крестьянами; часы же пасхальные совсѣмъ не поются, а прочитываются.

Послѣ этого не удивительно, что теперь, при свободѣ вѣроисповѣданій, въ Западной Россіи многіе православные переходятъ въ католичество, соблазняясь превосходствомъ пышнаго костельнаго ритуала.

Гдѣ же, спросятъ, найти средства для увеличенія штата? Отвѣчаемъ: тамъ же, гдѣ находились средства и до сокращенія этихъ штатовъ, въ 1869 году. При искреннемъ желаніи, средства всегда найдутся; одно изъ нихъ, пожалуй, могу предложить и я. Сколько напр. находится свободныхъ послушниковъ по большимъ монастырямъ: въ Киевѣ, Почаевѣ, въ Святогорскомъ монастырѣ Харьковской епархіи и проч. Въ монастырскихъ хорахъ иногда бываетъ на обоихъ клиросахъ по 50 пѣвцовъ (Почаевъ, Печерская лавра). Почему бы ихъ не командировать въ сельскіе приходы, хотя бы на извѣстный срокъ, на мѣсто причетниковъ? Для убѣжденнаго ишока все равно, гдѣ не исполнять идею послушанія; но, можетъ быть, послушники не пойдутъ на такой трудъ? Правда,—по этимъ они обнаружатъ только то, что поступили въ монастырь не по идѣю, а для личныхъ цѣлей; такихъ послушниковъ надо увольнять изъ монастырей; скатертью имъ дорога; попробуй напр. военныи офицеръ отказаться отъ командировки во время внутреннихъ безпорядковъ, или врачъ,—во время эпидеміи; ихъ ожидаетъ одинъ исходъ—увольненіе отъ службы, а иногда даже и отдача подъ судъ.—А что моя мысль не противорѣчитъ идеи монашества, то это доказывается тѣмъ фактомъ, что во флотѣ всегда служатъ іеромонахи, а не бѣлое духовенство; и если іеромонаху позволительно, по обязанности службы, возвратиться въ міръ (не забудьте, въ міръ морскихъ офицеровъ), то тѣмъ большие это позволительно послушнику, еще не принявшему постриженія.

2) Когда штаты будутъ достаточны, тогда будетъ возможно возвести и порядокъ богослуженія въ той степени, какъ это было до 1869 года, при прежніихъ причетникахъ; прежде напр. въ Новочеркасской Николаевской Церкви было три священника, два дьякона и шесть причетниковъ,—при каж-

домъ священникъ по два; они также назывались седмичными, и обязательно посещали всѣ службы; въ праздники же, въ воскресные дни, на страстной, и пасхальной седмицѣ приходили на службу всѣ шесть причетниковъ; за этимъ наблюдалъ старшій священникъ; одинъ изъ седмичныхъ причетниковъ въ стихарѣ прислуживалъ въ алтарѣ. Теперь же псаломщики, даже въ пасху, буквально стыдятся надѣвать стихарь, вѣроятно боясь, что не будетъ видно крахмальныхъ манжетъ и запонокъ; а въ салахъ въ алтарѣ всегда прислуживаютъ грязные мужики въ дегтярныхъ сапогахъ и порванныхъ свиткахъ и тулукахъ.

Подъ именемъ возстановленія порядка богослуженія нужно разумѣть слѣдующее: На всенощной предначинательный псаломъ слѣдуетъ пѣть въ большемъ размѣрѣ, пока священникъ покадитъ храмъ и народъ; кадить нужно не одинъ иконостасъ, а весь храмъ, и при томъ трижды; при начаѣ бдѣнія, на поліелеѣ и на 9 пѣснѣ канона стихиры на „Господи возввахъ“, на литії, стиховнѣ и на хвалитѣхъ, въ особенности въ большиѣ праздники нужно пѣть, а не читать; необходимо возстановить литію (по Типикону Литія и благословеніе хлѣбовъ составляютъ необходимую принадлежность всенощного бдѣнія) и благословеніе хлѣбовъ во всѣ праздничные и воскресные дни; не слѣдуетъ сокращать шестопсалмія послѣ полілея, ни пропускать воскресныхъ тропарей: „Ангельскій соборъ удивися“ и проч. Необходимо возстановить въ праздники полное пѣніе промосовъ, а такъ какъ чтеніе тропарей во всѣ праздники почти полагается на 12, то, по крайней мѣрѣ, читать ихъ на 6 въ обоихъ канонахъ; праздничный тропарь, послѣ литія и на „Богъ Господь“ слѣдуетъ пѣть по три раза; не пропускать антифоновъ, на утренѣ и, по крайней мѣрѣ, по одному изъ трехъ; не пропускать съданіе послѣ кафизмъ; въ большиѣ же праздники не пропускать антифонъ: „отъ юности моей“, какъ не пропускать и антифоновъ на литургіи; не пропускать великихъ вечеренъ съ прокимнами, по воскресеньямъ въ великой посты; на великопостныхъ вечерняхъ, утреняхъ, и преждеосвященной литургіи не пропускать стихирь на „Господи возввахъ“, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ; на часахъ въ великой посты: *Помяни насъ Господи... Владыко... Святый... егда приидеши во царствіи Твоемъ!* должно пѣть со сладкопѣніемъ предъ царскими вратами, и сопровождать пѣніе зем-

ными поклонами; полностью прочитывать великий канонъ въ среду вечеромъ, и акафистъ въ пятницу вечеромъ на пятой недѣлѣ великаго поста; „Господи силь съ нами буди“ на по-вечеріяхъ, нужно пѣть полнотію; а тропари послѣ него: „Господи аще не быхомъ святыя Твоя имъли молитвенники“ и проч. нужно пѣть предъ царскими вратами; соблюдать „паденіе ницъ“ при перенесеніи Св. Даровъ на преждеосвя-щенной литургіи, и „поворженіе долу“ на великихъ повече-ріяхъ, при молитвѣ священника „Владыко многомилостиве“, возстановить раздаяніе антидора послѣ литургіи, а не вы-сылать на серебряныхъ дискосахъ по цѣлой просфорѣ при-хожанамъ—тузамъ, у которыхъ онъ лежать непотребленными на полкахъ шкафовъ до тѣхъ поръ, пока не засохнуть и не заплѣснѣютъ; возстановить колѣнопрѣклоненіе на прежде-освященной литургіи, при пѣніи „Да исправится молитва моя“. Начиная же съ Лазарева воскресенія и до пасхи включительнно, не слѣдуетъ даже и дерзать думать о сокра-щеніи, такъ какъ эти дни посвящены исключительно воспо-минанію страшныхъ послѣднихъ событий земной жизни Спа-сителя.

„Се женихъ грядетъ“ и „Чертогъ Твой“, должно пѣть по три раза. На всѣхъ вечерняхъ, и утреняхъ не слѣдуетъ про-пускатъ стихиръ на „Господи воззвахъ“, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ; прочитывать полнотію евангеліе, и вообще исполнять строго по уставу весь лѣснениій материалъ стра-стныхъ службъ, и въ особенности не сокращать антифоновъ и съданіновъ на страстяхъ; на утрени великой субботы слѣ-дуетъ совершать полнотію образъ погребенія, и возстано-вить благословеніе хлѣбовъ, въ концѣ литургіи.

Пасхальное богослуженіе необходимо также возстановить полнотію согласно уставу, по крайней мѣрѣ, въ первые три дня пасхи; если уже такъ трудно пѣть тропари канона на 12, то необходимо пѣть ихъ не менѣе какъ на 4; съ ирмосами по дважды и общей катафасіей на амвонѣ; послѣ катафасіи, тропарь „Христосъ воскресе!“ нужно пѣть, хотя бы одинъ разъ; вечерню въ день Сочествія Св. Духа никакъ не должно сокращать, и въ особенности не опускать стихиръ на стиховнѣ „Нынѣ благодать Св. Духа, на всякую плоть изліяся“ и проч. Эти стихиры поются предъ царскими вратами и посвящены третьему Лицу Пресвятыя Троицы, бого-голосъ церкви.

служеніе въ честь Котораго совершаются „одинъ разъ въ годъ“.

Если же уже такъ необходимо сокращать богослуженіе, то можно сократить ектенію объ оглашеннѣхъ, вмѣстѣ съ повелѣніемъ имъ выйти изъ храма, а на преждеосвященной літургії ектенію „о готовящихся къ просвѣщенію“, которая произносится, начиная со среды 4-й недѣли великаго поста. Если же въ теченіе трехъ первыхъ дней страстной недѣли затруднительно прочитать св. Евангеліе по XIII главу Иоанна включительно, то начинать чтеніе лучше уже съ 6-й недѣли поста, но ни въ какомъ случаѣ не сокращать его, а тѣмъ больше, во время самаго чтенія среди храма, и въ виду молящихся, *не перелистывать листы цѣлыми главами*, какъ это къ сожалѣнію допускается нѣкоторыми священниками.

Если съ мыслію исключенія ектеніи объ оглашеннѣхъ нѣкоторые літургисты не могутъ согласиться, то позволю себѣ сдѣлать слѣдующее возраженіе. Вѣдь въ настоящее время нѣть оглашеннѣхъ и готовящихся къ просвѣщенію, а слѣдовательно некому и повелѣвать выйти изъ храма, если же соблюдать это установлѣніе изъ принципа, то значить не слѣдуетъ допускать въ храмъ ни евреевъ, ни магометанъ, а тѣмъ больше идолопоклонниковъ, а между прочимъ изъ любопытства многіе евреи и магометане приходятъ въ храмъ и простояваютъ всю літургію вѣрныхъ; на конецъ эти лица иногда приходятъ въ церковь по обязанности; напр. офицеры-магометане и врачи-евреи, которые еще удержались въ арміи, и согласно приказанію по гарнизону обязаны быть въ церкви въ Рождество, Пасху, на Крещенскомъ парадѣ и во всѣ царскіе дни и на новый годъ. Скажу больше; когда я былъ прикомандированъ къ Военно-Медицинской академіи съ научною цѣлію, то на первый день Пасхи на утрени, въ Исаакіевскомъ Соборѣ, было не только отведено особое мѣсто для послѣдователей Шакъ-ямуни и буддистовъ (Китайское и Японское посольства), но даже я самъ видѣлъ, какъ этимъ лицамъ администрациєю Собора были выданы свѣчи, съ которыми они простояли всю свѣтлую утреню и літургію; фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ 1874 году 31 Марта, на первый день св. Пасхи.

А отсюда слѣдуетъ, что ектенія объ оглашеннѣхъ, и повелѣніе имъ выйти изъ храма совершенно утратили всякое

практическое значение, и не только теперь, но даже и тогда, когда наши предки-язычники, по повелению Св. Владимира, отправились въ Царь-градъ испытывать вѣру и были допущены греками на всѣ православныя службы.

Намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ будетъ обсуждаться вопросъ о нашемъ богослуженіи на предстоящемъ соборѣ (если онъ состоится), но во всякомъ случаѣ, тотъ уставъ, или же сказать точнѣе, та реформа богослуженія, которая будетъ выработана на соборѣ, или же въ какой нибудь комиссіи изъ духовныхъ лицъ, должна точно исполняться и чтобы у насъ въ церкви все было „благообразно и по чину“, и да не падетъ на православныхъ священнослужителей грозный приговоръ пророка: „*Проклятъ всякъ, творяй дѣло Божие съ небреженіемъ*“.

Къ сказанному необходимо прибавить, чтобы членіе разъ навсегда было перенесено съ клироса на средину храма, и по всей Имперіи было введено однообразное пѣніе на 8 гласовъ.

Таковы практическія, по нашему мнѣнію, мѣры къ исправленію недостатковъ нашего богослуженія, прочими мѣрами могутъ служить слѣдующія: 1) Подробное и точное знаніе устава, какъ священниками, такъ и въ особенности, дьяконами и клиромъ. 2) Возстановленіе во всей строгости церковной дисциплины, которую члены клира, въ особенности псаломщики, совершенно игнорируютъ. 3) Исправленіе домашняго образа жизни, и общественаго поведенія нѣкоторой части духовенства и клира; сюда относятся: карты въ великий постъ, сидѣніе на первой и даже на послѣдней недѣлѣ великаго поста (первые три дня) въ клубахъ за картами вмѣстѣ съ офицерами нѣкоторыхъ полковыхъ священниковъ; преимущественно вдовцовъ; фортельяно въ неположенное время, скрипки, гитары и танцы, папиросы и сигары на улицахъ и на вокзалахъ; нерѣдко даже открытое употребленіе по постамъ мясной пищи, въ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонахъ, на пароходахъ и проч.; очень частыя загородныя гулянья съ барышнями псаломщиковъ (окончившихъ семинарію) въ лѣсъ съ самоварами и гитарами, рыбная ловля и даже охота, то есть пролитіе крови, что возбраняется будущему священнику; наконецъ и самое главное—4) возбужде-

ніє і возстановленіе упавшаго духа церковности въ наше мѣсто духовенствъ и клиръ; такъ напр. теперешніе священники совершенно *стыдяться ходить съ тростями*, составляющими символъ пастырства, а зиму и лѣто ходятъ съ зонтиками, замѣняющими трости; фактъ этотъ нельзя считать маловажнымъ, такъ какъ онъ указываетъ не на противодѣйствіе, а на совершенное подчиненіе духовенства растлѣвающему духу времени; и если мы стыдимся своего званія, то кто знаетъ, можетъ быть, скоро будемъ стыдиться имени христіанина. Недавно я встрѣтилъ въ Кіевскомъ казначействѣ, получая пенсію, одного старика-протоіерея, дивизіоннаго благочиннаго и Георгіевскаго кавалера, который получалъ пенсію вмѣстѣ со мною; онъ пришелъ съ тростію, и когда я высказалъ ему свое глубочайшее уваженіе, то онъ съ грустью отвѣтилъ, что не только никогда не слышалъ такого мнѣнія отъ свѣтскихъ лицъ, но даже духовенство въ громадномъ большинствѣ упрекаетъ его за *консерватизмъ, отсталость, несовременность, нежкультурность и анахронизмъ*, причемъ упреки эти всегда сопровождаются злую ироніею.

Такъ какъ эти мѣры составляютъ результатъ нравственнаго воздействиія, то я, не будучи компетентнымъ, въ данномъ случаѣ только исчисляю эти мѣры, но не осмѣливаюсь рекомендовать способы для приведенія ихъ въ исполненіе; было бы непростительно дерзостію вторгаться въ область мало знакомую мнѣ.

Какъ бы то ни было, но необходимость, *не говоримъ реформы, но упорядоченія нашего богослуженія* настолько созрѣла, что медлить съ разрѣшеніемъ этого вопроса невозможно; въ противномъ случаѣ въ нашей церковно-общественной жизни могутъ появиться крайне нежелательныя явленія и новые секты, съ которыми въ будущемъ такъ или иначе, но придется считаться. Необходимость этого упорядоченія проводится во многихъ духовныхъ журналахъ; для примѣра укажемъ на статьи: „*O Богослужебной реформѣ*“, въ № 8 „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1906 годъ; „*Quaedam pria desideria*“, въ №№ 22 и 23 того же журнала за 1907 годъ.

Далѣе: въ хроникѣ епархіальной жизни въ журналѣ *Странникъ* Іюль—Августъ 1911 года, напечатана замѣтка

довольно пространная, гдѣ прямо сказано, что намъ нужно не упрощать, но упорядочить наше богослуженіе; тамъ можно найти такія строки: „Покойный пастырь о. Иоаннъ Кронштадтскій утверждалъ, что онъ воспитался на нашемъ чудномъ и духовно богатомъ богослуженіи; но такъ какъ все богатое и существенное разнообразіе въ этомъ богослуженіи выбросили, и по лѣности и по небрежности, а оставили только почти одно постоянное, почти однѣ лишь ектеніи, всѣмъ известныя, то вотъ гдѣ разгадка, почему многіе бѣгутъ отъ нашего богослуженія и вполнѣ довольно сектантскими жалкими и бесодержательными, безсвязными, малосмысленными и безграмотными стихами—наборомъ умилительныхъ словъ и восклицаній.—Въ Сентябрьской книжкѣ того же журнала Странникъ за 1911 годъ, въ отдѣлѣ Хроника епархиальной жизни, также есть замѣтка, озаглавленная: „Объ упорядоченіи Богослуженія“. Въ замѣткѣ этой сказано, что въ Георгіевской церкви г. Новгорода состоялось собраніе духовенства трехъ благочинническихъ округовъ, гдѣ выработаны правила для улучшенія отправленія богослуженія; во главѣ этого улучшенія долженъ стоять самъ настоятель, а псаломщики должны ему безпрекословно повиноваться. Дающее на этомъ же съездѣ предсѣдатель собранія преосвященный Андроникъ прямо указалъ необходимость пѣть стихиры на „Господи воззвахъ“, по крайней мѣрѣ 6; на стиховнѣ 2, и псаломскій стихъ между ними, чтобы стиховна оправдывала свое название, потомъ преосвященный настаивалъ на тицательномъ исполненіи канона праздничаго, составляющаго самую важную часть утренняго богослуженія, и настаивалъ, чтобы тропари каноновъ произносились не менѣе какъ на 6; дальше рекомендуется священнику каноны читать самому, на хвалитѣхъ рекомендуется двѣ первыя стихиры пѣть, и двѣ читать. На возраженіе нѣкоторыхъ членовъ собранія, что удлиненіе церковныхъ службъ можетъ не понравиться прихожанамъ, владыка отвѣтилъ, что этого не можетъ случиться, а наоборотъ богомольцамъ несомнѣнно будетъ по душѣ уставность, умилительность, и разнообразная по распѣвамъ подвижность; если и теперь богомольцы не тяготятся простоять долгія праздничныя службы, неустанно растягиваемыя разными неустановными партесами, и неумѣстными совершенно члененіемъ акафистовъ за всенощной, то вполнѣ можно

ожидать, что удлиненіе службы пѣніемъ глубоко содержательныхъ и молитвенныхъ стихиръ и назидательнымъ чте-ніемъ 3—4 лишнихъ тропарей въ канонѣ произведеть на молящихся скорѣе пріятное, нежели тѣгостное впечатлѣніе“. Замѣтка эта перепечатана въ Странникѣ (Сентябрь 1911 годъ) изъ Новгородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Съ этимъ мнѣніемъ глубокоуважаемаго архипастыря невозможно не согласиться; что же касается акаѳистовъ, то въ одномъ большомъ городѣ есть Срѣтенская Церковь, въ которой находится икона Скорбящей Божіей Матери, и вътъ въ Храмовой праздникъ Срѣтенія, вмѣсто каѳизмъ тамъ читали (я былъ одинъ разъ) акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ скорбящимъ радости, но за то величаніе пропѣли одинъ разъ, праздничный тропарь послѣ благословенія хлѣбовъ, и на „Богъ Господъ“ по одному разу, а праздничный канонъ состоялъ только изъ ирмосовъ по одному разу на каждой пѣснѣ, и по одному тропарю, причемъ послѣ ирмоса третьей и шестой пѣснѣ, даже не читался тропарь, а дьяконъ произносилъ малую ектенію; и это въ храмовой праздникъ!— Грустно, чтобы не сказать болѣше.

А если такъ, если сами духовные журналы ожидаютъ не реформы, а упорядоченія нашего богослуженія, то значитъ въ немъ многое безпорядковъ; не будемъ же, подобно іудеямъ, ожидать новаго Мессіи, Который направить духовно-нравственную и церковно-общественную жизнь, и Который уничтожить непорядки богослуженія (говорю о временахъ предшествующихъ явленію Иисуса Христа), а сами постараемся устроить все благообразно и по чину, чтобы не появились у насъ новые штундисты, пашковцы и толстовцы.

Благодареніе Богу, у насъ еще осталась часть интеллигентовъ, проникнутыхъ строгою церковностію, и не подходящихъ подъ оцѣнку, описанную мною выше, и потому смѣю увѣрить духовно просвѣщенаго читателя, что настоящая статья не только мои мысли, но мысли многихъ интеллигентовъ, солидарныхъ со мною, съ которыми долго я совѣтовался при составленіи этой статьи, и потому, заканчивая статью, я отъ лица всѣхъ моихъ единомышленниковъ испрашивала благосклоннаго снисхожденія не къ моему, а къ нашему, хотя и слабому, но общему голосу, и просимъ всѣхъ, кого слѣдуетъ, „взять гласу моленія нашего“, прошу вѣрить,

что все написанное здесь есть результат многолетнего наблюдения и всякого бывшего „старообрядца“ и начетчика, а нынѣ покорного сына Православной Церкви, глубоко убежденного въ истинности ея учения, и ревнующаго о ея благѣ, достоинствѣ, чести и славѣ. Скажу больше, статья эта есть плодъ чувствованій, возбуждаемыхъ во всѣхъ солидарныхъ со мною интеллигентахъ словами псалмопѣвца: „Ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня“ (точнѣе снѣдаетъ всѣхъ насъ).

Докторъ **В. Николаевъ.**



Критический обзоръ мухаммадскаго ученія о пророкахъ*).

Во всѣхъ религіяхъ можно найти въ тѣхъ или другихъ формахъ ученіе объ откровеніи и пророкахъ. Извѣстные всѣмъ сивиллы, мантики, полубоги, будды и т. п..., пользовавшіеся вездѣ и всегда почетомъ и популярностью въ народѣ, въ сущности представляютъ изъ себя ни что иное, какъ прозвѣщниковъ сверхъестественного откровенія. Создавая такой родъ людей, народная религія выражала присущее всѣмъ и каждому стремленіе войти такъ или иначе въ общеніе съ божествомъ. Въ Аравіи этому стремленію обязано возникновеніе сословія такъ называемыхъ „княгиновъ“—прорицателей, которые явились и въ Коранѣ, только подъ другою, болѣе возвышенной формой. Такимъ образомъ, теорія откровенія, принятая Мухаммадомъ, имѣеть свою исходную точку въ древне-арабской религіи, только развитіе ея совершилось подъ вліяніемъ откровенныхъ религій, хотя и въ искаженной ихъ формѣ.

Ученіе о пророкахъ развивалось у Мухаммада постепенно. На первыхъ порахъ Мухаммадъ былъ княгиномъ. Затѣмъ онъ увлекся іудейско-христіанскими возврѣніями на откровеніе и училъ, что пророческое достоинство составляетъ привилегію только потомства Авраама¹⁾. Наконецъ, мало-по-малу отрѣшился и отъ этихъ возврѣній, такъ какъ увидѣлъ въ нихъ препятствіе для утвержденія своего пророческаго достоинства, и началъ проповѣждывать, что единственнымъ условіемъ для пророка служить исламъ²⁾, что пророки яв-

^{*}) Окончаніе.—См. „Гол. Ц.“ м. Ноябрь.

¹⁾ Коранъ XXIX, 26; XLV, 15.

²⁾ Коранъ XXI, 92.

лялись между всѣми народами изъ среды ихъ самихъ¹⁾ и говорили съ ними на ихъ родномъ языке²⁾.

При такомъ широкомъ взглѣдѣ на пророчество въ Коранѣ, должно было значительно увеличиться и число пророковъ. Но познанія Мухаммѣда были слишкомъ ограниченны и память слишкомъ слаба, такъ что онъ могъ насчитать всѣхъ пророковъ только двадцать восемь, включивъ сюда не только патріарховъ и царей еврейскихъ, но и нѣкоторыхъ лицъ, совсѣмъ не имѣющихъ отношенія къ библейской исторіи и даже совершенно неизвѣстныхъ ни по какимъ документамъ. Всѣ они безразлично называются то посланниками Бога, то пророками.

Мухаммѣдъ достаточно не знать исторіи ни одного пророка, а потому, говоря о разныхъ пророкахъ, онъ всѣхъ ихъ подводить подъ одну мѣрку, дѣйствія и слова ихъ передаетъ почти въ однихъ и тѣхъ же чертахъ, дѣлая ихъ по большей части выразителями своихъ собственныхъ воззрѣній и влагая въ ихъ уста свои собственные, по большей части одни и тѣ же выраженія. Ученій и пророчествъ, какія содержатся въ писаніяхъ св. пророковъ іудейскихъ, Коранъ совершенно не знаетъ.

Въ самомъ понятіи о пророкахъ, какъ о сверхъестественныхъ, вдохновенныхъ истолкователяхъ воли Божіей людямъ, вслѣдствіе особаго на то повелѣнія Божія, мухаммѣданство не отличается отъ христіанства, у котораго Мухаммѣдъ заимствовалъ это понятіе, но что касается другихъ чертъ ученія о пророкахъ, то оно значительно разнится отъ христіанскаго богооткровенного ученія и тѣмъ ясно свидѣтельствуетъ о своей несостоятельности.

Прежде всего мухаммѣданство отлично отъ христіанства учить обѣ источникѣ вдохновенія пророковъ. Вѣруя въ Бога тріединаго, христіанство исповѣдуетъ, что пророки были вдохновляемы Духомъ Святымъ, третьимъ лицомъ Пресвятой Троицы³⁾. Мухаммѣданство, не признавая троичности лицъ въ Богѣ, учить, что Богъ вдохновляетъ пророковъ

1) Коранъ X, 48; VII, 33.

2) Коранъ XIV, 4; XIII, 38.

3) I. Корино.—XII, 10—11; Іоія II, 28; Дѣян. II, 14—21; Ср. VII членъ Символа Вѣры.

при посредствѣ ангела Гавріила, въ представленіи о кото-
ромъ еще самъ Мухаммѣдъ смышилъ два христіанскія по-
нятія: понятіе о Св. Духѣ, третьемъ лицѣ Пресв. Троицы,
глаголавшемъ чрезъ пророковъ, и понятіе объ Архангелѣ
Гавріилѣ, посылаемомъ иногда Богомъ для возвѣщенія лю-
дямъ воли Божіей. Мухаммѣдъ слышалъ отъ людей, знаю-
щихъ писанія, отъ евреевъ, говорившихъ съ Мухаммѣдомъ
о Богѣ словами закона и пророковъ и Евангелія,—слова о
духѣ и не понималъ смысла ихъ¹⁾, христіанамъ же смысль
ихъ вполнѣ извѣстенъ²⁾. Въ словахъ Корана, что духъ свя-
той сообщалъ Мухаммѣду откровеніе Божіе, ясно чувствуется,
что Мухаммѣдъ хотѣлъ говорить о себѣ словами, какими
указывали на источники своего ученія апостолы и пророки³⁾.
Въ словахъ Корана, что ученіе его низведено на сердце
Мухаммѣда ангеломъ Гавріиломъ, легко усматривается при-
способленіе Мухаммѣда къ словамъ писанія, где говорится,
что нѣкоторымъ пророкамъ и богоизбраннымъ лицамъ пере-
давалъ откровеніе Божіе ангелъ Гавріилъ⁴⁾. Такимъ обра-
зомъ, мухаммѣданство существенно отличается отъ христіан-
ства, когда утверждается, что единственнымъ посредникомъ
между Богомъ и пророками былъ ангелъ Гавріилъ, который
предпочтительнѣе предъ другими ангелами являлся разныемъ
пророкамъ. Изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго Завѣта
мы знаемъ, что пророки, вдохновляемые всегда Духомъ Божіимъ, не всегда были вдохновляемы посредствомъ ангеловъ и не всегда именно при посредствѣ ангела Гавріила. Такъ, христіане знаютъ, что пророки получали вдохновеніе
во снѣ или въ видѣніи⁵⁾, посредствомъ символовъ⁶⁾, по-
средствомъ голоса Божія⁷⁾ и вообще многоразлично⁸⁾, смотря
по тому, какой способъ вдохновенія былъ болѣе сообразенъ
съ обстоятельствами, окружавшими пророка. Поэтому нельзя
согласиться съ мухаммѣданскимъ ученіемъ, утверждающимъ,

¹⁾ I. Корин. 11, 14.

²⁾ I. Корин. 11, 12.

³⁾ 2 Петр. I, 21; Ефес. III, 5; Псал. L, 13; Иезек. XI, 24; XXXVII, 1.

⁴⁾ Дан. IX, 21, 22; VIII, 15—19; Лук. I, II, 19, 23, 26.

⁵⁾ Книга Чиселъ XII, 6.

⁶⁾ Даніилъ VII, 16; Иезек. XI, II; Исаіи VI, 6; Быт. III, 2 и мн. др.

⁷⁾ Быт. III—IV; Числь XII, 8.

⁸⁾ Евр. I, 1.

что только ангель Гавріиль былъ посыаемъ Богомъ къ пророкамъ съ откровеніемъ имъ божественныхъ велѣній. Какъ посланикъ, исполнитель воли Божіей, Гавріиль ничѣмъ не отличается отъ другихъ ангеловъ и, следовательно, всегда могъ быть замѣненъ другимъ ангеломъ. Предпочтеніе, оказываемое мухаммеданами Гавріилу сравнительно съ другими ангелами, только и можетъ быть объяснено указаннымъ смышеніемъ въ головѣ Мухаммеда двухъ понятій—о Духѣ Святомъ и собственно ангель Гавріилъ, что, очевидно, не можетъ служить доказательствомъ превосходства мухаммеданскаго ученія предъ христіанскимъ.

Далѣе, понятіе о Богѣ—виновникѣ откровенія и пророкахъ—избранникахъ Божіихъ, необходимо требуетъ предполагать, что въ откровеніяхъ своихъ пророкамъ Богъ сообщаетъ только истину, и что эта истина должна быть передана достойнымъ Бога языкомъ, исключающимъ всякую умышленную ложь и обманъ, прикрываемые двусмысленными выраженіями. Такъ, мы дѣйствительно, и находимъ въ христіанствѣ, что истинные пророки Божіи говорили только истину и всегда ясно, безъ всякихъ двусмысленныхъ выраженій. Не то мы замѣчаемъ въ мухаммеданствѣ, которое извратило извѣстную намъ изъ Библіи истинную исторію пророковъ и заставило ихъ лгать, говорить загадочно, какъ напр., это видно изъ разсказа о пророкѣ Іовѣ, и прямо умышленно обманывать, какъ это можно приписано Ап. Павлу и какъ на самомъ дѣлѣ поступалъ Мухаммѣдъ. Читавшему Коранъ извѣстно, какъ двусмысленно отвѣчалъ Мухаммѣдъ на предлагаемые ему вопросы, когда не зналъ хорошенъко, что нужно было отвѣтить ему. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно говорилъ: „Богъ лучше знаетъ“,—отвѣтъ въ устахъ пророка совершенно неумѣстный ¹⁾.

Кромѣ того, изъ Библіи мы знаемъ, что все истинные пророки Божіи отличались высокимъ нравственнымъ характеромъ, выражавшимся въ совершенномъ ихъ самоотверженіи и безкорыстіи, пламенійшей ревности о славѣ Божіей и счастіи близкихъ какъ временномъ, такъ и вѣчномъ. Во время своей пророческой дѣятельности пророки какъ бы совершили забывали о самихъ себѣ и особенно прослави-

¹⁾ Коранъ XVIII, 21—25 и др.

лись своимъ безкорыстіемъ. Никогда лживое слово не выходило изъ усть пророковъ; никогда не дѣлали они ничего въ угоду своимъ слушателямъ, если это не согласовалось съ ихъ проповѣдью. Истинные пророки Божіи [не боялись никакихъ угрозъ и преслѣдованій со стороны невѣровавшихъ ихъ проповѣди и только силою своего убѣжденія, при содѣйствіи Божіемъ, достигали своей цѣли, не прибѣгая къ насилиямъ.

Сколько мало Мухаммель соотвѣтствовалъ въ своей жизни и дѣйствіяхъ высокому пророческому служенію, показываетъ его характеръ, нечистый и мрачный, обнаруживающій рѣзкія черты самыхъ позорныхъ страстей и самыхъ низкихъ пороковъ,—словомъ,—характеръ вовсе не пророческій. Мухаммель въ посланичествѣ своемъ, которое выдавалъ за истинно-божественное, имѣлъ цѣллю не славу Божію, а самого себя. Такъ, за проповѣданіе своего Корана онъ именемъ Божіимъ требовалъ любви къ себѣ отъ своихъ соотечественниковъ, любилъ величать себя пророкомъ, апостоломъ Божіимъ и всѣми средствами добивался громкой славы...

Мухаммель показывалъ сильную страсть къ преобладанію и корысти. „Они спросятъ тебя о добычѣ; скажи: добыча въ распоряженіи Бога и Его посланника“¹⁾. Въ званіи же пророка Мухаммель построилъ домъ себѣ въ Мединѣ. И вообще—все опѣ обращалъ въ свою пользу и свои частныя выгоды подкрѣплялъ печатю неба: „вы перестали внимать гласу пророковъ, Богъ накажетъ васъ за ваше неповиновеніе“,—говорилъ онъ своимъ не всегда покорливымъ слушателямъ.

Мухаммель обнаруживалъ рѣзкія черты фанатизма и безчеловѣчія. Онъ не жалѣлъ опустошать города и веши и нещадно, безжалостно проливалъ кровь человѣческую. По покореніи Мухаммедомъ Мекки силою оружія, а болѣе голodomъ и коварствомъ, всѣдѣ корейнитовъ—Абу-Софіанъ, впослѣдствіи тестъ пророка, разъ пришелъ къ нему и сказалъ: „заклинаю тебя Богомъ и родствомъ между нами, скажи мнѣ, ужели дѣйствительно думаешь, что ты милость, ииспосланная намъ отъ Господа? Ибо ты отцовъ нашихъ погубилъ

¹⁾ Коранъ VIII, 1.

мечомъ, а дѣтей поморилъ голодомъ". Жестокость и кровожадность были врождены Мухаммеду, и онъ нисколько почти не старался умѣрять ихъ. Сдѣлавшись чрезъ происки и хитрости предводителемъ толпы суевѣрныхъ фанатиковъ, Мухаммѣдъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ оружія, и послѣднія десять лѣтъ его жизни были, можно сказать, одною безпрерывною кровавою бранью. Даже среди жестокихъ мученій, которымъ подвергался предъ своею смертію, онъ мечтакъ только о войнѣ. Какъ Мухаммѣдъ самъ любилъ войну, такъ заповѣдалъ и своимъ послѣдователямъ непримиримую вражду противъ всѣхъ невѣрныхъ, внушая имъ страсть къ ужасамъ опустошенія, кровопролитія и насилия въ самыхъ сильныхъ и энергическихъ стихахъ. Кровавымъ пятномъ на Мухаммѣдѣ лежать его предписанія относительно священной войны и истребленія идолопоклонниковъ. Этого пятна ничѣмъ нельзя смыть съ его памяти.

Мухаммѣдъ преданъ былъ особенно грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ и не заботился объ ограниченіи своихъ страстей. По словахъ даже своихъ историковъ-панегиристовъ, онъ имѣлъ сильное пристрастіе къ женскому полу — свойство, совершенно недостойное духовнаго законодателя. И до такой степени все болѣе и болѣе разгоралась чувственность Мухаммѣда, что онъ для удовлетворенія своего сладострастія не упускалъ ни малѣйшаго случая въ своихъ походахъ и на богоомольяхъ вступать въ новыя супружества, нерѣдко родственныя и противозаконныя. Въ то время, какъ Мухаммѣду было 50 лѣтъ, онъ имѣлъ единовременно девять женъ, изъ коихъ нѣкоторыя были даже близкія его родственницы. Но что особенно нечестиво,—это то, что Мухаммѣдъ, въ оправданіе беззаконнаго своего многоженства, кровосмѣсительныхъ браковъ и любострасной жизни, неоднократно объявлялъ своимъ послѣдователямъ, будто бы онъ на все это имѣеть повелѣніе отъ самого Бога, — и на этомъ основаніи Мухаммѣдъ разрѣшалъ себѣ въ качествѣ пророка болѣе, чѣмъ другимъ¹⁾. Не грѣшно ли такимъ образомъ играть вдохновеніемъ для своихъ плотскихъ наслажденій?

1) Мусульманскіе ученые не только не стыдятся такимъ поведеніемъ своего пророка, но, напротивъ, утверждаютъ, что пророчество столь трудная задача, что Богъ всегда вознаграждаетъ пророка въ любовныхъ на-

Мухаммедъ и самъ чувствовалъ свои недостатки и видѣлъ многіе свои пороки. Потому то во всемъ обнаруживалъ чрезмѣрную заботливость о предохраненіи себя отъ порицаній, которая онъ, по собственному внутреннему сознанію, заслуживалъ за многіе соблазнительные поступки свои.

Все это несомнѣнно показываетъ низкую въ нравственномъ отношеніи личность Мухаммеда и срываетъ съ него личину пророка, которую онъ такъ недостойно дерзнулъ облечь себя¹⁾.

Затѣмъ, въ доказательство своего божественнаго посланничества, истинные пророки Божіи творили чудеса²⁾, которые, какъ по предмету своему, такъ и по цѣли, всегда были вполнѣ достойны Бога и которая, по мѣсту, времени и самому способу своего совершенія, вполнѣ отвѣчали понятію о сверхъестественномъ дѣйствіи Божіемъ, направленномъ ко спасенію людей. Чудеса Моисея, Иисуса Навина, Иліи, Елисея, Исаіи и др. пророковъ были признаны сверхъестественными дѣйствіями божественнаго всемогущества не только израильскимъ народомъ, на пользу котораго чудеса эти были совершены, но и чужеземными народами, и такимъ образомъ служили неопровергимыми доказательствами божественности вѣры христіанской. Особенного вниманія заслуживаютъ чудеса Иисуса Христа, о Которомъ и Коранъ говоритъ, что Онъ былъ посланъ къ людямъ съ разными знаменіями³⁾, и о чудесахъ Котораго существуетъ много разсказовъ въ мухаммаданскихъ книгахъ. Что же сдѣлало мухаммаданство съ этою чертою христіанского ученія о пророкахъ? Сообразно отличительному характеру своей фантазіи, стремящейся все представлять въ чудовищныхъ размѣрахъ, все возводить къ неестественному и подъ вліяніемъ разныхъ чисто человѣче-

слажденіяхъ, что излишество въ любовныхъ наслажденіяхъ составляетъ такимъ образомъ преимущество пророковъ; при этомъ, безъ всякаго стыда, они добавляютъ, что хотя у Мухаммеда и не было такъ много женъ, какъ, напр., у Соломона, но что пророкъ ихъ не былъ ниже этого царя (М. Машанова— „Мухаммаданскій бракъ,—Казань, 1876 г. прилож. стр. 6—38).

1) П. Раева— „Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммаданства“,—стр. 195—197.

2) Коранъ LVII, 25.

3) Коранъ XXI, 91; XXII, 52.

скаго происхожденія источниковъ,—мухаммеданство, съ одной стороны, измыслило много небывалыхъ чудесъ и приписало ихъ пророкамъ, а съ другой—совершенно извратило библейскіе разсказы о чудесахъ древнихъ пророковъ Божіихъ. Вслѣдствіе этого разсказываемыя мухаммеданами чудеса пророковъ являются недостойными божественного всемогущества и премудрости и иногда совершенно несогласны съ здравымъ смысломъ. Мухаммеданство какъ бы совершенно умышленно представило пророковъ не чудотворцами, а чародѣями, такъ какъ постоянно заставляетъ невѣрующихъ называть пророковъ волшебниками. Вращаясь въ кругу восточныхъ чувственныхъ представлений объ отношеніяхъ Бога и ангеловъ къ людямъ, мухаммеданство и ангела Гавріла заставляетъ поступать не по аѣнельски. Являясь постоянно къ пророкамъ, Гаврііль готовъ всегда исполнить всѣ малѣйшія желанія пророковъ: умерщвляетъ людей, перевертываетъ землю дномъ вверхъ и при этомъ не даетъ ни одному ребенку выпасть изъ ляльки и ни одной каплѣ воды выплыть изъ ея вмѣстилищъ, єздить верхомъ на кобылицѣ, возить Измаила (когда онъ строилъ Каабу) на камнѣ, даетъ безнравственные совѣты, какъ напр., Саррѣ относительно обрѣзанія Агари и Іову относительно желанія родственника его имѣть сына и пр. Вообще, мухаммеданскіе разсказы о чудесахъ пророковъ скорѣе можно считать сказками, способными развлекать неразвитыхъ людей, дѣтей религіі, чѣмъ—священными разсказами, доказывающими божественное посланничество пророковъ. Мухаммеданская фантазія не озабочилась сладить неестественный тонъ своихъ разсказовъ о мнимыхъ чудесахъ Іисуса Христа и, считая его величайшимъ чудотворцемъ, приписала и Мухаммеду, какъ бы въ противовѣсь основателю христіанства, безчисленное множество чудесъ. Стремленіе мухаммеданскихъ ученыхъ приписать Мухаммеду какъ можно болѣе чудесъ очень понятно, и въ данномъ случаѣ они поступили совершенно логично, такъ какъ величайшій пророкъ, естественно, долженъ явить міру и чудесъ болѣе другихъ пророковъ. Но только чудеса, разсказываемыя мусульманскими писателями о своемъ пророкѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго правдоподобія; они лишены всякаго историческаго значенія и собственною своею нелѣпостію совершенно опровергаютъ себя.

Прежде всего, при разсмотрѣніи подлинности приписываемыхъ Мухаммеду чудесъ, поражаетъ насъ ничѣмъ не примиримое противорѣчіе между собственными словами Мухаммеда и тѣмъ, что ему навязываютъ изъ слѣпой ревности его поѣлонники. Мухаммѣдъ никогда не ссылался на чудеса при опроверженіи своихъ противниковъ и, какъ известно, нѣсколько разъ прямо говорилъ, что онъ не имѣеть дара чудесъ, что онъ не посланъ со властію чудотворца¹⁾). Какъ же, спрашивается, вопреки собственному отреченію Мухаммеда отъ чудесъ, послѣдователи его приписываютъ ему неисчислимое множество ихъ? Противъ этого послѣдніе говорять, что они лучше его знаютъ, сколько онъ совершилъ чудесъ.

Онъ будто такъ окруженъ былъ чудесами и такъ присмотрѣлся къ нимъ, что какъ бы не замѣчалъ ихъ. Но—очевидно, такое объясненіе странно и нелѣпо до крайности. Далѣе, разсмотривая исторически чудеса, приписываемыя мусульманскими историками Мухаммеду, мы видимъ, что они никѣмъ изъ современниковъ не были видимы, никѣмъ не засвидѣтельствованы и объявлены въ свѣтъ спустя цѣлѣя столѣтія послѣ смерти мнимаго ихъ виновника. Изъ этого, по справедливости, заключаемъ, что они составляютъ уже позднѣйшій вымыселъ. Что же касается внутренняго достоинства этихъ чудесъ, то и въ этомъ отношеніи они не имѣютъ характера истинныхъ чудесъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены на-ряду съ послѣднimi. Чудеса мухаммѣданства не имѣютъ, прежде всего, надлежащихъ качествъ истинныхъ чудесъ: каждое чудо, какъ непосредственное дѣйствіе силы Божией, должно быть всегда достойно Бога; какъ же послѣ этого можно признать за истинныя чудеса пелѣпые и смѣшные разсказы арабскихъ писателей, напр., о прохожденіи раздѣленной луны чрезъ рукава Мухаммѣдова кафтана, объ истеченіи воды изъ промежутковъ пальцевъ Мухаммеда и т. п. Чудеса мухаммѣданства не имѣютъ, далѣе, и цѣли истинныхъ, божественныхъ чудесъ. Цѣль послѣднихъ, какъ дѣйствій особенныхъ, сверхъестественныхъ, должна быть также какая либо особенная, благая, которая бы содѣйствовала роду человѣческому и частнымъ

¹⁾ Коранъ XXIX, 49 и др.

людямъ въ высокомъ дѣлѣ вѣры и нравственности. Чудеса же, должно приписываемыя мухаммеданской вѣрѣ ея исповѣдниками, вовсе чужды этой цѣли. И вообще обѣ этихъ чудесахъ должно скѣзать, что они не могутъ выдержать и одного какого либо признака истинныхъ чудесъ, а это достаточно показываетъ ихъ ложность и мнимо-божественность¹).

Другимъ несомнѣннымъ признакомъ божественного посланничества истинныхъ пророковъ Божіихъ служили ихъ пророчества, т.-е. предсказанія о будущихъ событияхъ, возможность происхожденія которыхъ доступна только уму божественному, а не ограниченному человѣческому разуму. По различію времени и окружавшихъ пророковъ разныхъ обстоятельствъ, пророчества ихъ касались разныхъ предметовъ. Прежде всего, всѣ пророки имѣли въ виду ученіе вѣры и нравственности и будущую судьбу этого ученія въ родѣ человѣческомъ. Пророки изъясняли людямъ данный Богомъ законъ и предсказывали людямъ утѣшенія за исполненіе закона и наказаніе за нарушеніе его. Часто пророки касались судьбы израильского народа, а также судьбы окружавшихъ его язычниковъ. Самымъ же главнымъ предметомъ предсказаний іудейскихъ пророковъ было лицо Мессіи, Господа нашего Іисуса Христа. И новозавѣтный пророкъ, запечатлѣвши на себѣ предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ, доказалъ истину своего пророческаго служенія многими предсказаніями о себѣ самомъ, о судьбѣ своихъ учениковъ и своего ученія, о судьбѣ іудеевъ и Іерусалима и о кончинѣ міра. Между тѣмъ въ разсказахъ мухаммеданъ о пророкахъ мы не находимъ многихъ пророчествъ о судьбѣ израильского народа и совершенно не видимъ пророчествъ о судьбѣ прочихъ народовъ. Подобный пропускъ составляетъ очень существенный недостатокъ въ представляемой мухаммеданствомъ исторіи божественного откровенія, но тѣмъ не менѣе не въ этомъ самое существенное отличіе мухаммеданства отъ христіанства. Существенное отличіе ученія ислама отъ христіанского ученія о Божественномъ откровеніи со-

1) П. Раева.—„Признаки истинности христіанства и лживости мухаммеданства“,—стр. 204—206.

стоить въ томъ, что главнымъ предметомъ всѣхъ пророчествъ исламъ считаетъ Мухаммеда, а не Иисуса Христа, какъ учить христіанство. Читавшему Коранъ извѣстно, что въ немъ постоянно укоряются іудеи и христіане въ поврежденіи своихъ священныхъ книгъ, которое состояло будто бы въ уничтоженіи находившихся тамъ пророчествъ о Мухаммедѣ, какъ поясняютъ толковники Корана ¹⁾. Въ Коранѣ также говорится прямо, что Мухаммедъ былъ предсказанъ въ священныхъ книгахъ іудеевъ и христіанъ ²⁾ и даже—самимъ Иисусомъ Христомъ ³⁾. По словамъ арабскаго писателя Ахмета Эфендія, рожденіе Мухаммеда и его посланничество въ мірѣ предвозвѣщено самыми явственными чертами во всѣхъ книгахъ небесныхъ, и въ Библіи, и въ Евангеліи. Такъ въ книгѣ Монсеевої читаемъ слова Господни къ Аврааму: „О Измаилъ же се послушахъ тебѣ: и се благословихъ его, и возврашу его, и умножу его зѣло: дванадесять языки родинъ: и дамъ его въ языкъ велій ⁴⁾. Но ясно, что въ этомъ пророчествѣ нѣть и намека на рожденіе и посланничество, величіе и славу арабскаго пророка. Тотъ же писатель еще приводить слѣдующее мѣсто изъ писанія, какъ пророчество будто о данномъ чрезъ Мухаммеда законѣ: „И рече (Монсей); Господь отъ Синаи прииде, и явися отъ Сирия намъ, и приспѣ отъ горы Фарани“ и проч. ⁵⁾. По понятію Ахмеда Эфендія, здѣсь указывается на Библію, врученную Моисею на горѣ Синайской, на Евангеліе, данное на горѣ Сирийской, и Коранъ, ниспосланный при горѣ Фаранской, что близъ Мекки. Но въ приведенныхъ словахъ говорится совершенно не о томъ, что предполагаетъ арабскій историкъ,—говорится не о будущемъ обнародованіи новой вѣры, а, напротивъ, перечисляются события прошедшаго времени, именно: Моисей, желая привести на память израильтянамъ чудный Промыслъ Божій, которымъ они были водимы и хранимы по выходѣ изъ Египта, въ особенности упоминаетъ о трехъ славныхъ явленіяхъ Божіихъ—на горѣ

¹⁾ Коранъ II, 73. 83—84. 103; W 48; V, 18; IX, 30—33.

²⁾ Коранъ VII, 156; XLVI, 9.

³⁾ Коранъ LXI, 6.

⁴⁾ Быт. XVII, 20.

⁵⁾ Второзак. XXXIII, 2.

Синаѣ, въ гористой странѣ Сіирѣ и въ пустынѣ Фаранѣ ¹⁾, и вообще должно сказать, что слѣпая ревность арабскихъ ученыхъ, писавшихъ о Мухаммѣдѣ, простирается уже за предѣлы всякой вѣроятности: они относятъ къ нему всѣ пророчества, данныхя Богомъ Аврааму о распространеніи его потомства, также большую часть пророчествъ мессіанскихъ и, наконецъ, все то, что въ Новомъ Завѣтѣ говорится о ниспосланіи Духа Святаго.

Какъ нѣтъ въ священныхъ книгахъ ни одного предсказанія, которое бы точно возвѣщало о Мухаммѣдѣ и его вѣрѣ, такъ равнымъ образомъ и Мухаммѣдъ съ своей стороны не изрекъ ни одного пророчества, которое бы исполнилось въ свое время. Въ Коранѣ Мухаммѣдъ самъ выражается о себѣ, какъ о такомъ посланникеѣ, которому не было дано знать будущаго. Когда не вѣроящіе проповѣди Мухаммѣда возражали противъ божественнаго происхожденія Корана, мнимый пророкъ нашелся сказать только: „Я не говорю вамъ, что у меня сокровища Божіи, ни того, что знаю тайное; не говорю вамъ, что я ангель: я слѣдуя только тому, что дано мнѣ откровеніемъ“ ²⁾. Если же Мухаммѣдъ не зналъ будущаго, то онъ не имѣетъ одного изъ самыхъ существенныхъ свойствъ истиннаго пророка ³⁾.

Христіанская церковь учить, что для спасенія падшаго человѣка пришелъ въ міръ Господь Іисусъ Христосъ, что безъ него самъ человѣкъ своими собственными силами не могъ бы ни возстать отъ своего грѣховнаго состоянія, ни достигнуть спасенія. Между тѣмъ мухаммѣданство, совершенно наоборотъ, утверждаетъ, что человѣкъ самъ можетъ спасаться, что для руководства грѣшныхъ людей достаточно однихъ пророковъ. Но такъ какъ всякий человѣкъ, слѣдовательно и пророкъ, во время своей жизни можетъ такъ или иначе падать на пути своего нравственнаго преуспѣянія и согрѣшать малыми или великими грѣхами, то мухаммѣдане и составили въ своей доктринаѣ теорію о томъ, что пророки безгрѣшны, что они или сами устранились, или самъ Богъ

1) Второзак. 11, 1; Числъ X, 12.

2) Коранъ —VI, 50.

3) Н. Остроумова. — „Критический разборъ мухаммѣданскаго ученія о пророкахъ“,—стр. 196—218.

предохраняя ихъ отъ великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ; если же они и не могли въ своей жизни остеречься отъ какихъ либо маловажныхъ ошибокъ, то Богъ прощаетъ имъ таковыя. Ученіе о безгрѣшности пророковъ составляетъ весьма существенный пунктъ мухаммаданской доктрины, который противопоставляется христіанскому доктрина о гибельности грѣха Адамова для всего человѣческаго рода, вообще, противъ ученія о невозможности спасенія для падшаго человѣка безъ особаго сверхъестественнаго, божественнаго домостроительства обѣ этомъ спасеніи (падшаго человѣка), и мухаммадане упорно держатся этого своего ученія, несмотря на очевидную его несостоятельность.

Прежде всего, самое отсутствіе у мухаммаданъ одинакового пониманія безгрѣшности пророковъ указываетъ хотя и косвеннымъ образомъ, на произвольность и неосновательность этой теоріи. А затѣмъ и беспристрастный разборъ приводимыхъ ими въ ея защиту основаній говоритъ далеко не въ пользу ученія о безгрѣшности пророковъ. Такъ, указываемыя мухаммаданами мѣста изъ Корана ¹⁾, какъ мы видѣли, довольно неопределены и общи. Въ нихъ, съ одной стороны, вовсе не упоминается о пророкахъ, съ другой—нѣть рѣчи о томъ, чтобы Богъ устранилъ ихъ или кого бы то ни было отъ великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ; наконецъ, здѣсь идетъ рѣчь вообще о людяхъ вѣрующихъ, надѣюющихся на Бога, остерегающихъ великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ, и о томъ, что Господь готовъ расширить имъ свое прощеніе. Мало этого. Въ самомъ Коранѣ находится прямое указаніе на то, что нѣкоторые посланники или пророки Божіи поступаютъ несправедливо. Богъ говорить пророку Моисею: „брось на землю жезль твой“²⁾. Когда же онъ увидѣлъ, что онъ извивается, какъ змѣй, то отбѣжалъ назадъ и не оглядывался вспять. „Моисей, не бойся! Посланники при мнѣ ничего не боятся, кромѣ тѣхъ (т.-е. посланниковъ), которые поступаютъ несправедливо“ и пр. ²⁾. Въ Коранѣ же есть свидѣтельство о томъ, что вообще пророки признаютъ себя грѣшными предъ Богомъ и просятъ Бога, чтобы Онъ простилъ имъ грѣхи ихъ, а не просто какія либо неважныя

¹⁾ Коранъ IV, 35; XLII, 34—36; LIII, 33.

²⁾ Коранъ XXVII, 10, 11.

ошибки: „Сколько было пророковъ, съ которыми вступали въ битву тысячи враговъ! но они не изнемогали предъ тѣмъ, что постигло ихъ на пути Божіемъ, не ослабѣвали, не унывали: Богъ любить терпѣливыхъ. У нихъ не было другихъ словъ, кромѣ сихъ словъ: „Господи нашъ! прости намъ грѣхи наши, уклоненія отъ должного въ дѣлѣ служенія нашего; утверди стопы наши, защити насъ отъ людей нечестивыхъ“ ¹⁾). Въ Коранѣ даже есть прямое указаніе и на то, что пророки вообще неодинаковы по нравственной своей жизни, что они не безгрѣшны, и одни стоять на низшей степени, другіе держатся средины, а третыи опережаютъ другихъ въ добрыхъ дѣлахъ: „мы дали писаніе въ наслѣдіе тѣмъ изъ рабовъ нашихъ, которыхъ избрали (т.-е. избрали въ пророки) мы: изъ нихъ (т.-е. изъ числа избранныхъ, или пророковъ) есть губящіе себя самихъ, изъ нихъ есть держащіеся средины и есть изъ нихъ опережающіе другихъ въ добрыхъ дѣлахъ, по изволенію Божію; это великая щедрота!“ ²⁾.

Наконецъ, есть еще одно отличіе мухаммеданского ученія о пророкахъ отъ христіанского. Это—происхожденіе пророческихъ писаній. По христіанскому ученію, священные книги, приписываемыя св. мужамъ Божіимъ, суть произведенія Св. Духа, какъ написанныя пророками по Его вдохновенію. Мухаммеданство учитъ, что свящ. книги пророковъ суть выписки изъ какой то небесной скрижали и всѣ имѣютъ поэтому одинаковое содержаніе по своему существу. Самый способъ происхожденія этихъ книгъ мухаммедане представляютъ въ высшей степени своеобразно. Они заставляютъ ангела Гавріила сообщать пророкамъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, тѣ или другіе отрывки изъ небесной книги, изъ которыхъ и составляется со временемъ цѣлая книга, въ родѣ Закона Моисея, Псалмовъ Давида, Евангелія Іисуса и Корана Мухаммеда. Такое представлѣніе отнюдь не оправдывается исторіею. Достаточно указать на самое очевидное противорѣчіе этого представлѣнія дѣйствительности во взглядахъ на происхожденіе Евангелія. Мухаммедане не вѣрятъ даже

¹⁾ Коранъ III, 140—141.

²⁾ Коранъ XXXV, 29. Е. Малова.—„Объ Адамѣ по ученію Библіи и по ученію Корана“, Казань, 1885 г., стр. 233—235.

и тому, что истинное Евангелие написано четырьмя учениками Иисуса и существует поэтому въ четырехъ, согласныхъ между собою спискахъ. Ничѣмъ не оправдываютъ мухаммедане своего ученія о свиткахъ, данныхъ будто бы Адаму, Сиѳу, Еноху и Аврааму. Въ Коранѣ упоминаются только свитки Авраама и Моисея, а о свиткахъ Адама, Сиѳа и Еноха не говорится въ немъ ничего. Какъ мухаммедане объясняютъ причину, почему эти свитки не сохранились до нашего времени?! Мухаммедане могутъ, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ словами Корана, которыми въ затруднительныхъ обстоятельствахъ пользовался обыкновенно Мухаммедъ: „Богъ знаетъ, что лучше“. Но такой отвѣтъ едва ли можетъ удовлетворить вопрошающаго ¹⁾.

К. Меркуровъ.



¹⁾ Н. Остроумова.—„Критический разборъ мухаммед. ученія о пророкахъ“—стр. 231—232.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Плачъ на кончину патріарха Іоакима III*).

Прости, Владыко, сокровище вѣры, источникъ любви, носитель огненной ревности, пастырь вселенной! Ты покинулъ насъ, христіанъ всего міра, какъ великій Моисей предъ вступленіемъ своего народа въ Землю Обѣтованную.

Свѣтлый рай принялъ тебя подъ свои священныя куши раньше, чѣмъ Христовъ крестъ возсіялъ на Софіи, раньше, чѣмъ угасло полузвѣковое раздѣленіе съ православно-вѣрующими болгарами, раньше, чѣмъ осуществилась твоя молитва и твоя проповѣдь о со-званіи вселенскаго собора православныхъ христіанъ.—

1) Свят. патр. Іоакимъ III родился въ 1834 г. въ простой греческой семье одного изъ пригородовъ г. Константинополя. 17-ти лѣтъ онъ принялъ званіе діакона. Затѣмъ находился на службѣ въ Валахіи и въ Вѣнѣ, где слушалъ лекціи въ университетѣ. Скоро онъ получилъ званіе великаго протосинкелла Константинопольской патріархіи. Въ 1864 г. былъ избранъ на митрополичью каеодру въ Варну, черезъ десять лѣтъ перемѣщенъ на митрополію Фессалоникъ, а 4 Октября 1878 г. единогласно былъ избранъ на вселенскій патріаршій престолъ. По вступленіи на престолъ патріархъ Іоакимъ созвалъ церковно-народное собраніе, предъ которымъ изложилъ программу преобразованій въ церковно-общественной жизни: порядокъ избрания архіереевъ, организація священнаго синода, реорганизація еп. управлениія и суда, образованіе особаго двѣнадцатичленнаго народнаго совѣта, упорядоченіе народно-школьнаго дѣла, устройство сѣти духовныхъ школъ, упорядоченіе монастырей и иноческой жизни.

Уже не на дальний Аeonъ и не на 18 лѣтъ уединился ты отъ своей паствы и отъ руководства вселенскою Церковью, но переселился духомъ на небо и пребудешь тамъ до всеобщаго воскресенія.

Не увижу тебя я на землѣ сей, къ чему стремился уже много лѣтъ! Не на комъ будетъ успокоиться взору христіанина, скорбящаго объ ослабленіи современной жизни церковной и о глубокомъ упадкѣ нравовъ. Тебя нѣтъ среди насъ, великий оплотъ православія! Тебя нѣтъ, и сердца вѣрныхъ погружены въ глубокую печаль. Сокрушенный скорбями и болѣзнями 80-лѣтній старецъ, ты не только былъ сильнѣе всѣхъ своимъ апостольскимъ духомъ, но твое слово или посланіе вливало силу въ душу всякаго, къ кому оно обращалось. Сіяніе Божественной славы блистало на твоемъ челѣ; благодатная сила соединена была съ твоимъ словомъ; твоя молитва, длившаяся безпрерывно болѣе половины сутокъ „посредъ церкви“, одушевляла предстоявшую братію и народъ, и сонъ далеко бѣжалъ отъ ихъ очей, когда они видѣли, какъ твои очи постоянно

Патріархъ пользовался громаднымъ уваженіемъ. Чрезъ его руки прошло много золота, которое жертвовали греческие банкиры и купцы; онъ раздавалъ эти деньги благотворительнымъ учрежденіямъ, школамъ, самъ же часто испытывалъ нужду въ удовлетвореніи личныхъ надобностей.

Онъ самоотверженно ограждалъ свободу церкви и внутреннюю независимость народной жизни. Онъ отстоялъ автономію церкви при Абдуль-Гамидѣ, хотя самъ долженъ былъ уйти въ изгнаніе. 30 Марта 1884 года Ioакимъ III былъ отрѣшенъ отъ вселенского престола, но 26 Мая 1901 г. онъ вторично былъ возвведенъ на вселенскій престолъ.

На этотъ разъ онъ озnamеновалъ себя самоотверженной борьбой съ масонской и протестантской пропагандой въ патріархатѣ.

Съ провозглашеніемъ въ Турціи конституціи, положеніе патріарха стало крайне труднымъ, такъ какъ новое правительство оказалось болѣе враждебнымъ греческой Церкви, чѣмъ правительство султана, и не разъ возникалъ вопросъ объ отреченіи патріарха Ioакима, который стойко отражалъ покушенія младотурокъ на права греческой Церкви.

наполняются слезами молитвенного умиления.—Такъ пребывалъ ты учителемъ вселенной и на патріаршемъ престолѣ и въ Аeonской пустынѣ, куда почти чрезъ каждую седьмицу приходилъ ты въ качествѣ пѣшаго богомольца на престольные праздники иноческихъ обителей всѣхъ народностей и былъ всѣми встрѣчаемъ съ одинаковымъ восторгомъ, какъ отецъ, учитель и другъ всѣхъ народовъ.

Будучи отцомъ всѣхъ вѣрныхъ человѣковъ, ты теперь будешь нареченъ сыномъ Божіимъ, какъ великій міротворецъ церквей и племенъ. Твоимъ святительскимъ посредствомъ возвращено было церковное общеніе Antioхійской патріархіи съ прочими церквами Востока; твоимъ авторитетомъ была успокоена распря среди іерусалимской іерархіи, возникшая на племенной враждѣ, а послѣдніе два года твоей праведной жизни ты посвятилъ великому дѣлу примѣренія съ Церковью шестимілліоннаго болгарскаго народа и его епископовъ. Поистинѣ ты былъ для православной вселенной вторымъ Моисеемъ, примиряя церкви и народы между собою и всѣхъ примиряя съ Богомъ.—Впрочемъ Архангелу Михаилу не нужно будетъ спорить съ сатаной о твоей праведной душѣ, какъ онъ спорилъ о тѣлѣ Моисея, ибо Моисей воспрялъ смерть до вступленія въ Обѣтованную Землю за то, что однажды прогнѣвалъ Бога малымъ сомнѣніемъ, а тебя отнялъ Богъ отъ вѣрующей вселенной не за твои, а за наши грѣхи, за то, что будучи тепло-хладны, мы, епископы всѣхъ странъ, слишкомъ вяло отзывались на пророческіе призывы въ твоихъ Окружныхъ Посланіяхъ, вмѣсто того, чтобы радостно спѣшить на твой голосъ. Десять лѣтъ почти прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты призывалъ

церкви къ собранію Вселенскаго Собора, но, увы, мы уподобились недостойнымъ гостямъ, званнымъ на евангельскую вечерю! И вотъ заключился чертогъ твоей благодатной души: она перенеслась отъ насъ въ свѣтлый чертогъ небесный. Она тамъ встрѣтить болѣе присныя ей души праведныхъ. Она узритъ тамъ умиrotворителя церквей Великаго Василія, будетъ бесѣдовать съ изгнанникомъ за правду Аѳанасіемъ Великимъ, утѣшаться слышаніемъ глаголовъ ревности святого Златоуста — „Блаженъ путь, въ онъ же днесь идеши душа, яко уготовася тебѣ място упокоенія“.

Твой путь блаженъ, но печально пребываніе овецъ, оставшихся безъ пастыря, предъ дверьми церковнаго единенія, предъ освобожденіемъ царствующаго града отъ рукъ невѣрныхъ. Кто соберетъ теперь встрѣтившіеся тамъ народы, „яко же кокошъ собираетъ птенцы своя подъ крылъ своя“ (Мтѣ. 23, 37). Кто удалить отъ нихъ распрю о первенствѣ и подобно Спасителю вопросить ихъ: „кто болій: возлежай-ли, или служай? не возлежай-ли? Азъ же посредъ васъ есмъ, яко служай“ (Лук. 22, 27).

Да! осиротѣли православные народы, подошедшіе съ оружіемъ въ рукахъ и съ приговоромъ смерти за вѣру къ столицѣ султановъ! Осиротѣла тѣмъ паче великая народность эллиновъ, которую ты удерживалъ отъ обращенія ея сердца къ древне-языческимъ предкамъ и возносилъ ихъ духъ, ихъ чувство и память къ ихъ отцамъ по вѣрѣ, къ великимъ строителямъ Церкви, къ святымъ апостоламъ и богоноснымъ отцамъ. Осиrotѣло и одно древне-русское племя, двѣсти лѣтъ тому назадъ вовлеченнное насилиемъ и обманомъ во власть латинской ереси, но въ послѣдніе годы пытающееся

сорвать съ себя ея погибельныя оковы и сдѣлаться твою богоспасаемою паствою. Ихъ іереи съ греческими антиминсами томятся тамъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, а бѣдный народъ простираеть къ священному Востоку свои умоляющія руки, прося православнаго причащенія, православнаго крещенія дѣтімъ и православнаго по-гребенія умершимъ, въ чёмъ имъ отказываютъ мірскія власти, злые мучители, носящіе личину гражданской свободы.

Вотъ сколькихъ сиротъ по разнымъ странамъ міра оставляешь ты, „всемірный отче“, какъ именовала Церковь нѣкоторыхъ святыхъ.—Плачьте же, христіане всего міра! Вы лишились пастыря, который одинъ, изъ немногихъ, носилъ въ душѣ своей тотъ залогъ животворящей силы, коимъ должны бы обладать всѣ: онъ, одинъ изъ немногихъ, болѣе всего во всемъ мірѣ любилъ Христову Церковь, любилъ общее спасеніе; для него трудился, для него жилъ, для него подвигался въ постѣ и молитвѣ, для него терпѣлъ изгнанія, за него терпѣлъ оскорблениія, для него переносилъ „бѣды отъ единоплеменниковъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды на мори, бѣды отъ лжебратіи“ (2 Кор. 11, 26).

Не достало бы намъ словъ, если бы мы пожелали припомнить всѣ черты духа усопшаго святителя, уподоблявшія его святымъ апостоламъ и древнимъ великимъ отцамъ. Іоакимъ Третій не былъ человѣкомъ двадцатаго вѣка: ни эпоха, ни мѣсто рожденія не опредѣлили собою его духовнаго облика. Такіе люди, такіе служители Христа, стоять выше и вѣнѣ исторіи и народности: еще на землѣ принадлежатъ они вѣчности, еще во плоти они граждане и отцы вселенной. Во

времена древнія такихъ святителей и монаховъ бывало не мало. Блаженно и наше время, что оно имѣло хотя одного такого избранника. Блаженны очи тѣхъ, которые видѣли его, блаженны уши тѣхъ, которые его слышали!

Соединимъ же, христіане, нашу скорбь съ нашимъ благодареніемъ Богу! Утремъ наши слезы цвѣтами благодарственаго прославленія вѣрнаго Божія раба! Вознесемъ молитвы, чтобы Господь открылъ его душѣ безпреткновенный путь къ Своему престолу, дабы и онъ повергъ предъ Нимъ свое ходатайство о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей!

А мы здѣсь, оставшіеся на землѣ предводители церковнаго воинства, оплакавъ потерю патріарха Іоакима Третьяго, скажемъ себѣ и Богу то, что сказали іудеи, потерявъ третьяго полководца Маккавея-Іонаѳана: „*теперь нѣть у насъ начальника и поборника; итакъ, будемъ теперь воевать противъ нихъ (бездожниковъ) и истребимъ изъ среды людей память ихъ*“ (І Макк. 12, 53). Такъ и мы: станемъ за святую Церковь Христову, за вселенское единеніе, за чистоту нравовъ, за охраненіе священныхъ каноновъ, на борьбу съ невѣріемъ, съ ересями, съ язычествомъ, древнимъ и новымъ! Станемъ за великие завѣты Іоакима Третьяго, во славу Божію и за упокой его праведной души.

Антоній. архієпископъ Волинской.



Митрополитъ Платонъ.

(1812—1912).

Въ 1737 г. 29 Июня, въ селѣ Чашниковѣ (въ 40 в. отъ Москвы) у бѣднаго причетника, Егора Данилова, родился сынъ, названный Петромъ; этому то младенцу, рожденному въ убожествѣ, въ нищетѣ, выпала доля быть великимъ іерархомъ. „Ни знатность мѣста, ни знатность происхожденія не предвѣщали славы и величія Петру“...

Причетникъ Егоръ Даниловъ¹⁾, и его жена, Татьяна Ивановна²⁾, люди честные, богообоязненные, очень были обрадованы рожденіемъ Петра.

Какъ только минуло мальчику Петру пять лѣтъ, отецъ сталъ учить его грамотѣ: по азбукѣ, часослову и по псалтири. И восьми лѣтъ Петя не только читалъ въ церкви часы, но и помогалъ отцу пѣть на клиросѣ; голосъ у него былъ хороший, звонкій; онъ зналъ напузу пѣніе Божественной Литургіи и другихъ церковныхъ службъ. Нравомъ отрокъ былъ кротокъ, тихъ, ко всѣмъ услужливъ, за что его любили не только родные и близкіе, но и посторонніе.

Когда минуло Петру десять лѣтъ, отецъ, въ то время уже священникъ въ селѣ Липицахъ³⁾, отвезъ его въ Москву учиться, вмѣстѣ съ другимъ своимъ сыномъ, Александромъ⁴⁾, въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, помѣщавшуюся въ Знаменскомъ монастырѣ. Долго и настойчиво пришлось хлопотать незамѣтному сельскому священнику, чтобы, въ концѣ концовъ, приняли его сыновей въ Академію.

¹⁾ Отецъ святителя Платона скончался будучи священникомъ при церкви Спаса во Спасской, гдѣ и похороненъ, а ²⁾ мать его умерла въ 1771 г. отъ свирѣпствовавшей въ то время язвы и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

³⁾ Коломенской епархіи.

⁴⁾ Впослѣдствіи протопопъ Успенского собора въ Москвѣ, скончался въ 1798 г.

Во время своего образованія въ Академіи Петръ и Александръ стали носить фамилію Левшиныхъ. Нечего и говорить, что отецъ не могъ присылатъ имъ достаточныхъ средствъ и братья Левшины сильно голодали... Въ лѣтнєе и весеннее время Петръ ходилъ въ Академію босой, неся обувь въ рукахъ, чтобы не истаптывать ея и обувался лишь при самомъ входѣ въ Академію. Будучи отъ природы надѣленъ блестящей способностью Петръ Левшинъ въ двѣ недѣли близко узналъ латинскій языкъ, также удивительно быстро подвинулся онъ и въ другихъ наукахъ... Но бѣдность и тутъ давала себя знать: часто ему не на что было купить даже учебника, и приходилось чуть не со слезами выпрашивывать книгу у товарищѣй.

Постановка дѣла въ Академіи, какъ и способы преподаванія въ то время были самыми примитивными и всю тяжесть наукъ больше приходилось выносить на своихъ плечахъ самимъ ученикамъ, безъ помощи преподавателей.

Сообщимъ еще трогательный примѣръ, характеризующій неудержимое стремленіе Петра Левшина къ свѣту. Такъ ему нужна была греческая грамматика, а купить ее не на что. И вотъ онъ, выпросивъ грамматику на время у товарища, безъ разгибу сидѣть нѣсколько дней и ночей, пока не переписалъ ее всю отъ строчки до строчки... Впослѣдствіи Петръ Левшинъ сдѣлался учителемъ греческаго языка въ Академіи; языкъ этотъ онъ любилъ и изучилъ его въ совершенствѣ. Уже будучи митрополитомъ онъ часто уединялся въ свою любимую пустынку—Виенію и здѣсь самъ служилъ и пѣлъ на клиросѣ по-гречески.

Параллельно съ изученіемъ академическихъ наукъ у Петра развивалась и любовь къ чтенію. Но постановка библіотечнаго дѣла въ Академіи тогда была совсѣмъ уже плоха и представляла собой нѣсколько десятковъ кое-какихъ книгъ. Быстро перечитавъ ихъ, Петръ сталъ выпрашивать для чтенія книги у товарищѣй и знакомыхъ... Еще слѣдуетъ отмѣтить интересную особенность характера будущаго іерарха. Будучи человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, онъ, въ то же время, считался въ товарищескихъ кружкахъ однимъ изъ веселыхъ и умныхъ собесѣдниковъ.

....Съ остроуміемъ словоохотенъ, съ чистосердечіемъ привѣтливъ и съ добродушіемъ услужливъ, такъ что всѣ,

знавшіе его, любили и всѣ любившіе находили удовольствіе видѣть и слышать миловиднаго и сладкорѣчиваго Петра, который привлекалъ къ себѣ умомъ, ученостью и непорочностью нравовъ, живоотпечатанныхъ на его красивомъ и свѣжемъ лицѣ, зеркалъ свѣтлой и возвышенной его души...

...Петръ возрасталъ и тѣломъ и духомъ, всегда отвращалъ свой цѣломудренный слухъ отъ позорищъ и гульбищъ. Склонный къ духовному, онъ чуждался всего мірского и свѣтскаго — даже отказался вступить въ открытый тогда въ 1755 г. по близости Духовной Академіи—Московскій университетъ, куда былъ назначенъ въ студенты съ другими академистами¹⁾.

По окончаніи курса, двадцати лѣтъ отъ роду, какъ уже упомянуто нами было нѣсколько ранѣе, онъ занялъ въ своей Академіи учительское мѣсто съ жалованьемъ въ 170 р. въ годъ; преподавалъ онъ „пітику“ и греческій языкъ и почти первый блеснуль здѣсь большими педагогическими способностями, недостаточность которыхъ въ Академіи Петръ испыталь на себѣ самомъ.

Въ Академіи почти со дня ея основанія заведено было въ каждый воскресный день до поздней обѣдни въ академическихъ аудиторіяхъ читать и пояснять желающимъ катехизисъ и др. священные книги.

И вотъ, когда на этомъ полезномъ поприщѣ, поручено было выступать и Левшину, онъ скоро заставилъ слушать себя всю Москву—такъ вдохновенны и сильны были проповѣди молодого педагога. Къ каѳедрѣ его матери приводили своихъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы они слушали и запоминали; съѣзжалась, въ цугомъ запряженныхъ каретахъ, знать и сановники, въ блестящихъ мундирахъ и напудренныхъ патрикахъ; приходили и бѣдняки, голодные и оборванные... Имя проповѣдника гремѣло... Всѣ одинаково съ восторгомъ слушали его и называли „вторымъ златоустомъ“.

Одно время недруги Левшина, раздраженные его блестящимъ проповѣдничествомъ, стали подкапывать подъ него и утверждать, что онъ проповѣдуетъ не согласно духу православія; но эта жалкая клевета была построена на такихъ

1) Ив. Снегиревъ—„Жизнь Московскаго митрополита Платона“.

шаткихъ и нелѣпыхъ основаніяхъ, что умерла почти не родившись.

Слава проповѣдника проникала всюду... И скоро Архимандритъ Троицкой Лавры, придворный проповѣдникъ и членъ Св. Сѵнода, Гедеонъ Криновскій, пригласилъ Петра Левшина въ Троицкую семинарію¹⁾ учителемъ риторики, а вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ указъ Святѣйшаго Сѵнода, который утверждалъ Левшина „наставникомъ витѣства“.

Въ 1758 г. Петръ Левшинъ простился съ Москвою и переселился въ Лавру.

Первое время онъ очень скучалъ о покинутой имъ Академіи, но мало-по-малу привыкъ и даже такъ сроднился съ обителю св. Сергія, „что по самую смерть не было для него милѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста, паче Лавры“.

Архимандритъ Гедеонъ, находившійся въ Петербургѣ, прислалъ указъ о постриженіи Петра Левшина въ монашество. Монашество принято имъ было съ духовной радостью; его завѣтныя, давно лелѣянныя мечты сбылись, онъ—монахъ...

На 21 году отъ рожденія, наканунѣ праздника Успенія Пресв. Богородицы, въ 1758 г., Петръ Левшинъ принимаетъ иноческій санъ съ именемъ Платона. Чинъ постриженія совершаѣтъ намѣстникъ Лавры Гавріилъ²⁾.

Въ этомъ же году онъ былъ посвященъ въ іеродіакона въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Тимоѳеемъ.

Архимандритъ Гедеонъ, извѣстный проповѣдникъ, имѣвшій большое вліяніе при дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны, къ тому времени прибывшій изъ Петербурга, сонелся съ Платономъ, полюбилъ его и звалъ съ собою въ Петербургъ, говоря, что онъ тамъ найдеть для себя большое поприще. Но къ его удивленію молодой іеродіаконъ смиренно уклонился отъ такого лестнаго предложенія и только послѣ настойчивыхъ требованій Гедеона рѣшилсяѣхать въ Петербургъ, „гдѣ послѣ Биронова самовластія водворилось отрадное спокойствіе, среди коего свободнѣе стали биться русскія сердца подъ кроткимъ правленіемъ дщери Петровой“.

1) Основана была въ 1742 г. и подчинена Троицкому Архимандриту.

2) Впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій

Въ Петербургѣ личность Платона, дѣйствительно, быстро стала замѣтной. Многіе вельможи Елизаветинскаго царствованія—гр. А. Г. Разумовскій, И. И. Шуваловъ и др.—приблизили къ себѣ молодого талантливаго монаха; а также и первоприсутствующій членъ Святѣйш. Сѵнода—Димитрій Сѣченовъ и др. іерархи...

20-го Іюля 1759 г. Епископъ Рязанскій, Палладій, рукоположилъ Платона въ іеромонахи, въ Крестовой церкви Троицкаго подворья; тогда же онъ получилъ и назначеніе быть префектомъ Троицкой Семинаріи и учителемъ философіи.

Въ 1761 г. іеромонахъ Платонъ назначенъ былъ намѣстникомъ Лавры и ректоромъ семинаріи.

Императрица Екатерина, по вступленіи на престоль (въ 1762 г.), послѣ коронованія въ Москвѣ посѣтила Сергіеву Лавру. Ей устроена была торжественная встрѣча: инонки и священнослужители во главѣ съ намѣстникомъ Платономъ, въ блестящихъ облаченіяхъ, и юноши-семинаристы въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками изъ цветовъ на головахъ и съ пальмами въ рукахъ, встрѣтили русскую царицу; весь путь ея усыпанъ былъ цветами. „При этомъ случаѣ въ мирныхъ стѣнахъ Лавры днемъ раздавались колокольный звонъ и пушечный громъ, вечеромъ онѣ (стѣны) освѣщались искусственными огнями“.

При посѣщеніи Государынею семинаріи Платонъ встрѣтиль ее торжественнымъ словомъ, а семинаристы—стихами и одами.

Екатерина, между прочимъ, спросила у Платона, почему онъ избралъ монашескую жизнь.

— По особой любви къ просвѣщенію, ваше величество,—почтительно отвѣтиль Платонъ.

— Да развѣ нельзя въ мірской жизни заботиться о своемъ просвѣщенії?—вразила Государыня.

— Возможно, ваше величество, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя суеты мірскія, сколько въ монашеской жизни, гдѣ я по своему свободенъ.

Императрица изъявила свое благоволеніе Платону и пожаловала всѣмъ учителямъ семинаріи крупныя денежныя вознагражденія.

Въ 1763 г. указомъ Императрицы Платонъ назначался преподавателемъ Закона Божія наслѣднику престола—Павлу Петровичу.

И вотъ „юный монахъ въ новомъ кругу, неизвѣстномъ ему во многихъ отношеніяхъ и противоположномъ монастырскому и школьному, при блистательномъ дворѣ Екатерины II, соединившемъ въ себѣ роскошь азіатскую съ образованістю европейскою, умъ съ любезностю, старину съ новизною, отечественное съ иностраннымъ“ (Ив. Снегиревъ)..

Въ Петербургѣ молодой іеромонахъ Платонъ, и на этотъ разъ, быстро привлекъ къ себѣ вниманіе разнужданаго высшаго свѣта того времени, своими обличительными проповѣдями. Даже сама Императрица такъ отзывалась о его проповѣдяхъ:

— „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насть все, что хочетъ; хочетъ чтобы плакали—мы плачемъ“...

Но истиннымъ шедевромъ его ораторскаго искусства была рѣчъ въ Петропавловскомъ соборѣ по случаю побѣды русскаго флота надъ турками при Чесмѣ, въ 1770 г., и обращенная къ Петру В.,—основателю флота,—у его гробницы.

Эту рѣчъ, переведенную на французскій языкъ, Императрица послала въ Парижъ, къ знаменитому мыслителю Вольтеру; и тотъ такъ отзывался объ ней: „сія рѣчъ, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ орловъ, есть, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ; я думаю, что никогда и ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета къ основанію своего слова, не исключая и греческаго Платона“.

Дворъ Екатерины, увлекавшійся западными философами и энциклопедистами, часто посѣщался тѣми и Платону не разъ приходилось спорить съ ними. Напримѣръ съ Дидро.

Въ 1766 г. по Высочайшему повелѣнію іеромонахъ Платонъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита Троицкой Лавры, на мѣсто умершаго Лаврентія; не смотря на это ученье великаго князя продолжалось своимъ порядкомъ, и Платонъ оставался въ Петербургѣ, возвѣденный также въ званіе члена Св. Синода.

Въ 1770 г. онъ ужъ нареченъ Архіепископомъ Тверскимъ, съ оставленіемъ архимандритомъ Сергіевой Лавры. Въ то время ему было всего лишь 33 года...

И, наконецъ, въ 1775 году, Императрица проѣздомъ въ Москву заѣхала въ Тверь и вручила Платону два указа. Однимъ изъ нихъ Платонъ переводился изъ Твери въ

Москву, оставшуюся безъ архипастыря, послѣ трагической смерти архіепископа Амвросія, убитаго чернью во время чумы въ 1771 г.; другимъ—повелѣвалось выдать ему изъ казны 5000 рублей; въ то же время Потемкинъ, искренній другъ Платона, вручилъ ему, отъ имени Государыни, драгоценную панагію.

Но нельзя сказать, чтобы это новое, почетное назначеніе обрадовало скромнаго архіепископа. Сложныя обязанности, обширная епархія, видный постъ—все это пугало Платона и онъ пробовалъ даже отказываться отъ назначенія, но Императрица прислала это прошеніе его обратно съ краткой резолюціей: „держусь моего указа“.

Такъ, сама судьба выдвигала исключительныя дарованія Платона.

* * *

Илліонъ—архіепископъ Московскій и Калужскій и священно-архимандритъ Троице-Сергіевої Лавры.

Пастырское управлениe Платономъ Московскою епархией составляетъ свѣтлыя страницы въ исторіи Русской Церкви.

Много труда положилъ онъ на пользу дѣлъ Московской епархіи и немного прошло времени, какъ послѣдняя стала неузнаваема: священническія и діаконскія мѣста были заняты людьми достойными, образованными; издано множество распоряженій, касавшихся нравственного улучшенія духовенства и его быта; широко дотолѣ распространенное въ духовенствѣ мздоимство было въ корнѣ уничтожено.

Много потрудился Платонъ для приведенія духовной Академіи и семинаріи въ цвѣтущее состояніе; по его мысли открыто было нѣсколько духовныхъ училищъ.

Подъ руководствомъ святителя Платона воспиталось не мало образованныхъ ученыхъ монаховъ — „Платониковъ“; многіе изъ нихъ впослѣдствіи заняли высшіе іерархическія мѣста въ русской Церкви.

Платонъ самъ любилъ истовыя, благоговѣйныя богослуженія и настоятельно требовалъ этого же отъ духовенства. Скороговорочныя, съ громадными пропусками службы онъ искоренялъ энергичной рукой.

Въ сжатомъ біографическомъ очеркѣ нельзя исчислить всего, что сдѣлано было для Церкви московской іерархомъ Платономъ.

Онъ пользовался огромной любовью и глубокимъ уважениемъ не только среди народа и духовенства, называвшихъ его „своимъ отцомъ“ но и среди сановниковъ и ученыхъ. Имя его сдѣлалось известнымъ въ Европѣ; многія европейскія знаменитости пріѣзжали въ Россію съ исключительной цѣлью увидать и поговорить съ Платономъ. Такъ въ 1770 г. Москву поѣхалъ Императоръ Іосифъ II. По пріѣздѣ Іосифа въ Петербургъ Императрица Екатерина спросила его, что онъ нашелъ въ Москвѣ достопримѣчательнаго.

— „Платона!“—лаконически отвѣтилъ ей Императоръ.

Но не всѣ однако безстрастно преклонялись передъ рѣдкимъ геніемъ великаго іерарха.

Было у него и много завистниковъ. Въ томъ числѣ духовникъ Государыни протоіерей Намфиловъ, очень вліятельная личность. Онъ всячески вліялъ на Государыню, расхолаживая ее къ Платону и эти старанія его не оказались безрезультатными. Платонъ долгое время не получалъ сана митрополита и правилъ митрополіей будучи архіепископомъ. Да и отношенія между нимъ и Императрицей замѣтно испортились. Это заставило его отказаться отъ званія члена Сунода; онъ сталъ даже думать о своемъ увольненіи на покой...

Подобныя непріятности плохо отзывались на его самочувствіи и энергіи. Теперь въ немъ вновь проснулась душа человѣка, родившагося въ деревнѣ, среди рѣдкихъ красотъ природы; блестящее положеніе, великая одежда, не могли укрыть окончательно этихъ чувствъ. Его вновь потянуло въ лѣсъ, къ рѣкамъ и долинамъ...

Тогда онъ нашелъ мѣсто, въ трехъ верстахъ отъ Лавры, которое „на красивомъ положеніи и при обиліи водъ, особенно нравилось“¹⁾ и въ 1783 г. положилъ здѣсь начало Спасо-Віненскому монастырю. Этому монастырю суждено было оказаться въ роли регулятора душевныхъ настроеній его основателя-іерарха. Онъ спѣшилъ сюда въ тѣ минуты, когда жаждя уединенія, тишины и лѣсной природы чувствовалась наиболѣе остро.

Наконецъ, въ 1787 г. Императрица неожиданно наградила Платона саномъ митрополита и пожаловала ему на бѣлый клобукъ брилліантовый крестъ.

¹⁾ Выраженіе изъ автобіографіи митр. Платона.

Но это только еще болѣе вооружило его противниковъ и, изнемогаемый въ борьбѣ съ ними, онъ въ 1792 г. подалъ прошеніе обѣ увольненіи его на покой по болѣзни. Императрица прямое увольненіе его отклонила, но разрѣшила, сдавъ всѣ дѣла по епархіи викарію, самому ему жить въ Лаврѣ, „сколько разсудитъ“.

Однако это не удовлетворило митрополита Платона. Встрѣчая теперь почти на каждомъ шагу препятствія своимъ полезнымъ начинаніямъ, онъ искренно желалъ кончить эту недостойную борьбу и жить безвыѣздно въ любимой Виѳаніи.

....„Развязка (т.-е. резолюція Государыни, *прим. авт.*) несовершenna, — пишетъ митрополитъ Платонъ,¹⁾ — не однѣ немоці тѣлесныя препягствуютъ мнѣ продолжать управленіе, но самое правленіе рождаетъ во мнѣ скучу и тоску“...

Это печальное доказательство полнаго банкротства души и энергіи такого сильнаго человѣка, какъ Платонъ, удачнаго оппонента знаменитой атеистической философіи того времени, лишній разъ рисуетъ намъ силу ненависти и злости, вообще отрицательныхъ чертъ людей,

Но вотъ въ 1796 г., 5 Ноября, умираетъ Императрица Екатерина и на престолъ вступаетъ сынъ ея, Павелъ I, выученикъ Платона; 10-го марта 1797 года назначается въ Москвѣ его коронованіе.

Не смотря на свою болѣзнь, митрополитъ Платонъ юдеть въ Москву привѣтствовать своего царственнаго ученика и Государь, на особомъ пріемѣ его во дворцѣ, надѣваетъ на іерарха высшій орденъ св. Андрея Первозваннаго. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ Императоръ, по примѣру своихъ предковъ, посѣтилъ Сергіеву Лавру и былъ очень разстроганъ тѣмъ, что Платонъ встрѣтилъ его въ убогой ризѣ препод. Сергія и съ его посохомъ въ рукахъ. „Эта встрѣча напомнила ему древнюю простоту и благочестіе, въ убожествѣ, великаго смиреніемъ, мужа. Государь облобызalъ его ветхую одежду, орошенную потомъ труда и слезами молитвы“.

На другой день Государь рѣшилъ посѣтить Виѳанію и тамъ обѣдѣть. И когда смиренный митрополитъ заявилъ, что

¹⁾ Письмо его къ архіеп. Казанскому Амвросію Подобѣдову въ 1792 г.

Виоанія—скудна постройками и нѣть покой, достойныхъ царскаго посѣщенія, Павель отвѣтилъ—„хотя бы въ уголкѣ, но тамъ будемъ обѣдать“.

И, дѣйствительно, на другой день Павель пріѣхалъ въ Виоанію, осматривалъ ея храмы и даже рѣшилъ устроить у себя во дворцѣ церковь, по примѣру домашней церкви митрополита.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія Павель I утвердилъ Виоанію второкласснымъ монастыремъ. Въ память всѣхъ этихъ событій въ Виоаніи былъ установленъ, около покоевъ Платона памятникъ съ соотвѣтствующими оригиналыми надписями. Памятникъ сохранился и до сихъ поръ.

Однако, по возвращеніи Павла въ Сергіеву Лавру изъ Виоаніи, митрополитъ вновь воспользовался случаемъ и подалъ ему прошеніе объ увольненіи своеимъ на покой; хотя очень возможно, что этимъ рѣшительнымъ шагомъ онъ хотѣлъ выяснить свое неопределеннное положеніе въ ту или другую сторону. Но Павель не только не принялъ прошенія, но даже пригласилъ Платона пріѣхать въ праздникъ Преполовенія въ Москву и вообще высказалъ ему всѣ знаки своего благоволенія.

Но когда же Платонъ пріѣхалъ, согласно приглашенію, въ Москву, то Императоръ, извѣстный въ исторіи, какъ, въ высшей степени, неуравновѣшанный и впечатлительный человѣкъ, митрополита не принялъ, хотя и выслалъ ему пожалованные брилліантовые знаки ордена Андрея Первозваннаго, а отъ Государыни золотой наперстный крестъ съ брилліантами. Платонъ понялъ, что недруги его воспользовались особыми свойствами характера Императора, и возстановили Павла противъ него.

Такъ, въ непрестанныхъ интригахъ, и болѣзняхъ вслѣдствіе ихъ, и протекала вторая эра жизни, московскаго іерарха, достойнаго лучшей участіи по своей блестящей дѣятельности.

Однако вовсе не слѣдуетъ думать, что Платонъ былъ побѣженъ своими недругами; дѣло въ томъ, что святитель просто не боролся съ ними, чуждый всякихъ интригующихъ выступленій и нащептываній.

Передъ нимъ были двѣ перспективы—или добросовѣстно и дѣятельно управлять епархией, или тратить всю свою

энергію на борьбу съ интригами. И благородный характеръ іерарха выбралъ первое. Вотъ исторія его опалы,

Но вотъ въ мартѣ 1801 года трагически скончался Императоръ Павелъ I. На его мѣсто вступаетъ Императоръ Александръ Павловичъ. Онъ, вмѣстѣ съ Государынѣй послѣ своей коронаціи въ Москвѣ, тоже посѣщаетъ Лавру и Виенію. Императрица Марія Феодоровна въ знакъ особаго своего благоволенія къ митрополиту, жалуетъ ему полное архіерейское облаченіе, дорогую панагію, и свой портретъ, украшенный брилліантами.

Платонъ, на короткое время, снова подымаетъ голову, работаетъ съ прежней энергіей, но удущливый кашель и сильныя боли отъ почечныхъ камней подрываетъ его энергію и, совершенно уже больной, онъ возвращается въ Виенію.

Такъ постепенно, годъ съ годомъ, угасая Платонъ дожилъ до рокового 1812 года, когда Императоръ французовъ, вторгся въ предѣлы Россіи и, шумя оружіемъ, шелъ на Москву. И съ каждымъ днемъ Москвой овладѣвало все большее и большее уныніе, и даже находчивый ген.-губернаторъ Москвы, гр. Растворчінъ, своими афишками, не могъ поднять духъ москвичей, предчувствующихъ скорый разгромъ своихъ гнѣздъ.

На Троицкомъ митрополичьемъ подворьѣ необычайное движеніе, суета. Экономъ подворья, монахи, слуги — всѣ удивлены неожиданнымъ пріѣздомъ изъ Виеніи въ Москву своего престарѣлаго и больного іерарха — митрополита Платона, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ онъ въ такое время, когда Москва почти совсѣмъ опустѣла, жители ее покинули, и со дня на день ожидалось вступленіе въ осиротѣвшую столицу гордаго императора французовъ — Наполеона I-го.

Здѣсь надѣялся императоръ найти массу провіанта, теплые квартиры и работѣствующихъ передъ нимъ москвичей. Но, на этотъ разъ, завоевателю Европы пришлось жестоко разочароваться. Въ Москвѣ, въ этомъ всегда веселомъ и шумномъ городѣ, теперь — жуткомъ и безмолствующемъ, притаившись, давно и нетерпѣливо поджидала смерть его армію...

...Пріѣхалъ въ Москву Платонъ въ то время, когда въ ста верстахъ отъ нея, на памятныхъ поляхъ Бородина произошло первое жестокое столкновеніе двухъ армій — французской и

русской, унесшее сто тысячъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Съ этимъ боемъ рѣшена была участъ Москвы—Кутузовъ рѣшилъ отдать ее непріятелю... И большой святитель, пораженный такимъ рѣшениемъ, живо собрался и прѣѣхалъ, чтобы въ послѣдній разъ увидѣть дорогую ему Москву и благословить ея предстоящія страданія въ плѣну чужеземцевъ.

— Ну и чудеса—всѣ изъ Москвы, а нашъ владыка—въ Москву!— удивлялся экономъ подворья.

Озадачилъ и нѣсколько пріободрилъ слухъ о прѣѣздѣ митрополита московскаго и горемычныхъ москвичей.

— Если владыка въ Москву прибылъ,—разсуждали они,—то, стало быть, опасность еще не такъ велика...

А москвичи ужъ готовились къ битвѣ, подъ стѣнами Москвы, которую обѣщали дать графъ Растопчинъ; для этого они должны были идти съ крестнымъ ходомъ на „Три горы“.

„Москва, или—смерть!“—Вотъ всеобщій лозунгъ тогдашнихъ москвичей.

„Разнесся слухъ, что и самъ Платонъ явился на Три горы или на Поклонную гору за Дорогомиловской заставой благословить русское воинство къ рѣшительному сраженію съ непріятелемъ,—и что русскіе искупятъ Москву своею кровью или за нее положатъ головы. Можетъ статься такая мысль народная и таилась въ сердцѣ Архипастыря, который готовъ былъ положить душу свою за паству свою, но память ему измѣняла, соображеніе терялось, языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнѣли и онъ едва могъ передвигать ноги; онъ скорбѣлъ на безсиліе свое и прибылъ въ Москву только обнаружилъ послѣдній порывъ его любви къ Отечеству и паству. Желаніемъ его не соотвѣтствовали силы его“...

Но народнымъ догадкамъ и мечтамъ не суждено было осуществиться, такъ какъ скоро выяснилось, что никакого новаго боя подъ Москвой не будетъ, наша армія быстро отступаетъ и скоро Москву займетъ непріятель.

Стали совѣтовать старцу-іерарху скорѣе покидать Москву.

— Ваше Высокопреосвященство, торопитесь выѣхать изъ Москвы, не нынче—завтра ее захватятъ французы,—убѣждалъ Платона епископъ Августинъ, временно управлявшій московской епархией, по слухамъ самого іерарха.

— Не поѣду,—рѣшительно отвѣчалъ Платонъ.

- Почему же, владыко святый?
- Не хочу въ нуждѣ, да горѣ покидать паству.
- Извѣстно-ли вамъ, святой владыко, что Москва почти опустѣла и кто не уѣхалъ — спѣшить уѣхать. Всѣ пасомые ваши разбрелись по другимъ епархіямъ...—убѣждалъ Августинъ.
- Кто-нибудь, да остался...—коротко замѣтилъ святитель, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему.

И Платонъ продолжалъ оставаться въ горемычной Москвѣ...

А между тѣмъ армія грозная и ликующая все ближе и ближе подходила къ Москвѣ. Полуобезумѣвшіе москвичи, немногіе изъ оставшихся въ своихъ гнѣздахъ, выйдя однажды, ночью, на улицы увидали вдали на небосклонѣ громадное зарево—это пылало небо отъ бивуачныхъ костровъ и пріятеля. Съ ужасомъ поняли москвичи, что французы стоять теперь всего въ нѣсколькихъ верстахъ оть Москвы.

Тогда съ особой настойчивостью стали уговаривать Платона уѣхать; наконецъ, ему надоѣли всѣ эти разговоры и онъ, махнувъ рукой, согласился.

Передъ самымъ отѣздомъ, онъ долго, со слезами, молился у образа Спасителя, такъ молился, что, изнеможенный, распростертымъ ницъ, не могъ встать съ пола... Два монаха подняли его и снесли въ карету...

Былъ теплый и тихій вечеръ 31-го Августа. Но ранняя осень чувствовалась во всемъ—деревья начинали золотиться, листья опадали. Вѣтеръ дулъ съ какимъ-то особымъ заываніемъ, грустнымъ, до боли сжимающимъ душу...

Въ эту ночь по опустѣлымъ улицамъ и переулкамъ московскимъ изъ осиротѣлаго города увозили больного іерарха.

* * *

Во время пребыванія въ Москвѣ Наполеона и его арміи святитель Платонъ имѣлъ пребываніе въ Лаврѣ и въ Вифаніи, заботясь объ отправленіи лаврскихъ сокровищъ для безопасности въ Вологду. А опасность была близка—на дорогѣ къ Лаврѣ скоро увидали непріятельскіе отряды; городъ Дмитровъ, находящійся въ 40 верстахъ оть Лавры, былъ уже взятъ французами...

Французы, какъ и поляки въ „смутное время“ надѣялись поживиться лаврскими сокровищами ишли къ Сергіевой обители, но на стражѣ ея былъ Великій Сергій...

...По преданію, французы, немного не дойдя до Лавры, съ сувѣрнымъ страхомъ вернулись, увидавъ, что навстрѣчу имъ, молча, какъ тѣни, шли странные, грозные воины...

Не взирая на грозившую опасность отъ французовъ, митрополитъ Платонъ все-таки не хотѣлъ покидать своей любимой Внѣаніи.

— Не боюсь я Наполеона и его полчищъ, да и вамъ бояться нечего—преподобный Сергій не допуститъ враговъ въ свою обитель,—говорилъ святитель окружающимъ его монахамъ.

Но тѣ снова, какъ и въ Москвѣ, стали настаивать и святитель перебрался, 40 верстами дальше, въ обитель Махру, основанную препод. Стефаномъ.

Однако всѣ эти нравственные потрясенія тяжко отзывались на духѣ и тѣлѣ святителя.

„Въ этомъ старцѣ, согбенномъ и дряхломъ—пишетъ И. М. Снегиревъ,—едва передвигавшемъ ноги, говорившемъ косно и отрывисто, можно ли было узнать того Платона доброго, сановитаго и въ сѣдинахъ, который недавно передъ тѣмъ священнодѣйствовалъ во всемъ величіи святительскаго сана и со всѣмъ достоинствомъ и воодушевленіемъ, поразительнымъ и для предстоящихъ и для сослужившихъ, гремѣль съ амвона церковнаго словомъ истины?“

Несмотря на полный упадокъ силъ святитель Платонъ, находясь въ Махрѣ, а также и въ Внѣаніи, всякий день бывалъ за литургіей и часто причащался св. Таинъ. Его обыкновенно водили, такъ какъ ноги святителя плохо служили ему, какъ и соображеніе.

„Бывали, впрочемъ, минуты, когда Платонъ пробуждался отъ самозабвенія и дремоты душевной—слезы болѣе чѣмъ слова выражали тогда его чувства“...

— Таковъ ли былъ прежде Платонъ?! Теперь же я сталъ хуже богадѣлennаго старика... Вотъ вамъ печальный примѣръ сущности нашей славы...—часто говорилъ угасающей святителю, сознавая фактическій конецъ своего бытія.

Одѣвался іерархъ такъ просто, что не знающе его ни за что бы не повѣрили, что это митрополитъ московскій, а не какой-нибудь старикъ-послушникъ. Такъ обычнымъ нарядомъ его было—теплый, черный подрясникъ; на головѣ

суконная скуфейка, а на ногахъ, вмѣсто сапогъ, лапти изъ тонкихъ лыкъ. Въ рукахъ же—простая палка.

1812-й годъ былъ послѣднимъ годомъ жизни святителя. Узнавъ о вступлѣніи въ Россію войскъ Наполеона I, Платонъ, въ послѣдній разъ въ двухъ горячихъ письмахъ къ Императору Александру I-му, снова блеснулъ искрами своего рѣдкаго таланта.

„...Пусть дерзкій и наглый Голіафъ отъ предѣловъ Франціи обносить на краяхъ Россіи смертоносные ужасы,—пишетъ Платонъ въ одномъ письмѣ,—но крѣпкая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни“.

Въ другомъ письмѣ святитель говорить:

„...и этотъ фараонъ (т.-е. Наполеонъ, *авт.*) погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью, новую рѣку— страшно выговорить!—рѣку крови человѣческой! О! Каждая крови капля возвозветъ отъ земли къ небу! Кровь брата твоего взыщу отъ руки твоей! Франція познаетъ въ Богѣ— Господа отмщеній, а Россія восчувствуетъ, исповѣдуется, воспоетъ къ нему: Авва, Отче! Царю Небесный! Ты изведеши, яко свѣть, правду Монарха и судьбу Россіи, яко полудне“.

„По какому то предчувствію святитель Платонъ твердилъ, что умретъ „на ногахъ“, Но, казалось, не хотѣль умирать прежде рѣшенія судьбы своего отечества.

И вотъ, когда послѣ 40-кадневнаго пребыванія французы покинули Москву, святитель, узнавъ о томъ, перекрестился и воскликнулъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Слава Богу! Москва освобождена и я теперь умру спокойно!

Наступило 11-е Ноября, роковая развязка была близка, но ее все-таки никто не подозрѣвалъ, кромѣ самого святителя, сказавшаго окружающимъ:

„Теперь все рѣшится!“

А наканунѣ онъ даже велѣлъ вынуть изъ своей могилы кипарисовый гробъ, заготовленный имъ около девяти лѣтъ назадъ.

Въ 12 ч. д. святитель сѣлъ за обычную скромную трапезу, и, не окончивъ обѣда, почувствовалъ себя дурно: съ нимъ

случился ударъ. А въ два часа великаго іерарха церкви Московской не стало.

Отпѣваніе въ Бозѣ почившаго святителя совершено было въ Троицкомъ Соборѣ Сергіевой Лавры, 16-го Ноября, епіскопомъ Августиномъ. Несмотря на тревожное время, народу на отпѣваніе собралось множество.

Громкій плачъ и рыданія, трескъ свѣчей сливались вмѣстѣ съ колокольнымъ перезвономъ и погребальнымъ пѣніемъ.

Послѣ отпѣванія, кипарисовый гробъ съ тѣломъ почившаго святителя несомъ былъ священно-служителями въ Спасо-Віоанскій монастырь. Печальная процессія растянулась болѣе, чѣмъ на версту. Весь пародъ вмѣстѣ съ священно-служителями пѣлъ погребальные стихиры.

Въ церкви Воскресенія праведнаго Лазаря въ приготовленную могилу опущенъ былъ гробъ.

Надпись которую мы видимъ на скромномъ памятнику митрополиту Платону, сочинена имъ самимъ. Вотъ она:

„Здѣсь погребенъ тѣломъ преосвященный Платонъ, митрополитъ московскій и сея Віоанскія обители и при ней семинаріи основатель“.

А впізу стихи:

„Читатель, вспомни всѣхъ судьбу,
Пролей о немъ свою мольбу,
Да въ Богѣ духъ его опочиваетъ,
Воставъ, и тѣло съ нимъ да возсіяетъ.
Вся на землѣ—суть временна и тѣлна,
Непостоянна вся и перемѣнна.
Единый покой—на небесахъ;
Лети въ нихъ, вѣра, на крылахъ!“...

„Такъ,—пишетъ И. Снегиревъ,—сокрылась слава Церкви Русской, и священная глава новой Віоаніи обрѣла покой въ храмѣ, напоминающемъ уединенія Лазаря въ Віоаніи древней. Но духъ Платона живъ въ его пустынѣ: по слову Платона, она процвѣла, яко кринъ. Здѣсь все гласитъ о его славномъ имени. На каждомъ шагу видны слѣды ума его и вкуса; каждый камень храма, каждое украшеніе въ немъ—есть краснорѣчивый памятникъ незабвенному Платону“.

Священ. **Дм. Дмитріевъ.**

Религіозная правда Русского Самодержавія въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.

Наше время характеризуется сильнымъ развитіемъ у насть разныхъ соціально-политическихъ обществъ и партій¹⁾, которые, сплотившись, предъявляютъ отъ своего имени, а нерѣдко и отъ имени всей-де Россіи, къ Русскому Государству и къ Русской Церкви тѣ или иныя требованія, намѣчаютъ тотъ или другой рядъ реформъ: словомъ, выступаютъ съ разнообразными и обширными программами переустройства, нерѣдко радикального, политической, соціальной и церковной жизни въ Россійской Имперіи, въ цѣляхъ якобы *общаго* блага всѣхъ ея подданныхъ. Одни, по примѣру своихъ западныхъ учителей, ведутъ борьбу, главнымъ образомъ, съ существующимъ строемъ политico-экономической и общественной жизни въ Россіи подъ флагомъ христіанства и посему обосновываютъ свои требованія на божественномъ откровеніи; другіе, паоборотъ, открыто сбрасываютъ съ своихъ реформаціонныхъ программъ и теорій всякую божественную санкцію, какъ якобы вредную, потому что „каждая-де рели-

¹⁾ Организованныя соціально-политическія партіи въ Россіи появились съ 1905 года, когда предначертана была у насть Гос. Дума. Съ этого времени Россія вступила въ ту стадію государственной жизни, которую Западная Европа начала проходить съ 40-хъ годовъ XIX стол. Тамъ на Западѣ Европы, где народъ непрестанно ведетъ борьбу съ Государствомъ за власть,—въ противовѣсь государству, какъ формѣ человѣческаго сбщенія, вмѣсто права *личности*, въ 40-хъ годахъ XIX стол. было выдвинуто новое право—право *общества*, почему и всѣ современныя политическія ученія тамъ, благодаря, преимущественно, Лоренцу Штейну, получили соціальную окраску („Русск. Госуд. право“ И. Коркунова, т. I, стр. 93—95). Въ эту роковую стадію Государственной жизни тяпуть иныи и Россію,—на горе ей и русскому народу, и лишь въ угоду оторванныхъ отъ русскаго корня политикающіихъ группъ.

гія, и особенно христіанская, отвлекаетъ мысль человѣка отъ земли къ миѳическому небу и тѣмъ лишаетъ его возможности направить всѣ свои силы на устройство единственно реального для него рая—это „рай на землѣ“ (Бебель, представитель германской соціаль-демократіи). Послѣдняго рода реформаторы обосновываютъ свои требованія на quasi-научныхъ данныхъ, на доводахъ ума, погруженного въ глубь вѣковъ, въ изученіе исторической жизни народовъ: „скажите прямо, взыываетъ германскій соціаль-демократъ Мостъ къ рабочимъ, что вы отрекаетесь отъ Церкви. Соберитесь подъ знаменемъ науки, которая отвергаетъ всякия суевѣрія“ ¹⁾.

Намъ, дѣятелямъ Православной Церкви, нельзя быть только зрителями всего, нынѣ происходящаго у насть на Руси; нельзя укрыться подъ плащъ столь любезной многимъ фразы: „моя хата съ краю, я ничего не знаю“!.. Нѣть, намъ нужно винять ропоту быстро и шумно катящихся съ Запада волнъ, взбаламутившихъ наше великое море—Русь до дна!.. Намъ нужно броситься въ эти волны и, если не разбить ихъ, смиривъ ихъ ропотъ, то, по крайней мѣрѣ, спасти возможно большее число утопающихъ и захлебывающихся мутью ихъ. Вѣдь Русь зародилась, возросла и образовалась въ мощную державу подъ сѣнью Православной Церкви; она тѣсно связала себя съ нею узами духовной дщери. Русскій народъ, въ подавляющей массѣ, и доселѣ знаетъ Русь только православную. Да и помимо этихъ, чисто мѣстныхъ мотивовъ, Православная Церковь еще имѣеть принципіальную, всемірную задачу, завѣщанную ей Христомъ,—это стать совѣтствомъ народовъ, наложить печать христіанства на всѣ стороны и проявленія человѣческой жизни на землѣ, пропитать духомъ христіанства не только личныя, но и общественныя стихіи человѣчества, возстановить Богочеловѣческую связь не только индивидуально, но и собирательно ²⁾). Путемъ насажденія Царства Божія—„Царства не отъ міра сего“—въ мірѣ семъ, въ индивидуальной, соціальной и политической жизни человѣка, Православная Церковь должна приготовить послѣд-

¹⁾ П. Герцбергъ. „Рабочій вопросъ и соціализмъ“, СПБ. 1905 года стр. 96—97.

²⁾ В. С. Соловьевъ. „Духовныя основы жизни“ изд. 3-е, стр 158—159.

няго къ высшему блаженству, къ вступленію въ Царство Божіє на небесахъ, въ это „лучшее“ для человѣка „отечество“, гдѣ онъ уже не будетъ чувствовать себя, какъ на землѣ, странникомъ и пришельцемъ (Евр. 11,13—16).

По указаннымъ соображеніямъ намъ невозможно молчать въ то время, когда образовавшіяся на Руси подъ разными названіями многочисленныя соціально-политической общество и партіи рьяно берутся за осуществленіе намѣченныхъ мною задачъ Церкви въ границахъ ея земного существованія и прежде всего за насажденіе Царства Божія на землѣ *помимо Церкви и внѣ ея*, или, если и призываютъ ее къ сотрудничеству, то не иначе, какъ послѣ коренной реформы ея собственного существованія, согласно начертанной ими программѣ. Отъ такого отношенія названныхъ обществъ и партій къ Церкви искается у нихъ и самая идея возвѣщенаго Евангеліемъ Царства Божія на землѣ и средства къ ея осуществленію, какъ искажены открытыя міру Евангеліемъ идеи „свободы, равенства и братства“, начертанныя девизомъ на знамени первой французской революціи и вошедшия въ символъ современной культуры, но, къ сожалѣнію, сдвинутыя съ основъ христіанскаго міросозерцанія, или обоснованныя на псевдохристіанствѣ.

На этотъ разъ мы остановимъ свое вниманіе на недавно возникшѣй у насъ, въ „Сѣверной Пальмирѣ“, соціально-политической организаціи: „Христіанское братство борьбы“. Дыханіемъ этой организаціи запечатлѣно все современное соціально-политическое движение, особенно въ его отношеніи къ Православной Церкви. Вотъ почему, считаясь съ этой организацію, мы собственно считаемъ съ основами и доводами всего, такъ называемаго у насъ, „освободительного“ или, въ церковной сферѣ, „церковно-обновленческаго движенія“.

„Христіанское братство борьбы“ своею задачею поставило „активное проведеніе въ жизнь началъ вселенского христіанства“ ¹⁾). Задача, какъ видимъ, великая и далеко еще не

¹⁾ См. отпечатанный на пиш. машинѣ листъ съ изложеніемъ „Задач христіанского братства борьбы“. Для характеристики братства мы будемъ пользоваться и его подпольными возвзваніями, отпечатанными на пиш. машинѣ и на типографскомъ станкѣ, подъ названіями: „къ епископамъ русской церкви“, „къ войскамъ“, „къ крестьянамъ“ и т. под...

осуществленная въ жизни христіанъ, гдѣ въ изобиліи произрастаютъ терновникъ и репейникъ, не приносящіе ни смоквы, ни винограда, ни вообще доброго плода (Ев. Мѳ. гл. 7, ст. 16—18). Значитъ, было изъ-за чего организовываться особому Братству. И мы съ своей стороны готовы были-бы сказать ему: „Богъ въ помоющъ!“ И даже горячо пожелать, чтобы съ той-же практическою цѣлью у насъ подъ сѣнью Церкви явилось побольше братствъ, содружествъ, союзовъ, группъ и пр..., если-бы дальнѣйшее и подробное знакомство съ „началами вселенского христіанства“, содержимыми братствомъ, и съ средствами проведенія этихъ „началь“ въ жизни, практикуемыми братствомъ, не заставило насъ выѣхать совершенно обратное пожеланіе, чтобы Господь избавилъ Православную Русь отъ подобныхъ названному братству учрежденій, такъ какъ и безъ нихъ много плевель на русскомъ полѣ, много сыновъ лукавыхъ въ нашей отчизнѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, что разумѣеть братство подъ „вселенскимъ христіанствомъ“? Объ этомъ въ „Задачахъ христіанского братства борьбы“ читаемъ слѣдующее:

„Начала вселенского христіанства не только не осуществлены, но даже просто не сознаны цѣликомъ во всемъ объемѣ *историческимъ* христіанствомъ. Историческое христіанство во всѣхъ своихъ конкретныхъ развѣтвленіяхъ, отъ русского православія и римского католицизма до самыхъ крайнихъ сектъ протестантизма, восприняло и самимъ дѣйственнымъ образомъ ввело въ сознаніе отдельныхъ людей *одну* сторону Евангельского ученія: это ученіе о томъ, что „Царство Божіе внутри васъ есть“. Царство Христово есть царство свободного единенія, чистоты и свѣта, и потому всякий, хотяющій войти въ него, долженъ прежде всего очиститься *самъ*, долженъ скинуть съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго, долженъ переродиться, извлечь и спасти душу свою изъ міра грѣха и злой жизни. Такимъ образомъ, личное перерожденіе, очищеніе своего индивидуального сознанія и спасеніе своей души — вотъ центральная и единственная идея исторического христіанства. Все остальное — дѣла любви, устроеніе своей личной жизни на христіанскихъ началахъ, доброе отношеніе къ другимъ людямъ — все это историческимъ христіанствомъ разсматривается, какъ простое и необходимое слѣдствіе изъ внутренняго перерожденія¹⁾.

¹⁾ И въ Евангеліи мы читаемъ: „ищите-же прежде Царства Божія и

„Все это такъ, все это правда отъ начала до конца; но это далеко не *вся* правда, возвѣщенная Христомъ, и кто ее выдаетъ за всю правду и видитъ въ ней начало, середину и конецъ и учить такъ другихъ—тотъ явно погрѣшаєтъ противъ слова Божія и лжеть на полноту Христовой истины. Это дѣлаетъ теперешнее христіанство. Оно забыло *другую* сторону Евангельского ученія, забыло, что Царство Божіе не только фактъ внутренней жизни, переживаемый отдѣльнымъ сознаніемъ наединѣ съ собой и Богомъ, но и —о чёмъ вѣщаетъ чуть-ли не каждая строчка Нового Завѣта—фактъ міровой, вселенскій. Царство Божіе, непримѣтно войдя внутрь человѣка, его усилиями должно раскинуться на то, что *внѣ* его. Своимъ благодатнымъ строемъ оно должно побѣдить и преобразить всю злую природную жизнь, во *всѣхъ* ея проявленіяхъ, отъ сферы индивидуального сознанія и человѣческихъ отношеній до космического зла, царящаго въ *природѣ*. Евангеліе должно быть проповѣдано „всей твари“. Христость заповѣдалъ Апостоламъ: „идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Мр. 16, 15), ибо „вся тварь совокупно стенаєтъ и мучится донынѣ, ожидая откровенія сыновъ Божіихъ“ (Рим. 8, 19—21). Историческое христіанство забыло этотъ завѣтъ и, проповѣдя, что то и то нужно для того, чтобы *вступить* въ Царство Божіе, совершенно угасило въ себѣ всякія живыя представлениія о томъ, что же такое это Царство Божіе²). Съ этимъ вмѣстѣ оно поддалось страшному уклону отъ Христа и безусловно истинную идею о необходимости для вступленія въ Царство Божіе прежде всего лично переродиться—исказило въ ложную и антихристіанскую идею „самоспасанія“³), которая и пользуется са-мымъ широкимъ распространеніемъ.

А между тѣмъ вопросъ этотъ ясенъ. Сами собой принимаютъ конкретную форму обязанности, вытекающей изъ этой стороны

правды Его и это все *приложится* вамъ. „Царствіе Божіе *внутрь васъ есть*“ (Мо. 6, 33; Лук. 17, 21).—*Авт.*

2) То: „историческое христіанство *восприняло и самыи дѣйствительныи образы въ сознаніе* людей одну сторону Евангельского ученія: это ученіе о томъ, что „Царство Божіе внутрь васъ есть“; то уже оно „*угасло въ себѣ* всякія живыя представлениія“ о томъ, что же такое это Царство Божіе?!.—Какъ все это вяжется въ головѣ „братьчиковъ?!.—*Авт.*

3) Идея „самоспасанія“, какъ и „самолюбія“ только тогда является ложною, когда сдвинута съ Евангельской основы. Но та-же идея можетъ быть и Евангельскою, когда человѣкъ на любви къ себѣ научается истинной любви и „ближняго“: „*возлюби ближняго твоего, какъ саного себя*“.—*Авт.*
голосъ церкви.

Евангельского учения. Ихъ много, очень много и вѣ онъ забыты историческимъ христіанствомъ. Мы будемъ говорить только объ одномъ рядѣ такихъ обязанностей, сознаніе которыхъ и опредѣляетъ дѣятельность братства. Христосъ былъ Богочеловѣкъ. Онъ вочеловѣчился и принялъ плоть. Испупая Свою пречистою кровью, Онъ не отѣлился отъ нея, а остался въ ней и съ ней, потому что связанъ съ нею „нераздѣльно и несліянно“, потому что пришелъ не упразднить ее, а освятить. Преобразивши ее на Фаворѣ и освободивши ее отъ рабства грѣху Своими страданіями и отъ рабства смерти Своимъ воскресеніемъ, Онъ положилъ начало „обоженію плоти“ (выраженіе св. Антонія В.), которое закончится „новой землей¹“), въ ней же правда обитаетъ“ (2 Петр. 3, 13). Этимъ онъ далъ вѣчный образъ поведенія и указалъ путь, по которому долженъ идти каждый христіанинъ. Каждое отѣльное лицо, для того, чтобы становилось возможнымъ Царство Божіе „внутри“ него, долженъ побѣждать въ себѣ похоть плоти и облечь тѣло свое во Христа, пріуготовляя его къ славѣ и нетлѣнію. Но, по основному учению Евангелия, человѣкъ не можетъ разсматриваться, какъ самодовлѣющій, не связанный съ другими атомъ. Онъ только одинъ изъ безчисленныхъ членовъ великаго и единаго цѣлаго, собирательнаго индивидуума Церкви. Эта Церковь, объективное Царство Божіе, осуществляясь и возвращаясь въ душѣ всего человѣчества, должна побѣдить похоть плоти уже не отѣльного лица, а всего человѣчества и облечь тѣло,—уже тѣло не отѣльного лица, а всего человѣчества,—во Христа и сдѣлать его невѣстой Христовой. Эта плоть и тѣло, не будучи тѣломъ и плотью отѣльныхъ лицъ, является результатомъ взаимодѣйствія послѣднихъ, основанаго на потребностяхъ тѣла и плоти, а это и есть прежде всего отношенія экономической, общественные и государственные. Значить, человѣчество, становящаяся Церковь, для осуществленія въ себѣ Царства Божія, должно бороться со своею похотью и побѣждать свою плоть, т.-е. животворить и проникать Духомъ Христовымъ отношенія экономической, общественные и политическія, да изобразится и въ нихъ Христосъ, и да будетъ Богъ вся во всемъ. Такимъ образомъ, изъ дѣйствительной вѣры въ Христа, вочеловѣчившагося и при-

1) Не только „новой землей“, но и „новымъ небомъ“, которые будутъ существенно отличны отъ „нынѣшнихъ небесъ и земли“ 2 Петр. 3, 7—13.—

шедшаго во плоти, съ неизбѣжной внутренней послѣдовательностію вытекаетъ для каждого христіанина обязанность принимать самое дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни страны и здѣсь въ той самой области жизни, отъ которой съ отшельническимъ ужасомъ отвертывалось историческое христіанство, дѣйствительно осуществлять вселенскую правду Богочеловѣчества. Это и является *общей задачей братства*“.

Мы нарочито сдѣлали полную выдержку изъ „задачъ христіанского братства борьбы“, чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ передержкѣ мыслей „братства“.

Нельзя прежде всего не отдать „Братству“ должной дани удивленія за его умѣніе писать по вопросу первостепенной важности крайне туманно и расплывчато. Вся приведенная нами тирада посвящена въ сущности выясненію одной элемен-тарной мысли, что „вселенское христіанство“, начала которого „братство“ намѣreno активно проводить въ жизни, требуетъ отъ каждого христіанина не ограничиваться насажденіемъ Царства Божія только *внутри* себя, но дѣятельно, притомъ совокупно съ другими членами Церкви и отъ имени послѣдней, осуществлять его и *внѣ* себя—во всемъ человѣчествѣ, оживотворя и пропитывая духомъ Христовымъ всѣ отно-шенія человѣческой жизни: экономическая, общественная и политическая. Съ послѣднею цѣлью христіанинъ и долженъ принимать самое активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ жизни своей страны.—Таковы „начала“ новаго „вселенского христіанства“, якобы *впервые* открываемыя міру „братствомъ“, какъ исчерпывающія *всю* *полноту* Христовой истины, *всю* *правду*, возвѣщенную Христомъ.

Противъ этихъ „началъ“, въ ихъ „общемъ“ изложеніи „братствомъ“, возражать въ принципѣ нечего; наоборотъ, необходимо признать ихъ полное согласіе съ духомъ Еван-гельской правды. Но что удивительно, такъ это заявленіе „братства“, что оно, излагая азбуку христіанства, выступаетъ въ этомъ случаѣ чѣмъ-то вродѣ Колумба! Если вышеупомянутая „начала“ и являются для кого новою Америкою, такъ развѣ только для „братства“, этого въ своемъ родѣ воскрес-шаго, послѣ девятнадцативѣковаго сна, помпейца... Обвине-ніе „братствомъ“ исторического христіанства, отъ русскаго

православія и римского католицизма до самыхъ крайнихъ сектъ протестантизма, въ томъ, что оно якобы „не сознalo“, „забыло“ обязанность каждого христіанина, какъ и совокупности христіанъ—Церкви пропитывать духомъ Христовыи экономическую, общественную и политическую жизнь человѣчества, кажется настолько несуразнымъ и для самаго „братства“, что оно просто-на-просто заплется и противорѣчитъ само себѣ, когда обосновываетъ на словесномъ фундаментѣ это обвиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, то „братство“ заявляетъ, что историческое христіанство „не знало“ вышеуказанной обязанности христіанъ, то только „забыло“ ее, то наконецъ, „разсматриваетъ“ ее, какъ простое и необходимое слѣдствіе изъ внутренняго перерожденія“ человѣка!.. ¹⁾). Какъ все это укладывается въ обличительной головѣ „братчиковъ“—отказываемся понять?! Какъ можно „забыть“ то, чего „не созналъ“?! Какъ можно далѣе „забытое“ и „не сознанное“ (?) разсматривать?!. Право, скорѣе поймешь, какъ это у Буренинскаго „Вральмента“: „на затылкѣ чихающей носъ“..., какъ это онъ кричитъ: „въ мракѣ солнца и въ свѣтѣ ночей“!.. При всей своей сумбурности и помпезности „Вральмонтъ“ все-же человѣкъ откровенный и сознается, что „мелетъ онъ“... Къ сожалѣнію, братство и этого качества лишено!..

Необходимо замѣтить, что приведенное обвиненіе „братствомъ“ исторического христіанства и противоположеніе оному новаго „вселенского христіанства“—не что иное, какъ компендий прошумѣвшаго недавно „новопутѣйства“ съ его „Новымъ Вселенскимъ Христіанствомъ—Религію Конца“. Въ своемъ обвиненіи исторического христіанства, какъ православнаго, такъ равно католическаго и протестантскаго, Братство обнаружило, сознательно или безсознательно—это другой вопросъ, круглое невѣжество въ знакомствѣ съ проявленіями религіознаго сознанія христіанъ: православныхъ,

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что „братство“ уже борется съ неправильнымъ, по его мнѣнію, освященіемъ русской Церковью экономической, общественной и политической жизни своей страны. Это далеко не то же, что русская Церковь якобы „забыла“ или „не сознала“ самой необходимости „дѣйственно осуществлять вселенскую правду Богочеловѣчства“ въ этой области жизни?!. Иное дѣло: „забыть“ или „не сознавать“, а иное дѣло неправильно осуществлять что-либо!..

католиковъ и протестантовъ, имѣющими значеніе церковное, а не индивидуальное. Такъ развѣ исторія христіанскихъ церквей не свидѣтельствуетъ о томъ, что съ того времени, какъ всепоглощающее могущество античнаго государства было подорвано появленіемъ и развитіемъ новой формы общенія людей, не только независимой отъ государства, но и указавшей ему границы его властованія надъ людьми,— Церкви Христовой, послѣдняя въ Западной Европѣ, въ лицѣ католицизма, старалась не только пропитать духомъ Христовымъ, какъ понималъ его католицизмъ, всѣ проявленія экономической, общественной и политической жизни христіанскихъ странъ, но даже присвоить или узурпировать себѣ *непосредственное* материальное властованіе надъ этими сторонами жизни людей! Или, быть можетъ, протестантизмъ заявилъ себя принципіальнымъ противникомъ религіознаго освященія общественной и политической жизни государства? Какая наивность! Развѣ провозглашенный Лютеромъ въ области религіи принципъ сопротивленія власти и равенства всѣхъ христіанъ не пропиталъ насквозь всѣ общественные и политico-экономическія стороны жизни западно-европейскихъ государствъ?!. А законное дитя протестантизма—баптизмъ, религіозная система котораго вскорѣ превратилась въ соціально-коммунистическую и подарила міръ „королевствомъ Сиона“, во главѣ съ „пророкомъ“ Іоанномъ Лейденскимъ?!. Но обратимся къ нашему времени. Просмотрите переведенную съ нѣмецкаго брошюру: „Задачи Церкви и ея внутренней миссии, въ виду современной экономической и соціальной борьбы“ ¹⁾), гдѣ Евангелическая церковь полагаетъ свою задачу въ томъ, чтобы „вся земная жизнь и въ особенности экономическая и общественная стороны ея проникнуты были евангельскимъ духомъ“... Вспомните Адольфа Штекера, придворного проповѣдника въ Берлинѣ, члена палаты и рейхстага, какъ онъ старался организовать рабочую партію, основанную на христіанскихъ началахъ, что вызвало необузданый отпоръ со стороны соціалъ-демократического члена рейхстага Моста, яраго противника христіанства ²⁾). Такъ же, если

¹⁾ Эта брошюра представляетъ собою „записку центрального комитета для внутренней миссии нѣмецкой Евангелической церкви“ и заслуживаетъ вниманія.

²⁾ См. Н. Герцбергъ: „Рабочій вопросъ и соціализмъ“—стр. 96.

не болѣе, несправедливо обвиненіе „братствомъ“ и русскаго православія. Извѣстно, что въ до-Петровское время православная Церковь запечатлѣвала духомъ Христовыи всѣ стороны экономической, общественной и политической жизни Руси, такъ что до-Петровская Русь справедливо можетъ быть названа по преимуществу *церковной*. Образованіе, которое въ то время получалъ и богатый купецъ, и бѣдный крестьянинъ, и вельможный бояринъ, и самъ царь московскій являлось исключительно церковнымъ, а это объединяло міровоззрѣніе разныхъ слоевъ русскаго общества по вопросамъ бытовымъ, общественнымъ и государственнымъ и давало церкви мирное орудіе для всесторонняго вліянія на жизнь всея Руси, сверху—донизу. И это вліяніе виѣ всякаго сомнѣнія. Въ древней Руси, говоритъ Н. И. Тиктинъ, „задача духовенства была трудна и разнообразна... Князья во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ *внутренней* и *внѣшней политики* со-вѣтуются съ духовенствомъ, предоставляютъ его вѣдомству и юрисдикціи множество предметовъ и лицъ, по существу своему не имѣющихъ прямого отношенія къ Церкви, открываютъ свободный доступъ вліянію духовенства въ самыя внутреннія сферы народнаго быта, приближаютъ къ духовенству народную жизнь, преимущественно съ тѣхъ сторонъ, на которыхъ сильнѣе запечатлѣлись слѣды язычества и старого быта, и которая всего менѣе могли быть изглажены мѣрами гражданскими, внѣшними (напр., весь семейный бытъ со всѣми отношеніями, изъ него вытекающими, со всѣми преступленіями, нарушающими его святость и чистоту, подчиненъ былъ вѣдомству и суду Церкви)... Духовенство, вслѣдствіе особыхъ правъ, ему предоставленныхъ, было замѣшано почти *во всѣ интересы страны*, принимало живѣйшее участіе въ дѣлахъ законодательства, управлениія и суда“...¹⁾). Съ древнѣйшихъ временъ русскіе князья—Владимиръ и Ярославъ Мудрый уже со-вѣщаются съ духовенствомъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ своего княженія. Получившій въ то время свое начало извѣстный *„Освященный соборъ“*, изъ котораго затѣмъ въ московской Руси выработался земскій соборъ, имѣлъ огромнѣйшее значеніе въ об-

¹⁾ „Византійское право, какъ источникъ уложенія 1648 г. и новоуказанныхъ статей“—Н. И. Тиктинъ. Одесса. 1898 г. стр. 19.

щественной и политической жизни не только княжеской, но и царской Московской Руси. Лучше всего участие православной церкви въ мірскихъ дѣлахъ Руси обрисовано московскими послами, которые въ 1610 году говорили полякамъ: „изначала у насъ въ русскомъ царствѣ такъ велось: если великия государственные или земскія дѣла начнутся, то великие государи наши призывали къ себѣ на Соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ (т. е. „*Освященный соборъ*“) и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“. Совершенно справедливо посему И. С. Аксаковъ замѣчаетъ: „руssкое государство лучшими сторонами своего бытія, своимъ *внутреннимъ* единствомъ, цѣлостью и крѣпостью *духовной* обязано именно Церкви и іерархи православные были въ то-же время и главными зиждителями нашего *государственного* строя и величія, но имъ противно было *политическое* властолюбіе“¹⁾). Извѣстный Ю. Ф. Самаринъ говорить, что „руssкое государство возникло и разрослось подъ сѣнью единства народной вѣры и Церкви и что это начало вынесло Россію изъ ужаснаго кризиса междуцарствія“²⁾). Исторія русская свидѣтельствуетъ, пишеть проф. Бердниковъ, что православная Церковь спасала престолы царей, заботилась о прочности этихъ престоловъ, о крѣпости самодержавія...³⁾). Несколько не преувеличивая, можно сказать, что православная вѣра въ Россіи была *общественнымъ* и *бытовымъ* началомъ и проникала собою *историческое* бытіе русскаго народа; что безъ разумѣнія духовно-исторического элемента Россіи невозможно ясное разумѣніе самой Россіи и ея, повидимому, чисто вѣщнихъ, даже *политическихъ* обстоятельствъ⁴⁾). Все это подмѣчали даже иностранцы, какъ, напримѣръ, нѣмецкій профессоръ Овербекъ. Но, къ сожалѣнію, *Братство* совершенно игнорируетъ данныя исторіи и предпочитаетъ парить въ облакахъ, хотя-бы для собственного самоуслажденія... Мы не станемъ утверждать, что православная Церковь

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. IV, стр. 723.

²⁾ Ю. Самаринъ: „Стефанъ Яворскій и Феоф. Прокоповичъ“ М. 1880 г. стр. 214.

³⁾ Проф. И. С. Бердниковъ. „Краткій курсъ Церк. Права Прав. Церк.“ Казань 1903 г. стр. 298.

⁴⁾ И. С. Аксаковъ, т. IV, стр. 52.

и въ Петровской Россіи осталась со своимъ прежнимъ вліяніемъ на всѣ стороны жизни русскаго народа. Напротивъ, со временъ Петра I-го, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. И. С. Бердниковъ, Русское государство освобождаетъ себя отъ воспитательного вліянія Церкви, не желаетъ имѣть ее совѣтникомъ и менторомъ въ своихъ дѣлахъ, и даже находитъ нужнымъ подчинить Церковь своимъ видамъ и сдѣлать изъ нея послушное орудіе въ ихъ достиженіи. Приложеніе духовенства до полнаго лишенія голоса въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, конечно, сопровождалось и потерю должнаго вліянія Церкви на религіозно-нравственное воспитаніе народа и отразилось на прочности коренныхъ устоевъ общественного порядка, въ томъ числѣ и самодержавія¹⁾). Но во всемъ этомъ Церковь неповинна. Никогда она не отказывалась отъ правъ „Освященнаго собора“ въ Императорской Россіи... Напротивъ, всегда и нынѣ скорбить о лишеніи ея этихъ правъ... Возврата ихъ Церкви требуетъ и благо Россіи, и духъ народа русскаго, и благо самого Самодержавія... Лучшіе сыны Церкви ясно и рѣшительно заявляли, что государство въ принципѣ не имѣть законныхъ основаній къ изолированію Церкви отъ вліянія на ходъ общественной и политической жизни въ немъ. Христіанское *общество*, пишетъ И. С. Аксаковъ, для котораго государство служить внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношения къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ своего общественного существованія, которое не хотѣло-бы съ ними считаться; не можетъ въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченному въ государственную форму, признать другой души, другого *нравственнаго* идеала, кромѣ той души и того идеала, которые оно само влагаетъ; не можетъ дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы само себя кумиромъ (какъ то было въ языческомъ мірѣ). Начало государственное должно въ *общественномъ сознаніи* состоять въ отношеніи нравственного подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу.

Христіанство, читаемъ у В. С. Соловьевъ, прійдя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—госу-

¹⁾ И. С. Бердниковъ, стр. 295—298.

дарство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія—это добровольное служеніе высшей цѣли—т. е. Царству Божію. Оно призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви и требуетъ, чтобы оно проводило въ *политическую и международную жизнь* нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобію церкви Христовой. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель *всѣхъ правъ*, какъ языческій кесарь,—онъ, главнымъ образомъ, есть носитель всѣхъ обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ. А Церковь должна освящать и чрезъ посредство христіанскаго государства преобразовывать всю *естественную, земную жизнь народа и общества*. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же В. С. Соловьевъ пишетъ¹⁾: чтобы возродить все человѣчество, христіанство должно проникнуть не только *его личныя*, но и *общественныя стихіи*. Богочеловѣческая связь должна быть возстановлена не только индивидуально, но и *собирательно*. Какъ божественная стихія имѣть свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто-человѣческая стихія имѣть подобное-же выраженіе въ государствѣ, и, следовательно, богочеловѣческая связь выражается собирательно въ *свободномъ сочетаніи* Церкви и государства, причемъ это послѣднее является уже какъ *христіанское государство*[“]. Если-же у насъ нынѣ, со временъ Петра I, наоборотъ, т. е. *государственное христіанство* или *государственная церковность*, то каждый знаетъ, что это вопреки религіозному сознанію православной Церкви, въ совокупности ея пастырей и пасомыхъ. Знаменитый государственный мужъ, стоящій на стражѣ интересовъ государства въ православной Церкви, ясно и неоспоримо заявляетъ: „могно-ли ожидать, чтобы Церковь—не говорю уже католическая, а Церковь какая-бы то ни была—согласилась устранить изъ сознанія своего гражданское общество, семейное общество, человѣческое общество—все то, что разумѣется въ словѣ: государство? Съ которыхъ порѣ положено, что Церковь существуетъ для того, чтобы образовывать аскетовъ, наполнять монастыри и выказывать въ хра-

¹⁾ В. С. Соловьевъ: „Духовныя основы жизни“. Изд. 3-е стр. 158—159.

махъ поэзію своихъ обрядовъ и процессій? Нѣть, все это—лишь малая часть той дѣятельности, которую Церковьставить себѣ цѣлью. Ей указано иное званіе: *научите вся языки*. Вотъ ея дѣло. Ей предстоитъ образовывать на землѣ людей для того, чтобы люди, среди земного града и земной семьи, содѣлались не совсѣмъ недостойными вступить въ градъ небесный и небесное общеніе. При рожденіи, при бракѣ, при смерти—въ самые главные моменты бытія человѣческаго, Церковь является съ тремя торжественными таинствами,—а говорять, что ей нѣть дѣла до семейства! На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и къ властямъ, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой,—а говорять, что ей нѣть дѣла до общества! Нѣть,—нравственное начало единое. Оно не можетъ двоиться, такъ чтобы одно было нравственное ученіе частное, другое общественное; одно—свѣтское, другое—духовное. Единое нравственное начало объемлетъ всѣ отношения—частныя, домашнія, политическія, и Церковь, хранящая сознаніе своего достоинства, никогда не откажется отъ своего законнаго вліянія въ вопросахъ, относящихся и до семьи, и до гражданскаго общества¹⁾.

Остается къ этимъ словамъ великаго дѣятеля государства и Церкви присоединить лишь горячее пожеланіе, чтобы русское государство, особенно въ наше смутное время, вскорѣ вступило на этотъ, вѣками у насъ освященный и вытекающій изъ идеи *христіанскаго* государства, путь отношенія къ православной Церкви.

Сказаннаго нами здѣсь²⁾ вполнѣ достаточно для того, чтобы стала ясной грубая несправедливость *Братства* по отношенію къ историческому и, въ частности, православному христианству, якобы повинному въ томъ, что оно забыло-де обязанность „дѣйственно осуществлять вселенскую правду богочеловѣчества“ въ экономической, общественной и государственной жизни людей. И мы посовѣтовали-бы Братству „съ отшельническимъ ужасомъ“ отвернуться отъ явной клеветы на историческое христіанство и показать намъ свой настоящій обликъ, настоящую причину своего озлобленія на исто-

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ. „Моск. Сборн.“ М. 1901 г., стр. 10-я.

²⁾ Подробнѣе см. нашу брошюру: „Православная Церковь и высшія государственные учрежденія въ Россіи“: Москва. 1912 г.

рическое и особенно на православное христианство. Эта-то причина и выступает предъ нами рельефно тамъ, гдѣ „братство“ отъ „общей“ задачи своей практической дѣятельности переходитъ къ указанію задачъ „частныхъ“. Здѣсь мы видимъ, что „братство“ негодуетъ на православную русскую Церковь не за то, что послѣдняя якобы въ принципѣ противъ своего участія въ общественной и политической жизни Россіи, а за то, что она это участіе проявляетъ въ нежелательномъ для „братства“ духѣ. Но это уже *особая* статья!..

Отъ *общей* задачи „Христіанского Братства Борьбы“ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію его *частныхъ* задачъ, гдѣ такъ ярко сказалась фізіономія „Братства“.

Въ ряду этихъ *частныхъ* задачъ первой задачей „Братства“ является „борьба съ Самодержавіемъ“. Самодержавіе, по заявлению „Братства“, на русскомъ народномъ тѣлѣ оказывается „безконечно ужаснымъ, злоказтвеннымъ нарывомъ, который отравляетъ и парализуетъ собой всѣ отправленія народной жизни“. Ни о какихъ дѣйствительныхъ улучшеніяхъ, ни о какомъ оздоровленіи общественного организма, пишетъ „Братство“, не можетъ быть рѣчи раньше, чѣмъ не вскрыть этой нарывъ. И потому, заключаетъ братство, борьба съ Самодержавіемъ выдвигается въ число первыхъ по времени задачъ „Братства“.

Такое порицаніе „Братствомъ“ русского Самодержавія рабски скопировано съ подпольныхъ изданій многочисленныхъ у насъ комитетовъ „Россійской соціаль-демократической рабочей партіи“ и „Россійской соціаль-революціонной партіи“. Въ самомъ дѣлѣ, почему „Братство“ не постаралось обосновать свой взглядъ на русское Самодержавіе на данныхъ русской исторіи, русского государственного права, и особенно на міровоззрѣніи русского народа? Вѣдь то государственное знамя, на которомъ искони у насъ начертано: „Православіе, Самодержавіе, Народность“,—водрузили у насъ *совмѣстно* церковные дѣятели, вѣнценосные монархи и русскій народъ, такъ какъ видѣли въ немъ свое *общее* благо, спасеніе и процвѣтаніе дорогой имъ Россіи. Это знамя высоко держали наши предки. Не пошатнули его и тѣ мощнія вѣянія, которыя сразу хлынули съ Запада на Русь чрезъ широко прорублен-

ное Петромъ I окно. Лишь слегка они зарябили поверхность великаго русскаго моря. Дальше роли „калифовъ на часъ“ они у насъ не пошли. Творцы различныхъ политическихъ доктринъ и туманныхъ идеаловъ „кипѣли“ у насъ „въ дѣйствіи пустомъ“, хотя и съ порывомъ „въ Наполеоны“. Русское знамя стояло непоколебимо. Въ сильной рукѣ великаго знаменоносца, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, оно даже достигло рѣдкаго величія. И только теперь, къ сожалѣнію, наступили иные дни... Государственная машина ослабѣла... Изъ подполья повыползли разныя „Братства борьбы“,—эти „темные дѣльцы“, и ринулись на вѣковую твердыню русскаго народнаго благополучія. Однако, русскій народъ не глина въ рукахъ этихъ „горшечныхъ благодѣтелей“, онъ знаетъ, что они работаютъ *только на себя*. А въ Самодержавномъ Царѣ русскій народъ чтить *свою* „Царя—Батюшку“, „Царя—Корниліца“. Многомилліонный русскій крестьянинъ знаетъ, что только благодаря Царю-Батюшкѣ порвалась на Руси цѣль великая и десятки миллионовъ кровныхъ русскихъ людей получили возможность быть людьми... Только отъ Царя-Батюшки русскій народъ и ждетъ къ себѣ дѣйствительно отеческаго, а не наемническаго отношенія. И никакія софистическія ухищренія „Братства“ не похитятъ изъ сердца народнаго этой вѣры и надежды. И что взамѣнъ этого предложитъ „Братство“ русскому человѣку? Политическій строй западно-европейскихъ государствъ съ ихъ „оздоровленнымъ общественнымъ организмомъ“!.. Но вѣдь и на западѣ теперь повсюду рушилась вѣра въ парламентаризмъ, какъ въ универсальное средство отъ всѣхъ недуговъ политической и общественной жизни человѣка. Къ чему же одѣвать русскаго человѣка въ истасканный кафтанъ?.. Развѣ съ той только цѣлью, чтобы въ новый одѣться самому! Отсюда-то и идетъ походъ „Братства“ противъ историческаго сокровища русскаго народа—Самодержавія, которое одно только стоить неодолимой преградой на пути къ наглому и безнаказанному оби-рательству русскаго народа разными темными дѣльцами.

Борьбу съ Самодержавіемъ „Братство“ намѣreno вести, главнымъ образомъ, двумя путями: съ одной стороны оно будетъ обличать передъ всѣмъ народомъ, во всѣхъ классахъ

общества,— „религіозную неправду“ Самодержавія, а съ другой,— наряду съ родственными ему политическими партіями, будетъ бороться съ Самодержавіемъ, какъ „съ злой политической и общественной силой“, работая на установлениe въ Россіи „свободнаго конституціоннаго режима“!..

Въ чемъ же, по мнѣнію „Братства“, состоить „религіозная неправда“ Самодержавія? Объ этомъ мы узнаемъ изъ изданій Братства: „Задачи христіанского братства борьбы“, „къ епископамъ русской церкви“, „къ духовенству и всѣмъ, считающимъ себя христіанами“, „къ войскамъ“, „къ крестьянамъ“ и проч... Въ посланіи „къ епископамъ русской Церкви“ названное „Братство“ обращается къ предстоящему на Руси помѣстному Собору съ просьбою освободить религіозную совѣсть мірянъ отъ страшнаго соблазна. Сущность этого „соблазна“ такова:

— „По опредѣленію закона Самодержавная власть неограничена.—Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный неограниченный. Это—выраженіе закона и значить смысьль обязательенъ для всякаго подданнаго Россійской Имперіи. Изначать, когда въ самыя торжественные минуты богослуженія насть приглашаютъ молиться за Самодержавнаго Царя, мы должны молиться за него, какъ за неограниченного монарха. А между тѣмъ мы не только не можемъ молиться за неограниченного монарха, но и рѣшительно не можемъ просто его признавать, ибо такое признаніе есть явное отступничество отъ Христа и продолжа своеї христіанской свободы. Почему—это видно изъ дальнѣйшаго. Признавать по совѣсти Царя своимъ неограниченнымъ государемъ—это значитъ признавать, что онъ можетъ дѣлать съ признающими такъ все, что захочетъ (ибо власть его неограничена), можетъ приказать ему все, что хочетъ, и онъ долженъ повиноваться всякому приказанію, каково-бы оно ни было, согласно обѣщанію, ибо обѣщаніе дано было по совѣсти. Значить, если Царь прикажетъ поклониться идолу, или совершить богохульство, то и тутъ признающій Царя своимъ неограниченнымъ государемъ долженъ будетъ повиноваться согласно обѣщанію... Признаніе Царя Самодержавнымъ равносильно утратѣ всякой свободы. Признавшій Царя своимъ неограниченнымъ государемъ, тѣмъ самимъ окончательно теряетъ возможность служить Христу; ибо такое признаніе заключаетъ въ себѣ потенциальное утвер-

жденіе, что въ случаѣ возникновенія дилеммы—Царь или Христосъ—нужно стоять за Царя, а не за Христа. Признавшій Царя неограниченнымъ государемъ навсегда и окончательно выбираеть себѣ господина; но выбравъ въ дѣйствительности одного господина, онъ уже теряетъ свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не можетъ служить и Христу, ибо сказано Христомъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ“ (Мате. 6, 24).

,Такимъ образомъ, каждый актъ согласія на признаніе неограниченной Царской власти равносиленъ утвержденію въ далекихъ логическихъ слѣдствіяхъ отпаденія отъ Христа, т. е. признаніе самодержавія есть *скрытое* (а для тѣхъ, кто сознаетъ это, и *явное*) *отступленіе отъ Христа*; и значитъ, съ христіанствомъ такое признаніе абсолютно несоединимо и религіозною совѣстью непріемлемо.

,На это могутъ сказать, что самая дилемма—Царь или Христосъ—невозможна, ибо Царь, по вѣрѣ церковной и народной, является помазанникомъ Божіимъ и исполнителемъ не своей воли, а воли Самого Бога. Но тѣ, кто такъ утверждаютъ, пусть зададутъ себѣ по совѣсти такой вопросъ: тѣмъ, что Царь помазанникъ Божій, отнимается-ли у него возможность и отпасть отъ Христа? Если не отнимается, тогда сказанное выше сохраняетъ всю свою силу. Если-же отнимается, если признается, что Царь не только благочестивъ, но и выше возможности погрѣшить, т. е. выше всякаго грѣха, тогда получается уже нѣчто совсѣмъ неподобающее. Вся условность человѣческаго существа снимается съ Царя, онъ становится безусловнымъ—абсолютомъ, человѣкобогомъ, богомъ. Остается воздвигать ему алтари и кадить ѿміамомъ, воздавая божескія почести, какъ это дѣлали въ древнемъ языческомъ Римѣ. А въ Писаніи сказано: „да не будутъ тебѣ бози ини развѣ Мене“. Наша Церковь считаетъ за ересь папизмъ, но тутъ больше папизма, тутъ языческій необузданній цезаропапизмъ, открытое поклоненіе „генію“ императора, забвеніе святой крови всѣхъ мучениковъ первыхъ временъ христіанства и больше того: тутъ уже совершается поклоненіе еще непрішедшему Звѣрю, ибо въ самомъ *принципѣ* Самодержавія лежить возможность *Антихриста*. Это понято народнымъ религіознымъ сознаніемъ. Изучающіе расколъ знаютъ, какъ много мѣста въ немъ занимаетъ ужасъ предъ антихристіанскимъ наклономъ самодержавной власти (значить, можетъ быть и *христіанская* самодержавная власть?.. *Авт.*).

Чувствуя слабость вліянія на народный умъ своихъ разсудочныхъ доводовъ въ отверженіе Самодержавія, „Братство“ далъе пытается подкопаться подъ вѣру народную въ Самодержавіе и путемъ тенденціознаго разбора „біблейскихъ оснований „культа“ самодержавной власти“.

— „Часто, пишетъ „Братство“ въ томъ-же посланіи „къ епіскопамъ русской церкви“, приводятъ слова ап. Петра: будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: Царю ли, какъ верховной власти, правителямъ, отъ него поставленнымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13—14). Изъ этого заключаютъ: разъ ап. Петръ за-~~пол~~дуетъ покорность всякому человѣческому начальству, то значитъ и покорность Самодержавному Царю. Сколько лжи и отступничества въ такомъ формально правильномъ заключеніи, видно изъ слѣдующаго. Когда тому-же самому ап. Петру „начальники, старѣйшины, книжники, первосвященники и прочіе изъ рода первосвященническаго“ (Дѣян. 4, 5—6) приказали „не учить обь имени Иисуса,“ — что сдѣлалъ ап. Петръ? Повиновался ли во исполненіе своихъ же словъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству?“ Конечно, нѣтъ. Вмѣстѣ съ ап. Иоанномъ — „столпомъ Церкви“ онъ сказалъ: „судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога“ и отказался повиноваться. Въ другой разъ на второе запрещеніе Петръ, вмѣстѣ съ другими Апостолами (значитъ, это голосъ всѣхъ Апостоловъ) сказалъ еще яснѣ и рѣзче: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Значитъ, ап. Петръ учить насть повиноваться человѣческому начальству не всегда и не безусловно, а *только* тогда, когда приказанія этого начальства не противорѣчатъ нашей совѣсти, и больше того — своею жизнью ап. Петръ учить насть быть непокорными и открыто не повиноваться человѣческому начальству, когда оно запрещаетъ дѣлать то, что мы считаемъ нашимъ религіознымъ долгомъ. И значитъ, у ап. Петра мы можемъ найти не защиту Самодержавія (*всякаго ли?!*), а совершенно ясный завѣтъ открыто заявить и исповѣдать религіозную неправду Самодержавія и отказаться его признавать (*sic!*).

Другимъ біблейскимъ мѣстомъ, на которомъ „Братство“ останавливаетъ свое вниманіе, служать известныя слова ап. Павла въ его посланіи къ Римлянамъ (13 гл. 1—2).

— „Если, пишеть далъе „Братство“, словами ап. Петра злоупотреблять (?) невозможно въ виду ясныхъ другихъ его словъ, то, быть можетъ, хоть съ видимостью правдоподобія можно недобросовѣстно (?) использовать слѣдующія слова ап. Павла: „всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“.. (Рим. 13, 1—2. Стоило бы выписать и дальнѣйшія слова ап. Павла!). Къ счастью, и этого сдѣлать нельзя въ виду одного несомнѣнного и безспорного факта: какъ признаетъ Церковь, ап. Павель, говоря словами мужа апостольского Клиmentа римскаго, „мученически засвидѣтельствовалъ истину предъ правителями“ (Посл. Клим. къ Кор. 5 гл.), т. е. вмѣстѣ съ другими мучениками погибъ за то, что отказался воздать Императорской власти божеское поклоненіе. Этотъ фактъ прежде всего значитъ, что тотъ же самый апостолъ, который говорилъ: „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“, не только не считалъ возможнымъ исполнять всякое приказаніе этой, по его же словамъ, Богомъ установленной власти, но даже открыто не повиновался ей и не слушалъ извѣстныхъ ея приказаній, за что и поплатился мученичествомъ. Этимъ ап. Павель учитъ, что изъ того, что власть установлена Богомъ, вовсе нельзя заключать, что она не имѣеть предѣловъ, является *неограниченной*, и можетъ прикрывать все, что угодно. Фактомъ своего мученичества апостолъ указываетъ, что императорской власти въ качествѣ *неограниченной*, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежитъ, онъ не признавалъ. А если мы скажемъ, что въ этомъ направленіи, т. е. въ мученичествѣ, онъ, Богомъ вдохновенный святой апостолъ, поступалъ не по случайнымъ соображеніямъ, а дѣйствовалъ, какъ онъ считалъ *должнымъ* дѣйствовать, то значитъ въ его непризнаніи неограниченной Императорской власти лежитъ прямой завѣтъ всѣмъ вѣрующимъ такъ же, какъ и онъ, ея не признавать и открыто заявлять о своемъ непризнаніи. Если же мы вспомнимъ, что въ этомъ непризнаніи ап. Павель былъ не однокъ, а съ нимъ вмѣстѣ не признавали цѣлыхъ тысячи святыхъ мучениковъ и запечатлѣли свое непризнаніе мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставить намъ тотъ же завѣтъ, что и святые апостолы: во имя Христа отказаться отъ признанія нашей теперешней неограниченной Царской власти— Самодержавія.

Выводы, къ которымъ приходитъ „Братство“, на основаніи высказанныхъ соображеній, таковы:

— „Самодержавіе абсолютно непріемлемо христіанською совістю. Сознательное признаніе его равносильно отступничеству отъ Христа, и потому Русская Церковь, не искушая болѣе долготерпнія Божія, должна первымъ своимъ сознательнымъ и воистину церковнымъ, т. е. Христовымъ дѣйствіемъ сдѣлать исповѣданіе „истини предъ правителями“, т. е. другими словами—на предстоящемъ Соборѣ необходимо именно Церкви потребовать отъ Царя отказа отъ Самодержавія и сдѣлать это исключительно во имя *религіозныхъ* соображеній. Этимъ мы вовсе не говоримъ, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться съ Самодержавіемъ и какъ со злой политической и общественной силой. Но только дѣлать это она должна не чрезъ духовенство, а чрезъ *мірянъ*, ибо „каждый долженъ служить сообразно съ тѣмъ даромъ, который получилъ отъ Бога (sic!). На Церковномъ Соборѣ, созванномъ для устроенія Церкви, мотивировка можетъ быть только религіозна. Итакъ, вотъ чего мы ждемъ отъ Собора прежде всего. Только совершивъ это, Соборъ получить дѣйствительную свободу, безъ которой совершенно немыслима созиадельная работа по устройству Церкви на каноническихъ основаніяхъ“...

Вотъ *все*, что могло сказать „Братство“ въ обличеніе „религіозной неправды“ Русского Самодержавія. Тѣ-же мысли, но въ болѣе популярной формѣ, оно проводить въ воззваніяхъ „къ крестьянамъ“ и „къ войскамъ“, призывая тѣхъ и другихъ: „не служить царской власти, богохульно называющейся самодержавной... не идти на войну и не усмирять бунтовщиковъ... не убивать японцевъ, а молиться за нихъ, какъ за враговъ¹⁾“... Все это уснащено ссылками на общеизвѣстные тексты изъ св. Писанія Нового Завѣта, съ присоединеніемъ къ нимъ превратныхъ толкованій.

Мы съ цѣлью опять *полностью* привели вышеизложенные доводы „Братства“, направленные противъ Самодержавія, чтобы при разборѣ оныхъ насъ кто-либо не заподозрилъ въ передержкѣ мыслей „Братства“.

1) Намъ пришлось убѣдиться, на основаніи многихъ бесѣдъ съ солдатами, что пропаганда такихъ идей широко развивалась въ нашихъ войскахъ на Дальнемъ Востокѣ. *Авт.*

Посмотримъ теперь, насколько прочень фундаментъ, на которомъ „Братство“ и вообще его члены—„неохристіане“ строять свое зданіе и другихъ зовутъ къ тому-же. Впрочемъ, „неохристіанского“ зданія собственно и не видно, а заявляютъ они себя пока только разрушительною работою. Посему намъ надлежитъ разобрать тотъ, такъ-сказать, таранъ, съ которымъ „неохристіане“ выступили противъ Самодержавія, и оцѣнить его по достоинству. „Братство“ считаетъ признаніе Царя за самодержавнаго и неограниченаго монарха несомнѣстимъ съ религіозною совѣстю христіанина, потому что такое признаніе является для послѣдняго якобы „*явныи отступничествомъ отъ Христа и продажею своей христіанской свободы*“. Но такъ-ли? Гдѣ основанія для подобнаго утвержденія? Какъ мы видѣли, „Братство“ черпаетъ ихъ въ разсудочныхъ соображеніяхъ, въ разсужденіи о томъ: что такое „*неограниченная*“ власть? По мнѣнію „Братства“, *неограниченный* государь можетъ дѣлать съ признающимъ его по совѣсти за таковаго „*все, что захочетъ*“, можетъ приказать ему „*все, что хочетъ*“, и послѣдній долженъ повиноваться „*всякому приказанию*“, каково бы оно ни было, будеть ли то приказъ „поклониться идолу, или совершить богохульство“, или т. под. Посему-де признаніе Царя за неограниченаго монарха и является, по мнѣнію „Братства“, равносильнымъ утратѣ *всякой свободы*.

Нельзя не подивиться наивности „братскихъ“ разсужденій и невѣрности сдѣланныхъ имъ выводовъ. Прежде всего, необходимо замѣтить, что „Братство“ задалось цѣлью бороться съ *Русскимъ* Самодержавіемъ. Посему ему нужно было сперва доказать, что *неограниченная* власть именно *Русскаго* Царя, по существу своему и на основаніи дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, является такой, какой выставило „Братство“ *вообще „неограниченную“ власть*. Между тѣмъ „Братство“ главное оставило въ сторонѣ, не безъ предвзятой, конечно, цѣли, а пустилось въ абстрактныя разсужденія о „*неограниченной*“ власти, какъ будто вопросъ о томъ, что именно съ *такими* свойствами является на Руси Самодержавная власть, не подлежитъ сомнѣнію!.. Да, притомъ, и въ этой абстрактной области „Братство“, попросту говоря, напутало, смѣшавъ не только *неограниченность абсолютную*, свойственную Богу, съ *условной*, доступною человѣку, но и съ *произволомъ*. Власть произвольная дѣйствительно основана на „*хотѣніи*“, игнори-

рующемъ мотивы нравственного порядка и чувство законности, на которые опирается въ идеѣ своего существованія власть неограниченная. И смѣшивать власть произвольную съ властью неограниченной, какъ то дѣлаетъ „Братство“, по меньшей мѣрѣ неосновательно. Но оставимъ счеты съ потугами „Братства“ на абстрактное мышленіе. Посмотримъ, дѣйствительно-ли *самодержавная и неограниченная* власть *Русскаго* Монарха несовмѣстима съ религіозною совѣтствью христіанина, какъ будто лишающая его *христіанской* свободы?

Что такое „*неограниченность*“ власти Русскаго Царя? Есть-ли эта неограниченность абсолютная, самодовлѣющая, или-же условная, почерпающая свою жизненность *изънъ*? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ „Основнымъ Законамъ“ Российской Имперіи, въ ихъ прежней редакціи, каковую и имѣть въ виду „Братство“. Въ ст. 1-й читаемъ: „Императоръ Россійскій есть Монархъ *самодержавный и неограниченный*.—Повиноваться *верховной* Его власти не только за страхъ, но и за совѣсть *Самъ Богъ* повелѣваетъ“. Здѣсь власть Русскаго Монарха выступаетъ предъ нами съ тремя свойствами,— она является верховной, самодержавной и неограниченной¹⁾); иначе, русскому Монарху принадлежитъ *высшая* въ государствѣ власть и притомъ *вся полнота* государственной власти— власть законодательная, судебная и управительная сосредоточена въ его рукахъ²⁾. Необходимость повиновенія такой власти законъ, что особенно важно, объясняетъ повелѣніемъ *не самого Монарха*, какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, *а Бога*— „Самъ Богъ повелѣваетъ“. Слѣдовательно, власть Русскаго Монарха *не самодовлѣющая*, а въ своемъ происхожденіи и содержаніи поставляется закономъ въ зависимость отъ велѣній Бога³⁾. Посему, *Русскій Самодержецъ*, если и „*неограниченный*

1) По толкованію лучшихъ юристовъ, выраженія: „самодержавный“ и „неограниченный“ означаютъ одно и тоже и употреблены вмѣстѣ для большей ясности (см. „Русск. Госуд. Право“ Н. М. Коркунова, т. I, 1904 г. стр. 203—204.—См. нашу брошюру: „Власть Русскаго Царя“. Москва. 1912 г.).

2) См. Н. М. Коркунова: „Русск. Госуд. Пр.“ Т. I, 1904 г. стр. 200-я, Н. Н. Дружинина „Общепон. законовѣдѣніе“ М. 1898 г. стр. 163—165.

3) Сила этого закона для Русскаго Монарха непоколебима. Онъ не можетъ поставить свою власть въ зависимость отъ другой воли, кроме Божьей. Таково рѣшеніе русскаго народа, установившаго *единодержавіе* и освятившаго его чрезъ Церковь, эту исконную божественную хранительницу и выразительницу русскаго единства.

Монархъ“, то не въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, а въ условномъ, т. е. неограниченный волею *подданныхъ* Россійской Имперіи и всецѣло зависимый *отъ Бога* во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ. Какъ нельзя лучше полная зависимость Русскихъ Монарховъ отъ Бога сказывается въ глубокомъ по своему значенію обрядѣ вѣнчанія ихъ на Царство¹⁾. По вступленіи на прародительскій престолъ, Государь и Его Августѣйшая Супруга, въ заранѣе объявленное по соизволенію Государя время, получаютъ утвержденіе на престолъ чрезъ священное вѣнчаніе (коронованіе) и монопомазаніе. Мѣстомъ священнодѣйствія служить Московскій Успенскій Соборъ. Самое священнодѣйствіе совершается по особому чину православной Греко-Россійской Церкви, въ присутствіи представителей отъ высшихъ государственныхъ установлений и отъ всѣхъ сословій Имперіи. Предстоятель Церкви—Московскій Митрополитъ, взойдя на амвонъ царскаго трона, предлагаетъ Государю: „по обычаю древнихъ христіанскихъ Монарховъ и Боговѣнчанныхъ Вашихъ предковъ, да *сובלѣтъ* Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ *исповѣдать* православно-каѳолическую вѣру: *како вѣруєши?*“ На вопросъ Митрополита Государь отвѣчаетъ, въ слухъ собравшихся представителей Государства и предъ лицемъ Церкви, произнесеніемъ *православнаю символа вѣры*. Затѣмъ Митрополитъ сходитъ съ трона и творить службу. Въ великой эктеніи произносятся *особыя* прошенія: „о еже благословитица царскому Его вѣнчанію *блаюсловеніемъ Царя Царствующихъ*; о еже укрѣплену быти скипетру Его десницею *Вышияю*; о еже помазаніемъ всесвятаго міра пріяти Ему съ *небесе* къ правленію и правосудію силу и премудрость; о еже получить Ему благоспѣшное во всемъ и долгодѣнственное царствованіе; яко да услышить Его Господь въ день печали и защититъ Его имя Бога Іаковля: яко да послѣтъ Ему помоць отъ Святаго, и отъ Сиона заступить Его; яко да подастъ Господь по сердцу Его и весь совѣтъ Его исполнить; яко да подчиненные суды Его немѣдиимны и нелицепріятны сохранить“... Послѣ сего, Царь облачается въ порфири, получаетъ *изъ рука святителя* вѣнецъ-корону и

1) См. „Краткое изложеніе славянофил. ученія“ А. Кирѣева, С.П.Б.—1896 г., стр. 37—38 и „Общепон. законовѣд.“ Н. П. Дружинина, стр. 106.

возлагаетъ его себѣ на главу, а Митрополитъ читаетъ рѣчъ о значеніи коронованія: „видимое сіе и вещественное главы Твоей украшеніе явный образъ есть, яко Тебя, главу Все-россійскаго Престола, *вънчаетъ невидимо Царь славы*, Христосъ, благословеніемъ Своимъ благостнымъ, *утверждая* Тебѣ *вла-дычественную и верховную* власть надъ людьми Своими“. По воспріятіи Государемъ скипетра и державы, увѣнчанныхъ крестомъ, Митрополитъ снова читаетъ: „о, *Богомъ вѣнчанный, и Богомъ дарованный и Богомъ преукрашенный, благочестивѣй-шій, Самодержавнійшій*, Великій Государь, Императоръ Все-россійскій!—прійми скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ *Вышия* надъ людьми Своими *Самодержавія* къ управлѣнію ихъ, и ко устроенію всякаго же-лаемаго имъ благополучія“. Послѣ, когда Государь, принявъ поздравленіе съ коронованіемъ отъ предстоящихъ лицъ ду-ховныхъ и свѣтскихъ, встаетъ съ престола и отдаетъ ски-петръ и державу,—Онъ, колѣнопреклоненный, читаетъ вслухъ молитву, въ которой „призываетъ,—говорить законъ (прим. 2-е, къ ст. 36 Осн. Зак.)—*Царя Царствующихъ*, да наставитъ Его, вразумить, и управить въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію Царству Всероссійскому, да будетъ съ Нимъ присѣдя-щая Божественному Престолу Премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божію, во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно *воздастъ Ему слово*“. Итакъ, *Русскій* Монархъ публично, предъ Церковью и народомъ, *связуетъ* Себя послушаніемъ Православной Церкви Христовой (ст. 13-я и 14-я Осн. Зак.), и только послѣ сего получаетъ *отъ Бога* чрезъ пастыря Церкви корону и другія царскія регаліи, т. е. *утверждается* Богомъ въ правахъ на прародительскій самодержавный престолъ. Посему то *Русскій* Монархъ и испо-вѣдуется *Бога* Своимъ Царемъ, Наставникомъ и Судію, *вру-чившимъ* Ему великое царское служеніе къ пользѣ *людей* Царства Всероссійскаго и къ славѣ *Божіей*. Посему-то Онъ и признается на Руси „*Богомъ избраннымъ*“ и дѣйствующимъ „*Божію поспѣшествующею милостію*“¹⁾.

Если-же воля *Русскаго* Монарха въ своихъ проявленіяхъ и въ своемъ существѣ всецѣло ограничивается волею „*Царя*

¹⁾ Н. М. Коркуновъ. „Русск. Госуд. Пр.“ т. I, стр. 208—236.

Царствующихъ», если *Рускій* Монархъ принимаетъ отъ Бога великій жребій царскаго служенія только „*къ пользу врученыхъ Ему людей и къ славу Божій*“¹⁾, то ясно, что Онъ не долженъ, нравственно не можетъ, въ силу этихъ полномочій, дѣлать съ Своими подданными „*все, что захочетъ*“, не можетъ приказать имъ „*все, что хочетъ*“, хотя-бы „*поклониться идолу, или совершиТЬ богохульство*“, какъ не можетъ лишить ихъ и **христіанской свободы!**.. Нѣть, *Рускій* Монархъ, въ силу Своей власти, не можетъ: оставаясь *Рускимъ* Монархомъ, заставить Своихъ подданныхъ „*поклониться идолу, или совершиТЬ богохульство*“, потому что „*Царь Царствующихъ*“, волю Котораго Онъ призванъ исполнять, ясно сказалъ: „не сотвори себѣ кумира и не поклоняйся ему“, и еще: „не хули имени Моего предъ народами“. И если-бы что-либо подобное случилось на Руси съ Монархомъ, то Онъ пересталъ-бы въ совѣсти народа быть „*Божіимъ служемъ*“, что тоже: пересталъ-бы быть на Руси Монархомъ. Совершенно справедливо говорить Л. Тихомировъ: „Монархъ несетъ въ Своемъ царствованіи лишь службу Богу. Такой власти народъ подчиняется безгранично, въ предѣлахъ ея Божія служенія¹⁾“²⁾, т.-е., пока Монархъ не заставляетъ подданнаго нарушить волю Божію и, слѣдовательно, самъ перестаетъ быть слугою Бога²⁾. Когда воля Монарха выйдетъ изъ подчиненія волѣ Божіей, тогда она перестаетъ быть обязательной для его подданныхъ. Это краеугольный камень *Русскаго Самодержавія*.. „Воля Отца Небеснаго... польза людей Царства Всероссійскаго и слава Божія“, или, какъ говорить митр. Филаретъ: „святость власти и союзъ любви между государемъ и народомъ“,—вотъ печать, которою должны быть запечатлѣны всѣ велѣнія Русскаго Монарха. Недаромъ извѣстный французскій соціалистъ Луи Бланъ въ своей „*Revue du Progrès*“ писалъ: „необходимо, чтобы власть получила узаконяющую ее санкцію со стороны свободно выраженной воли всѣхъ гражданъ, или-же разсматривалась, какъ воля Господа Бога. Выбирайте одно изъ двухъ: народъ или папу! И, дѣйствительно, всѣ защитники власти, делегированной отъ народа, какъ суверена, признаютъ, что такою делегаціею уничтожается взглядъ на

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Л. Тихомировъ: „Монархическая государственность“ ч. 1-я, стр. 112-я.

монарха, какъ на „небеснао помазанника“, какъ на получившаго свою власть *отъ Бога*¹). Здѣсь уже абсолютомъ является единственно воля народная, совершенно исключающая всякой другой источникъ власти, кромѣ коллективной воли всѣхъ гражданъ. Божественное начало смыняется чисто-человѣческимъ; гарантіей благополучія гражданъ являются не этически-религіозныя обязательства власти предъ Богомъ, а чисто-правовые, юридические акты договорнаго характера, съ ихъ мертвою и человѣческою „правдою“, съ порабощеніемъ сильными „мѣра сего“ слабыхъ, такъ какъ голосъ первыхъ въ наше развращенное время при избраніи правителей легко порабощаетъ голосъ послѣднихъ. Вотъ здѣсь-то и происходитъ настояще подавленіе въ людяхъ *христіанской свободы*, настояще порабощеніе въ людяхъ *христіанской совѣтъ*. Подчиненіе индивидуума власти происходитъ уже *не за совѣтъ, а за страхъ*.

Изъ сказаннаго мною о „неограниченности“ власти Русскаго Монарха сама собою вытекаетъ глубокая несправедливость другого упрека „неохристіанъ“ Царю, по которому признаніе Царя „неограниченнымъ“ якобы равносильно „*отступничеству отъ Христа*“. Къ такому заключенію „Братство“ приходитъ на томъ основаніи, что признавшій Царя неограниченнымъ государемъ навсегда и окончательно выбираетъ себѣ господина; но выбравъ въ дѣйствительности одного господина, онъ уже теряетъ свободу и возможность служить всякому другому, т.-е. не можетъ служить и Христу, ибо сказано Христомъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ“ (Мѳ. 6, 24).

Жалкое недомысліе! Вѣдь Христосъ говорилъ о невозможности служить двумъ господамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго и даже исключающимъ другъ друга—это „Богу и маммонѣ“. Но *Русскій Самодержецъ* развѣ Свою волею исключаетъ волю Бога? Развѣ Онъ не исповѣдуется Бога Своимъ „*Царемъ, Насставникомъ и Судію*“, развѣ не отдаетъ сердца Своего „въ руку Божію“ и не считаетъ Себя лишь „*Божиимъ слугою*“? А если такъ, что неоспоримо, то

¹) См. статью проф. М. М. Ковалевскаго въ приложеніи къ соч. проф. Пифферуна: „Европейскія избирательныя системы“ — „Къ исторіи избирательнаго права“—стр. 360-я.

можно-ли сколько нибудь серьезно говорить, что избравший себѣ Царя господиномъ не можетъ уже служить другому Господину—Христу?! Вѣдь Царь потому только и признается „господиномъ“, что исполняетъ волю не свою, а „Господина господъ“, или „Царя Царей“—Бога. *Верховная* власть въ мірѣ одна—это Божья, и, однако, Писаніе повелѣваетъ покоряться и Царю, какъ „*верховной власти*“, но только *для Господа* (1 Петр. 2, 13). Что-же: или и Ап. Петръ училъ „отступленію отъ Христа“?! И какою „наивностью“ дышить заявленіе „Братства“, что въ случаѣ дилеммы: Царь или Христосъ,—признавшій Царя „неограниченнымъ государемъ“ долженъ стоять за Царя, а не за Христа!.. Да почему-же? Вѣдь *Русскій* Монархъ признается *неограниченнымъ* только волею подданныхъ, но слугою Божіимъ. Слѣдовательно, если возникаетъ дилемма: Царь или подданный, то необходимо стать за Царя; но, по здравой логикѣ, отсутствіемъ которой страдаетъ „Братство“, при дилеммѣ: Царь или Христосъ, что тоже: слуга или Господинъ, необходимо стать за Христа, Котораго самъ *Русскій* Монархъ публично исповѣдалъ Своимъ „Царемъ и Судіею“. Возможность означенной дилеммы мы въ принципѣ допускаемъ, такъ какъ считаемъ противнымъ христіанскому сознанію типъ древне-римского „кесаря“, надѣленнаго атрибутами Бога¹⁾). По долгу справедливости, почему бы „Братству“ не взглянуть на тѣхъ защитниковъ „*народоправства*“, которые боготворять колективную волю гражданъ. Но тутъ ужъ „Братству“ пришлось-бы бичевать самого себя. И замѣчательна близорукость „Братства“: оно почему-то только въ „*принципъ Самодержавія*“ допускаетъ возможность Антихриста, только въ самодержавной власти допускаетъ антихристіанскій наклонъ, какъ-бы не видя, что *парламентаризмъ* явно отвергъ и именно *въ принципѣ* Божественную санкцію власти, а истиинное Самодержавіе, разумѣю Русское, наоборотъ, *въ принципѣ* поставило себя въ полную зависимость отъ Бога!..

Перейдемъ теперь къ разбору „братской“ критики *біблейскихъ* основаній „культа“ Самодержавной власти. Здѣсь уже мы сталкиваемся съ типичною сектантскою манерою обращенія

¹⁾ См. нашу книгу: „Орловск. мисс. съездъ, въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти“—1901 г. стр. 99—100; 103—104.

съ текстомъ Св. Писанія: то-же насилие надъ мыслью текста, то-же урѣзываніе и подтасовка текстовъ!..

Прежде всего „Братство“ приводить слова Ап. Петра, впрочемъ, не вполнѣ въ точной передачѣ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: Царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ отъ него поставленнымъ (правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ?) для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13—14). Изъ этого, разсуждаетъ „Братство“, *защитники самодержавія* заключаютъ: „разъ ап. Петръ заповѣдуетъ покорность всякому человѣческому начальству, то значитъ и Самодержавному Царю“. Да, скажемъ мы: „и Самодержавному Царю“. Напрасно только „Братство“ приписываетъ такое заключеніе „защитникамъ Самодержавія“, когда его сдѣлалъ *самъ Ап. Петръ*, который къ словамъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа“— добавилъ: „Царю-ли, какъ *верховной власти*“. А „*верховная*“ *власть* развѣ не то-же, что и „*Самодержавная*“?!¹⁾ Значить, покорность „верховной“ — самодержавной власти русскаго Царя повелѣваютъ христіанамъ не только „защитники Самодержавія“, а и великий Ап. Петръ. Но, конечно, какъ мы и раньше сказали, такая покорность происходит только при условіи подчиненія Монарха волѣ „Царя Царствующихъ“, что и разумѣлъ ап. Петръ въ словахъ: „для Господа“. Покорность Самодержцу есть покорность Господу, Его пославшему; а противленіе Самодержцу является противленіемъ Богу (Римл. 13, 1—2).

Покорность Самодержавному Царю, ясно заповѣданную Ап. Петромъ, „Братство“ силится ослабить и даже отвергнуть указаніемъ на два случая, когда Ап. Петръ отказался повиноваться „человѣческому начальству“, сказавъ: „судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога“ (Дѣян. 4, 19), и въ другой разъ: „должно повиноваться болѣше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Казалось-бы, что если въ словахъ Ап. Петра здѣсь видѣть отрицаніе человѣческой власти, то *всякой*, а не только Самодержавной, какъ то хочется „Братству“. Но ничего такого Ап. Петръ не говорилъ. Онъ только выяснилъ мысль о необходимости

¹⁾ См. и „Основ. Зак. Росс. Имп.“ — ст. 1-я.

„слушать и повиноваться Богу больше, нежели человѣкамъ“. Высшая власть въ мірѣ, которой все, въ томъ числѣ и человѣкъ подчиненъ—это власть Бога. Богъ—источникъ человѣческой власти. Послѣдняя не должна выходить изъ повиновенія Богу; въ случаѣ же дилеммы: Богъ или человѣкъ, совѣсть христіанина должна стоять за повиновеніе Богу. Вотъ что старался Ап. Петръ выяснить въ вышеприведенныхъ словахъ. Никакого отрицанія человѣческой власти вообще, и въ частности власти „верховной“—самодержавной мы не находимъ не только у Ап. Петра, но и нигдѣ въ Св. Писаніи. Единственно, о чёмъ твердить намъ Божественное Откровеніе,—это необходимость для настъ повиновенія „предержашииъ“ *властвамъ*, въ томъ числѣ и „верховной власти Царя“; а для властей необходимость повиновенія *всѧмъ Божіемъ*, необходимость быть *слугами Божіими*.

Такой-же смыслъ имѣть и другое библейское мѣсто, взятое „Братствомъ“ изъ посланія Ап. Павла къ Римлянамъ: „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“... (13 гл. 1—2 ст.)¹⁾. По мнѣнію „Братства“ и эти слова нельзя использовать въ защиту Самодержавной власти. Замѣчательно, однако, что „Братство“ совершенно уклоняется отъ анализа мысли, заключающейся въ словахъ Ап. Павла къ Римлянамъ (13 гл. 1 и 2 ст.), а силится вывести излюбленное имъ отрицаніе Самодержавія изъ того факта, что-де Ап. Павель „мученически засвидѣтельствовалъ истину передъ правителями“ (1-е посл. къ Коринѣ. Св. Клиmenta, еп. Римск. гл. V-я). Ап. Павель, разсуждаетъ „Братство“, погибъ за то, что отказался воздать Императорской власти *божеское* поклоненіе. Значить, заключаетъ „Братство“, апостоль не считалъ возможнымъ исполнять *всякое* приказаніе этой, по его-же словамъ, Богомъ установленной власти; болѣе того, онъ открыто не повиновался ей и не слушалъ извѣстныхъ ея приказаній. Своимъ мученичествомъ, по мнѣнію „Братства“, Ап. Павель учить, что изъ того, что власть установлена Богомъ, вовсе нельзѧ

1) Очевидно, „Братство“ не пожелало сдѣлать *полную* выписку процитированныхъ имъ 1-го и 2-го стиховъ, такъ какъ ужъ слишкомъ ясно они изобличаютъ ложь „Братства“!..

выводить, что она не имѣть предѣловъ, является „*неогра-
ниченой*“ и можетъ приказывать все, что угодно. Въ смерти
Ап. Павла „Братство“ видить завѣтъ вѣрующимъ не
признавать „*неограниченой* Императорской власти“, какъ
не призналъ ея самъ Апостолъ. Посему оно и призываетъ
„во имя Христа отказаться отъ признанія нашей (Русской)
теперешней неограниченой Царской власти—Самодержавія.

Сколько въ разсужденіяхъ и заключеніяхъ „Братства“
беззастѣнчивой лжи и сознательныхъ подтасовокъ!.. Прежде
всего удивителенъ этотъ скачокъ отъ языческаго римскаго
кесаря къ православному Самодержцу!.. Вѣдь Ап. Павель
имѣлъ дѣло не съ Русскимъ-же Царемъ?.. И Русскій Царь
не римскій-же кесарь?!. „Представитель власти въ христіан-
скомъ государствѣ, пишетъ В. С. Соловьевъ, не есть только
обладатель всѣхъ правъ, какъ языческій кесарь,—онъ, глав-
нымъ образомъ, есть носитель *обязанностей* христіанскаго
общества по отношенію къ *Перкви*, т. е. къ дѣлу *Божію* на
землѣ“... „Въ языческомъ мірѣ, говоритъ И. С. Аксаковъ,
не существовало *внѣ государства* высшаго идеала общежитія;
государство было для него выраженіемъ *высшей истины*. Само
въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, *само
олицетворенное божество*, такое государство (каковымъ быль
Римъ) стало уже немыслимо въ мірѣ христіанскомъ. Хри-
стіанство, открывъ человѣку и человѣчеству высшее при-
званіе *внѣ государства* и высшій идеалъ вселенскаго единства
въ Церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему
мѣсто, ограничило его значеніе значеніемъ „царства отъ
міра“, *указало предѣлы „кесарю“*, однимъ словомъ поставило
надъ *кесаремъ Божиа* и провозгласило то высшее, божественное
начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ
и управляемыхъ, а слѣдовательно *подчинено нравственно и
государство* и всякий иной видъ человѣческаго общежитія.
Въ наши дни, именно *на Западѣ*, мы видимъ попытку „кесаря“
раздвинуть предѣлы того, что ему отведено, и захватить то,
что принадлежитъ „Богови“. Онъ не мирится съ
мыслию, что надъ нимъ есть Богъ—Царь Царствующихъ;
онъ не терпитъ надъ собою никакого высшаго начала и
стремится поэтому вытѣснить Бога, Церковь, а съ ними и
душу и совѣсть, замѣнить ихъ исключительно „правовыми“

порядкомъ “... внести правовое, юридическое, государственное начало повсюду”¹⁾...

Не ясно-ли, что между римскимъ кесаремъ и вообще той властью, съ которой имѣлъ дѣло Ап. Павелъ, и властью Русского Самодержца непроходимая пропасть!.. Кесарь отвергъ „Бога“ и призналъ превыше всего себя самого. Получивъ власть отъ Бога, онъ, подобно нашимъ прародителямъ, захотѣлъ самъ стать Богомъ и объявилъ себя таковымъ, т. е. *никъмъ* не ограниченнымъ властелиномъ, воля или хотѣніе котораго абсолютный законъ. Въ его лицѣ власть дѣйствительно въ самомъ существѣ своемъ богопротивна, антихристова, какъ исключающая верховенство воли Божией, или власти Царя Царей. Конечно, подчиненіе *такой* власти Ап. Павелъ отвергъ, потому что абсолютно неограниченнымъ признавалъ только Бога, отъ котораго получили право на существование всѣ высшія человѣческія власти—эти слуги Божіи, установленные имъ для насажденія въ мірѣ добра (Римл. 13 гл. 1—2 ст.). Всльдъ за Ап. Павломъ и всѣ христиане должны отвергнуть, хотя бы цѣною мученичества, власть римского „кесаря“, но никакъ не верховную власть Самодержца, которая, какъ сказано выше, „не ограничена“ лишь волею гражданъ, но всецѣло ограничена волею Бога. Никогда Русскій Самодержецъ не посягалъ, по самому су-

¹⁾ См. нашу брошюру: „Орловск. мисс. съѣздъ, въ связи съ вопрос. о своб. совѣсти“—стр. 99, 100, 103.—Къ сожалѣнію, въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте „правовой порядокъ“ признанъ неизмѣримо выше существующаго и глубокою древностью освященнаго этически-религіознаго строя государственного организма Россіи, и намѣченъ, какъ идеалъ, къ которому должна стремиться Россія, въ частности Русское Правительство. Уже приняты и рѣшительныя мѣры къ проведенію этого идеала въ жизнь страны, съ цѣлью „ успокоенія“ ея. Впрочемъ, въ томъ-же докладѣ дѣлается признаніе, что 135 миллионовъ разнороднаго населенія Россійской Имперіи „воспитаны на иныхъ началахъ“, и посему никакому правительству не подъ силу сразу приготовить страну къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка, сразу провести эти нормы въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ...—Тогда изъ за чего же сыръ боръ загорѣлся!.. И дѣйствительно-ли *насильственное* проведеніе въ жизнь Россіи нормъ правового порядка дастъ *успокоеніе* странѣ!.. Кажется, торжество „нормъ правового порядка“ за послѣдніе семь лѣтъ уже дало на поставленный вопросъ рѣзко и неоспоримо отрицательный отвѣтъ: при „нормахъ правового порядка“ мы остаемся и безъ права, и безъ совѣсти!..

ществу своей власти, на Божье; никогда не объявляя закономъ „свое хотынє“ и не требовалъ себѣ *божескаю* поклоненія. „Не мнѣ, не мнѣ, скажетъ онъ, а имени Твоему, Господи“, такъ какъ я исповѣдалъ Тебя своимъ Царемъ, а себя Твоимъ слугою. И такой власти Ап. Павель повиновался и такую власть, делегированную *отъ Бога*, онъ заповѣдалъ намъ въ посланіи къ Римлянамъ, какъ и Ап. Петръ въ своихъ посланіяхъ, почитать и ей повиноваться. „Бога боитесь, царя чтите“, чтите „какъ *верховную власть*“ и притомъ „для Господа“, говоритъ Ап. Петръ (1 Петр. 2, 13—17 ст.). „Всякая душа да будетъ покорна *высшимъ* властямъ, вторить Ап. Петру св. Ап. Павелъ, ибо *ничьи власти не отъ Бога*; существующія-же власти отъ Бога установлены. Посему противящіяся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе“ (Римл. 13, 1—2). И мы знаемъ, что языческій міръ, отвергнувъ власть, какъ Божіе установленіе, тѣмъ навлекъ на себя осужденіе, погубивъ противъ своей воли самочинную власть „кесаря“ и созданное ею на глиняныхъ ногахъ величие римской имперіи.

Этотъ жребій грозитъ и Россіи, если только этически-религіозное Самодержавіе, вполнѣ пріемлемое христіанскою совѣстю, и свято оберегающее христіанскую свободу, смыннится у насъ чисто-правовымъ строемъ. Русскій народъ не снесетъ такого строя. Не снесетъ онъ его и потому, что, по природѣ своей, является демократомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова. А лучшая демократія, какъ справедливо замѣтилъ еще Гейне, та, где *единая* личность стоить во главѣ государства, какъ воплощеніе *народной* воли, какъ Богъ во главѣ правленія міромъ. Подъ властью этого воплощенія народной воли, какъ подъ державою Бога, процвѣтаетъ самое устойчивое равенство людей, самая настоящая демократія.—Только такая власть ведетъ всякую аристократію: крови, капитала и пр... къ потерѣ господства надъ плебсомъ. Только такая власть могла надѣлить русскихъ плебеевъ закономъ 19-го Февраля 1861 г...

Понятно, почему всѣ подкопы подъ *народную* Самодержавную власть у насъ ведутся со стороны враговъ русскаго плебса, хотя послѣдній, по недомыслію, и самъ содѣйствуетъ

ограбленію себя, продавая, нерѣдко, свое первенство за чечевичную похлебку.

Но мы увѣрены, что русскій народъ скоро очнется и мощною грудью воскликнетъ: кто за Русь *Самодержавную*, тотъ за Русь *народную*, за Русь *крестьянскую!* Мы увѣрены, что скоро онъ пойметъ, что, кто противъ Царя *Самодержавного*, тотъ за Русь господско-холопскую, иноземную, инородческую!.. Да,—великій русскій народъ, несмотря на хожденья по распутьямъ, еще не потерялъ своего политического и государственно-соціального смысла, почему онъ и не отдастъ *географично-самодержавной* власти своего Русскаго Царя никакимъ Одиссеямъ и Діомедамъ. Чары этихъ заѣзжихъ и доморощенныхъ авантюристовъ онъ стряхнетъ и Русскій Монархъ всегда громовымъ голосомъ будетъ исповѣдывать: „*и мѧсъ Божій* повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правлѣнія, съ вѣрою въ истину *Самодержавной* власти, которую Мы призваны утверждать и охранять *для блага народа* отъ всякихъ на нее поползновеній“ (Высоч. Маниф. 29 апр. 1881 г.).

И. Айвазовъ.



Церковная хроника.

Марео-Маринская Обитель Милосердія въ Москвѣ.

„Внимай же Ему, какъ Марія;
Какъ Маріа, Ему послужи“...

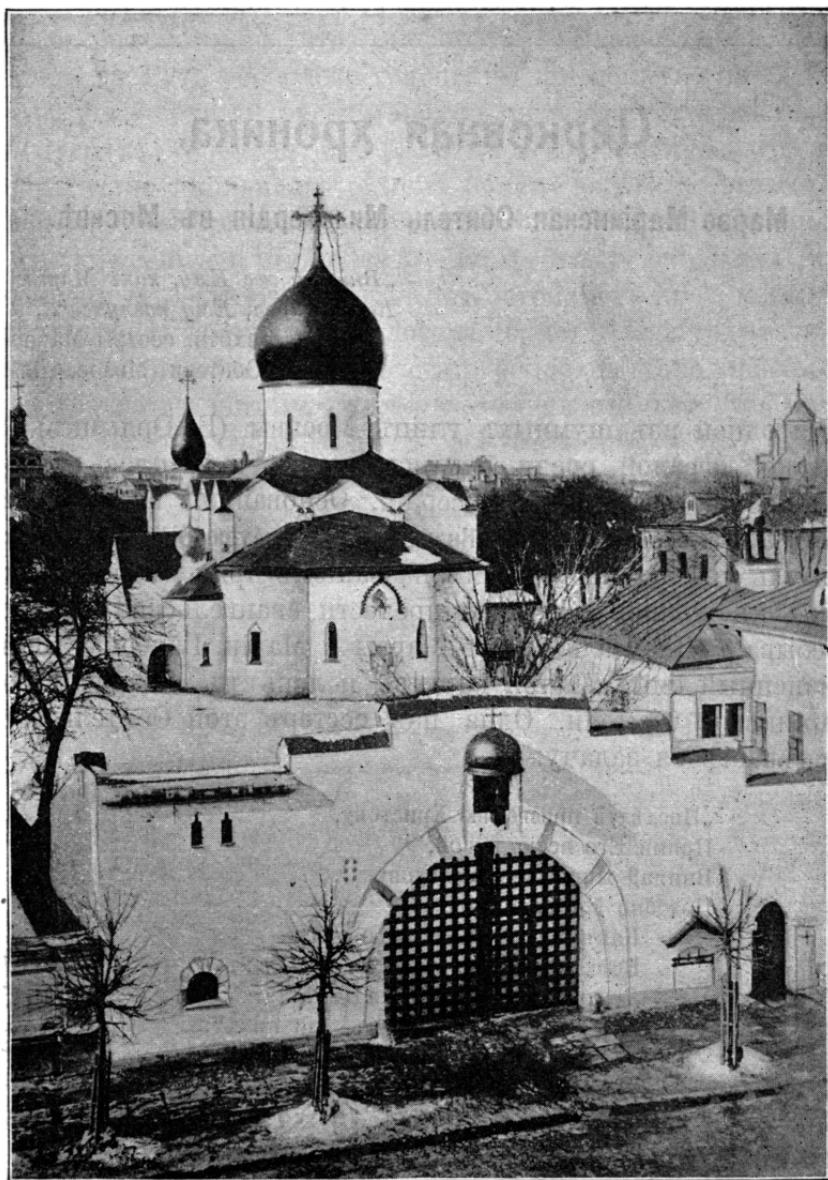
(Изъ стихотв. сестры Марео-
Маріи. Обители Милосердія).

На одной изъ шумныхъ улицъ Москвы (Б. Ордынкѣ), за высокой оградой, среди большого парка пріютилась Марео-Маринская Обитель Милосердія. Основанная **Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Елисаветою Феодоровною** эта обитель уже однимъ своимъ названіемъ приковываетъ взоръ нашъ къ полной чарующей прелести евангельской картины пребыванія Иисуса въ домѣ Мароы и Маріи. Глубокій вѣчно жизненный смыслъ этой картины и легъ въ основу Марео-Маринской Обители. Одна изъ сестеръ этой Обители такъ воспѣваетъ ея задачу:

„Послѣдуй призванью Христову,
Прими Его всею душой,
Внимай животворному слову,
Подобно Маріи святой....
Какъ Маріа заботься о тѣлѣ
Всѣхъ слабыхъ, убогихъ, больныхъ;
Любовь докажи имъ на дѣлѣ:
Все сдѣлай, что можешь, для нихъ“....

Вотъ это *дѣятельное христіанство*,—неразрывное сочетаніе вѣры съ дѣлами,—красною нитью проходящее чрезъ каждую іоту Евангелія, и является идеаломъ Марео-Маринской Обители, почему она и наименована Обителью **Милосердія**. Достаточно выйти за ограду обители въ толпу мятущейся улицы, съ ея послѣдними продуктами современной куль-

туры, чтобы понять, какъ надо въ нашъ жесткій вѣкъ *милосердіе...* и *милосердіе...* И уже одинъ только звукъ: „Обитель Милосердія“, какъ-то ласкаеть и радуетъ сердце, обросшее колючими шипами современности.



Общий видъ Марео-Маринской Обители Милосердія.

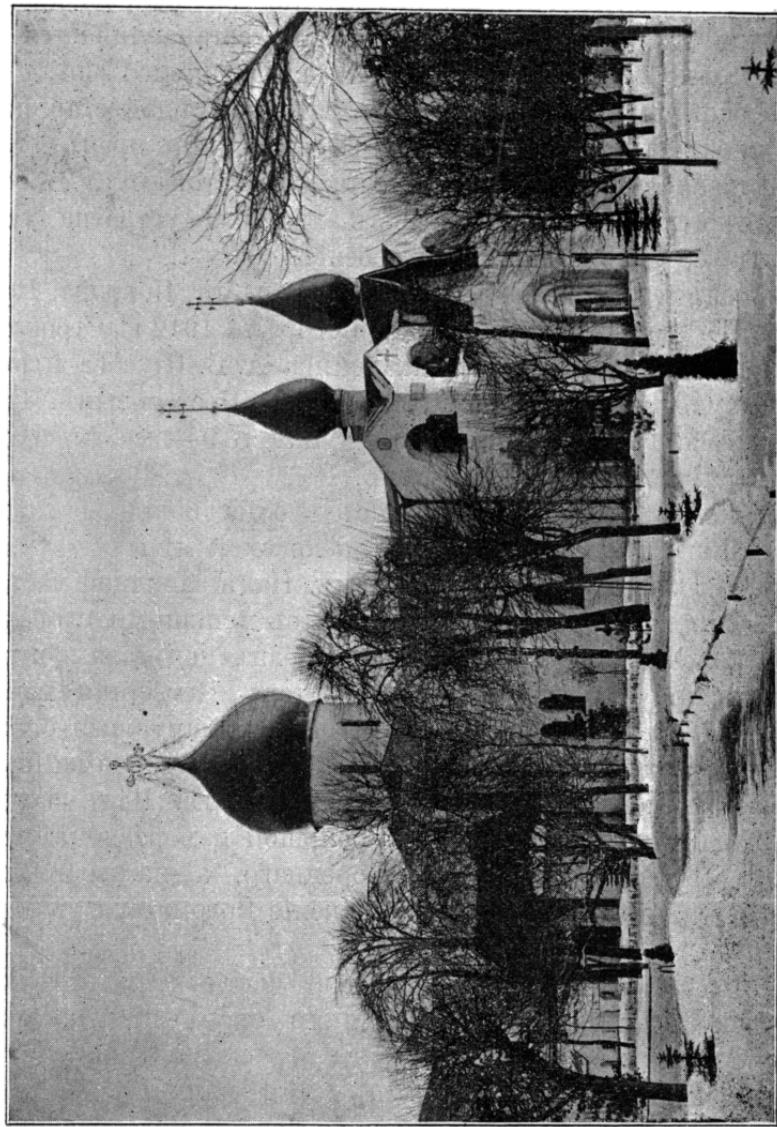
Но вотъ мы и у воротъ обители. Здѣсь сооружена небольшая часовенька и сестры читають псалтырь по умершимъ сестрамъ обители и ея благотворителямъ. Скромныя, въ древне-русскомъ стилѣ, „святые ворота“ обители сквозь свою рѣшиетчатость открываютъ весь дворъ обители. Входимъ во дворъ. И прежде всего нашъ взоръ невольно останавливается на ослѣпительной бѣлизны храмѣ, возвышающемся на площадкѣ обширнаго парка. Сразу вѣтъ той сѣйдой стариной, когда сложилась „Святая Русь“. Точно видишь предъ собою храмъ древнестольнаго Кієва, Великаго Ростова или Псковско-Новгородской волынницы. Подъ храмомъ устроена усыпальница со склепами для погребенія.

Заложенъ храмъ 22 Мая 1908 г, въ честь Покрова Пресвятаго Богородицы, а освященъ 8 Апрѣля 1912 г. Строился онъ по планамъ архитектора-академика А. В. Щусева и расписанъ художникомъ-академикомъ М. В. Нестеровымъ. Размеры храма: 15 саж. длины, 5—ширины и 9—высоты. Вмѣстимость храма до 1000 человѣкъ.

Надъ центромъ храма возвышается одна большая глава, съ стариннымъ куполомъ, крытымъ красной мѣдью и увѣнчаннымъ древняго рисунка крестомъ. Надъ западной частью храма—две по старинному звонницы съ меньшими главами, съ колоколами, звонъ которыхъ подобранъ подъ знаменитые колокола при соборѣ Великаго Ростова. Четвертая малая глава рядомъ съ большой надъ ризницей. Наружныя стѣны храма, его арки и колонны красиво отдѣланы орнаментами, или высѣчены изъ камня въ древнемъ стилѣ. Надъ западными входными дверьми храма—большой изъ разноцвѣтной мозаики образъ Спаса Нерукотвореннаго, а на восточной алтарной стѣнѣ—мозаичное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ.

При входѣ въ храмъ—въ западной части храма свѣтлая трапезная съ двумя рядами большихъ оконъ въ древнемъ стилѣ. Стѣны трапезной украшены фресковой живописью. На одной стѣнѣ приковывается къ себѣ вниманіе картина: „Святая Русь“, изображающая труждающуюся и обремененную Русь, иллюструющую навстрѣчу Христу. Христосъ какъ-бы выходитъ изъ березового лѣса, въ глубинѣ которого виднѣется скитокъ; вотъ Онъ мягко ступаетъ по ковру зеленої

травы и пестрѣющихъ цвѣтовъ; къ Нему обращены взоры колѣнопреклоненныхъ и стоящихъ русскихъ женщинъ, сестеръ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; виднѣются крестьяне, калѣка-солдатикъ, старецъ-схимникъ и пр... А кругомъ зелень без-



Новоосвященный Покровский соборъ Марео-Маріинской Обители Милосердія.

предѣльныхъ полей, отблескъ вечерней зари въ зеркально-спокойномъ озерцѣ... Дивная чарующая картина повседневной русской были... Жиль и живеть русскій человѣкъ съ Христомъ, такъ сказать, „по семейному“, посить Бога и

Христа у себя „за пазушкой“!.. На боковыхъ стѣнахъ трапезной висятъ два кіота съ изображеніями святыхъ угодниковъ—строителей и печальниковъ Русской Земли.

Но вотъ и *главный храмъ*. Глаза невольно останавливаются на дивной картинѣ: *Христосъ у Мароы и Маріи*. Здѣсь какъ-бы небо—Марія и земля—Мароа сочетались въ служеніи Христу. Каждый служитъ отъ своего дара: небо—ду-



ховнаго, земля—тѣлеснаго, материальнаго. Въ Мароѣ и Маріи какъ-бы сказался весь человѣкъ, его тѣло и душа, отдавшія себя всецѣло Христу.—Зачѣмъ? Для какой конечной цѣли? Ради „Утра воскресенія“, какъ-бы отвѣчаетъ здѣсь же находящаяся картина „Утро воскресенія“... Воскресеніе изъ мертвыхъ—это краеугольный камень надеждъ христіанина, безъ каковаго камня тщетна и вѣра христіанская и жалокъ человѣкъ.

вѣкъ!.. И съ какою отрадою смотрить христіанинъ на „Утро воскресенія“ Христа, видя въ немъ залогъ и *своего* „Утра воскресенія“, мирища его со всѣми скорбями земной юдоли, разсѣивающаго въ немъ звѣриную тьму и насаждающаго въ человѣкахъ благоволеніе... И въ этотъ мигъ какъ-бы явственно чувствуешь благодатное пантіе Св. Духа, парящаго въ высотахъ храмового купола.

За клиросомъ виднѣются хоругви въ формѣ стяга. Съ южной стороны—пристройка; въ ней дубовый иконостасъ съ иконой Федоровской Божией Матери. Въ аркѣ, отдѣляющей эту пристройку отъ храма,—иконостасъ, даръ храму отъ Киевского гренадерскаго полка; въ другой аркѣ, отдѣляющей съверную паперть отъ храма,—иконостасъ, даръ Черниговскаго гусарскаго полка. Но вотъ мы и у главнаго центральнаго иконостаса: одноярусный, дубовый, обитый сребряной басмою. Живопись византійская. У жертвенника красуется хрустальный крестъ—даръ **Государыни Императрицы Александры Феодоровны**. А на горнемъ мѣстѣ, точно живая,—**Богоматерь съ омофоромъ**, въ честь Которой посвященъ храмъ.

Подъ этотъ дивный омофоръ искони Святая Русь прибѣгаетъ въ тяжелыя годы. И сколько милосердія излила Пресвятая Владычица на Св. Землю Русскую!.. Сколько упокоила она труждающихся и обремененныхъ!.. И чтить Ее Святая Русь, вонія къ Ней: „Пресвятая Богородице, покрой насть отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ!“... Подъ сѣнь этого омофора прибѣгла и Маріо-Маріинская Обитель Милосердія, прибѣгла подъ сѣнь омофора Той, у Которой милосердіе къ людямъ неисчерпаемо, Которая и Сына Своего Единороднаго отдала для спасенія людей. Да покроетъ-же Пресвятая Владычица Своимъ омофоромъ и Маріо-Маріинскую Обитель Милосердія, и да дастъ ея наслѣнициамъ свято блюсти Евангельскіе завѣты любви и милосердія.

И. Айвазовъ.

Жекрологъ.

† Петербургскій Митрополитъ Антоній.

2-го Ноября въ 4 часа 35 мин. утра въ Бозѣ тихо опочилъ на 66-мъ году отъ роду первоіерархъ Русской Церкви Митрополитъ Петербургскій и Ладожскій Антоній. Сынъ сельского священника о. Василя Вадковскаго, изъ села Ширингуши, Спасскаго у., Тамбовской губ., Александръ Вадковскій прошелъ всю духовную школу, закончивъ свое образованіе въ 1870 г. въ Казанской Дух. Академіи, где онъ и остался преподавателемъ по каѳедрѣ церковнаго проповѣдничества и пастырскаго богословія. Семейное горе,— потеря жены и двухъ дѣтей,—побудили его принять 4 марта 1883 г. монашество, съ именемъ Антонія. Въ Ноябрѣ того же года онъ въ санѣ архимандрита назначается инспекторомъ Казанской Академіи, откуда уже въ 1885 г. его переводятъ инспекторомъ Петербургской Дух. Академіи. Въ Маѣ 1887 г. въ санѣ епископа Выборгскаго онъ утверждается ректоромъ той же Академіи. Въ 1892 г. епископъ Антоній назначенъ быть архіепископомъ вновь образованной Финляндской епархіи и постоянно присутствующимъ членомъ Св. Сѵнода. Высочайшимъ рескриптомъ 25 Дек. 1898 г. высокопреосвященный Антоній былъ призванъ стать Митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ. Почти 14-ть лѣтъ стоялъ въ Бозѣ почившій Архипастырь на весьма трудномъ посту первоіерарха Русской Церкви. И, если принять во вниманіе, что эти 14-ть лѣтъ представляютъ собою, вслѣдствіе особыхъ условій, въ какихъ протекала за этотъ періодъ церковная и государственная жизнь въ Россіи,—то нетрудно понять тотъ тяжкій недугъ, который, имѣя и родовой зародыши, быстро развился и преждевременно свелъ въ могилу высокаго Святителя Русской Церкви.

Стоя у свѣжей могилы Святителя, мы не находимъ въ себѣ порыва къ оцѣнкѣ его, какъ церковнаго дѣятеля. И не потому только, что мы радикально расходились въ принципіальныхъ вопросахъ съ почившимъ Святителемъ, съ которымъ не разъ имѣли случай бесѣдоватъ, и каковое расхожденіе неминуемо вызвало бы съ нашей стороны нерѣдко и очень суровое осужденіе многихъ сторонъ церковной дѣятельности почившаго Архипастыря, какъ Кормчаго Русской Церкви,—но и потому, главное, что у свѣжей могилы мы всецѣло отдаемся мысли о почившемъ, какъ *просто о человѣкѣ*. И съ этой стороны мы всегда знали, по собственному опыту, почившаго Архипастыря, какъ „человѣка сердца“, какъ человѣка, преисполненнаго любви и всепрощенія. И эта Его отличительная черта была постояннымъ Его спутникомъ. Она мирила съ Нимъ и Его принципіальныхъ противниковъ, которые, въ силу этого, никогда не теряли съ Нимъ духовной связи, находя въ Его любвеобильномъ сердцѣ некоторую утѣху для своего идеинаго расхожденія съ Нимъ.

Миръ праху Твоему, любвеобильный Архипастырь!.. Любовь и всепрощеніе—Твои неотъемлемые дары, кои Ты возрастилъ среди терній сего міра. Пріими же и отъ насъ послѣднее цѣлованіе!..

И. А.



Политическое Обозрение.

В О Й Н А.

Истекающему 1912-му году, очевидно, суждено стать эрою новой жизни Балканскихъ славянъ. Славянскій мечъ побѣдоносно разсѣкаеть Гордіевъ узелъ на Балканахъ, коимъ славянская колесница была привязана въ концертѣ европейской дипломатіи. Многомилліонное балканское славянство буквально задыхалось и истекало кровью въ тискахъ этой дипломатіи, а она однимъ глазомъ сочувственно роняла слезы, другимъ же ликовала падъ муками славянъ. Въ утѣху имъ она то предлагала безконечные проекты разныхъ реформъ, которая Турція пренеправно топила въ славянской крови, то, наконецъ, поднесла имъ „младо-турецкій режимъ“, ставшій дракономъ для славянства. Разбушевавъ всѣ низменныя страсти турокъ и имъ подвластныхъ дикихъ ордъ, объединенныхъ съ ними на почвѣ мусульманства, „младотурецкій режимъ“ возмечталъ о вищшемъ величіи Турціи. Но, лишенный практическаго и политического смысла, онъ попалъ въ объятія собственныхъ миражей, чѣмъ искусно воспользовалась Италія, надѣливъ себя на счетъ Африканскихъ владѣній Турціи. Обезкураженный вѣроломствомъ своихъ „друзей“, младотурецкій режимъ, однако, не вышелъ изъ подъ ихъ опеки и, по совѣту инструкторовъ съ Шпрее-Дуная, задумалъ компенсировать себя за счетъ Персіи. Но тамъ ему пришлось столкнуться съ Россіей и Англіей,—и онъ отступилъ... Однако, политическая страсти у младотурокъ бушевали. Онѣ искали выхода. Появились грозные симптомы по адресу „вѣроломныхъ друзей“. И вотъ „друзья“ съ Шпрее-Дуная указали туркамъ на Балканскихъ славянъ. Традиціонная, подогрѣваемая религіозною рознью, вражда къ Балканскимъ

славянамъ, жажда компенсацій для славы младотурецкаго режима, совѣты Ахитофеловъ съ Шпрее-Дуная сдѣлали свое дѣло. И Турція бросила вызовъ Балканскимъ славянамъ. Послѣднимъ ничего не оставалось, какъ только припять вызовъ.

И вотъ мы являемся свидѣтелями геронческой борьбы Балканскихъ славянъ съ Турціей, этимъ вѣковымъ вампиромъ балканского славянства. Въ этой борьбѣ сторону славянъ приняла колыбель православія Греція, также истекающая кровью въ тискахъ Турецкаго вампира. Присоединеніе Греціи къ Балканскимъ славянамъ стѣлало войну балканскихъ союзниковъ съ Турціей уже не только національной (для славянъ), но и религіозной,—войной христіанъ противъ мусульманскаго ига, войной Креста съ полумъсяцемъ. Турція, не безъ совѣта, конечно, своихъ „друзей“, коимъ, какъ христіанамъ, „неловко“ было въ священной войнѣ христіанъ съ мусульманами стоять на сторонѣ послѣднихъ,—сдѣлала, было, усилия послуями выдѣлить Грецію изъ союза балканскихъ славянъ и тѣмъ придать войнѣ характеръ исключительно политической, т. е. противославянской, чѣмъ облегчалась помощь Турціи съ береговъ Шпрее-Дуная и парализовались враждебныя Турції выступленія Англіи изъ-за симпатій ея къ Греціи. Однако, Греція откинула послузы, зная, по опыту, имъ цѣну,—и герончески удерждалась на высотѣ своего въ данный моментъ исторического призванія быть союзницей балканскихъ славянъ. Такимъ образомъ, война съ Турціей сохранила свой священный характеръ. Смущенный Шпрее-Дунай, въ борьбѣ съ славянско-греческимъ союзомъ, перешелъ на почву собственнаго давленія на союзниковъ, стараясь то перессорить ихъ, создавъ призрачную колизію ихъ личныхъ интересовъ, то запугать ихъ измыщленными нарушеніями — де интересовъ Шпрее-Дуная чрезъ отчужденіе союзниками той или другой завоеванной ими Турецкой территории.

Къ счастью, балканскій славянско-греческій союзъ мужественно дѣлаетъ свое дѣло и геройски честно и свято блюдетъ свое внутреннее единеніе, справедливо видя въ немъ единственный залогъ счастливаго для себя исхода военной и дипломатической кампаніи, стоявшей славяно-грекамъ горы тѣль и моря крови и слезъ.

Видя неудачу Шпрее-Дуная, Турція дѣлаетъ попытки сама, безъ заграничныхъ „честныхъ маклеровъ“, договориться съ балканскимъ союзомъ объ условіяхъ мира. Но попытки эти пока не увѣнчиваются успѣхомъ, вслѣдствіе неискренности Турціи и ничтожныхъ съ ея стороны территоріальныхъ уступокъ побѣдителямъ. Однако, путь *непосредственныхъ* переговоровъ Турціи съ балканскимъ союзомъ—это самый вѣрный для Турціи путь къ окончанію, съ наименѣшимъ ущербомъ, гибельной для нея войны. Если же Турція безнадежно отдастъ себя и дальше въ руки Шпрее-Дунацкихъ „инструкторовъ“, то ей придется заплатить уже не только по счету балканского Союза... Недалекое будущее дастъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. А сейчасъ отъ всей души пожелаемъ балканскому славяно-греческому союзу побѣдно, въ тѣснѣйшемъ братскомъ единеніи, довершить начатое дѣло борьбы за общую свободу отъ ига турокъ и ислама.

И. М—скій.



Библіографія.

I. Протоієрей А. Никольский. — *Ліса „духовного чина“ Московської єпархії въ ихъ служеніи Церкви и отечеству въ 1812 году.* — Москва. 1912 г. Ц 1 руб.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла книга настоятеля Казанскаго Собора прот. А. В. Никольского. Авторъ поставилъ задачею вспомнить о подвигахъ духовенства Московской єпархії въ бѣдственное время Отечественной войны. Память объ этихъ подвигахъ, по словамъ автора, должна быть священнаю для потомковъ, какъ доброе, возбуждающе и воодушевляюще преданіе, своего рода нравственное напутствіе добраго старого времени современному памъ поколѣнію.

Съ своею задачею авторъ справился прекрасно. Онъ далъ обильный *фактический* матеріалъ, ярко свидѣтельствующій о геропческомъ служеніи Церкви и Отечеству Московскаго столичнаго и уѣздно-сельскаго духовенства въ Отечественную войну. Предъ нами, какъ живые, встаютъ эти, въ массѣ забытые, герои: то до смерти защищающіе храмы Божіи отъ непріятеля, то самоотверженно вдохновляющіе народъ на борьбу со врагомъ, то принимающіе участіе въ самыхъ военныхъ операціяхъ русскихъ войскъ... Авторъ приводить подлинное донесеніе 5 янв. 1813 г. епископу Дмитровскому Августину отъ Московскаго главнокомандующаго графа Ф. В. Растворчина: „по всѣмъ, собраннымъ мною свѣдѣніямъ, писалъ гр. Растворчинъ, духовенство Москвы и ея губерніи, во время пребыванія въ ней врага святыни и человѣчества, не переставало исполнять обѣты своего священнаго сана, напоминая народу словомъ и дѣломъ обязанности его передъ Богомъ и Царемъ. Многіе изъ сихъ почтенныхъ пастырей сдѣлялись жертвами ихъ усердія и пали подъ мечемъ лютыхъ безбожниковъ. Поученія Ваши и внушенія служителей

Православной Церкви нашей преобразили смиренныхъ поселянъ въ мужественныхъ защитниковъ отечества нашего, принявшихъ смерть за вѣру и вѣрность“.

Книга читается легко и съ захватывающимъ интересомъ. Мы рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ служителей и дѣятелей Церкви, такъ она имѣть значеніе общечерковное, служа, сверхъ указанныхъ авторомъ цѣлей, и прекрасной апологіей духовенства противъ клеветническихъ навѣтовъ на его дѣятельность въ эпоху 1812 года.

И. А.



ОПЕЧАТКИ.

Въ *Ноябрьск.* кн. „Гол. Церкви“ на стр. 190-й, въ статьѣ Н. Виноградскаго, послѣднія 12 строкъ, отъ словъ: „Въ этомъ...“ и до конца составляютъ *редакціонное примѣчаніе* и по ошибкѣ напечатаны въ текстѣ статьи.

Ред.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

Условія подписки на 1913 годъ. Съ доставкой и пересылкой на:

12 м. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м
Въ Россіи. 12.— 11.20 10.40 9.50 8.50 7.50 6.50 6.— 4 80 3.60 2.40 1 20
За границу. 20.— 19.— 17.50 16.— 14.50 13.— 11.50 10.— 8.— 6.— 4.— 2.—

Подписка считается съ 1-го числа каждого мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кроме дней послѣ воскресеній и двунадесятыхъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 4 руб. къ 1 мая и 3 руб. къ 1 сентября. Невнесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ первого взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдельнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточныя крестьяне, православное духовенство деятели западныхъ, Привислянскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платить за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 к. За перемѣнныя адреса взимается каждый разъ 40 коп. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ конторѣ Редакціи (Москва, Петровка, домъ № 25), въ Петербургѣ — въ конторѣ Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ — Agence Navas, Place de la Bourse. **РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА** №№ Моск. Вѣд. въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Плата за объявленія: передъ текстомъ 40 коп., послѣ текста — 20 коп. со строки петита или за мѣсто, занимаемое ею въ одну колонну, за каждый разъ. Стоимость отдельныхъ №№ Моск. Вѣд. 5 коп.

Редакторъ-Издатель Л. А. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ~

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТИНИКЪ

1913 годъ.

Въ 1913 году Москов. Дух. Академія будетъ продолжать издание „Богосл. Вѣсти.“ по программѣ: I. Творенія св. Отцовъ въ русск. переводѣ (св. Максима Исповѣдника).—II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богосл., философ., историч. и общественнымъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Акад. и видныхъ представителей вицѣшкольного богословія.—III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйш. событий изъ Церковной жизни Россіи, православ. Востока, странъ славянскихъ и зап.-европейскихъ.—IV. Хроника академич. жизни; отчеты о магистр. диспутахъ, объ учен. юбилеяхъ, о работѣ научн. академич. обществъ и кружковъ и о перемѣнахъ во вицѣшней и внутренней жизни Академіи.—V. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностранн. богослов.-философской и церковно-историч. литературы.—VI. Приложения, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдельной нумерацией стран., труды выдающ. представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ.—VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 г. Органъ высшей Церковной школы, „Богослов. Вѣсти.“ самимъ полу-

женіемъ своимъ призываются къ неуклонному служенію, методами и орудіями науки, интересамъ св. Церкви. Раскрывать нетленныя сокровища Сокровищницы Истины и углублять пониманіе ихъ въ современномъ сознаніи, уяснить вѣчное и непрходяще значение церковности, показывать, что она есть не только моментъ и фактъ исторіи, но и непреложное условіе вѣчной жизни — такова прямая, положительная задача этого служенія Церкви. Но положительная задача неизбѣжно связывается съ задачею отрицательною,—съ борьбою противъ расхищенія духовного достоянія Церкви, съ расчисткою Церковныхъ владѣній отъ всѣхъ чуждыхъ природѣ ея силъ, покушающихся на ея собственность и на самое ея существованіе. Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“ **переводъ твореній св. Максима Исповѣдника**. Въ качествѣ приложенийъ къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подпишися ею въ 1913 году будутъ предложены пятая и шестая части твореній препод. Ефрема Сирина. Всѣмъ подпишися будетъ разослана бесплатно брошюра проф. Д. Ф. Голубинскаго.—Руководство къ пасхалии. Кроме того, въ редакціи остается ограниченъ количествомъ нижепоименованъ изданій, одно изъ которыхъ можетъ быть выслано бесплатно, по указанію подпишися: 1^о, Проф.-Прот. А. В. Горскій.—Слова. 2^о, Объ Антихристѣ. 3^о, Св. Левъ, папа Римскій. 4^о, Указатель къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“, первое десятилѣтіе 1892 г.—1901 г. Подпишися цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній препод. Ефрема Сирина **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ**. Прим. Безъ пересылки семь рублей, за границу—дѣсять. Допускается подпишка на журналъ безъ приложения (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока: при подпишися 4 руб. и къ 1 июля 4 руб.; для подпишися на журналъ безъ приложения разсрочка: при подпишися 4 р., и къ 1 июля 3 р. За перемѣну адреса 20 коп. Прим. Подпишися „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа. Журналъ „Прибавленія къ изданію твореній св. отцѣвъ въ русскомъ переводѣ“ за имѣющіеся годы высылается подпишися со скидкою 50% съ цѣнѣю каталога. **Адресъ редакціи:** Сергиевъ Посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ Павелъ Флоренскій.

ДВА ЖУРНАЛА ЗА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ.

Открыта подпишка на 1913 годъ на ежемѣсячный иллюстрированный литературно-научный журналъ

СВѢТОЧЬ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

(VII-й годъ изданія),

по программѣ обычной для ежемѣсячниковъ, съ общимъ отдѣломъ „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и отдѣльнымъ, по новой программѣ, **журналомъ для дѣтей**—„Маленький Свѣточъ“ подъ редакціей А. В. Круглова, при непосредственномъ раздѣленіи съ нимъ трудовъ по редакціи А. Н. Кругловой-Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра медиц. В. К. Недзвецкаго и инженер-технologа М. В. Лысновскаго и при сотрудничествѣ изѣстныхъ писателей и ученыхъ. Идя навстрѣчу желаніямъ подпишися, мы **расширяемъ** отдѣлы научно-историческій и „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и **прибавляемъ** выпускъ „Маленькаго Свѣточка“—**6 вмѣсто 5**. Такимъ образомъ, не увеличивая подписанной цѣны, мы вносимъ въ наше дѣло улучшенія какъ съ вѣнѣній, такъ и съ внутренней его стороны. **Всѣ подпишися за 4 руб. получать: 12 №№ иллюстрированного журнала СВѢТОЧЬ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ**, и бесплатныя приложения: **6 №№ иллюстр. дѣтскаго журнала МАЛЕНЬКИЙ СВѢТОЧЪ**, которые составлять за годъ цѣнныій томикъ разнообразнаго и полезнаго чтенія, по праву могущій занять мѣсто въ семейно-школьной

библіотекъ. 8 ЭЛЕГІЙ ВЪ ПРОЗѢ, подъ общимъ названіемъ „ЛИРИЧЕСКІЕ АНКОРДЫ“, изданные изящно, на хорошей бумагѣ. 1 книгу „ТРЕХСОЛЪТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ“. Эта книга будетъ составлена съ тѣмъ же строгимъ подборомъ, какъ и ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ,—премія къ журналу за текуцій 1912 г., и будетъ снабжена многими иллюстраціями. 1 книгу „МОЛІТВЕННИКЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ“ иллюстрированное чтеніе объ о Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Его жизнь и значеніе для Русской Церкви и народа). Подписанная цѣна на 1913 годъ со всѣми приложеніями: Безъ доставки въ Москвѣ 3 р. 60 к. въ годъ. Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой по Имперіи 4 руб. Можно подписываться въ разсрочку, внося при подпискѣ 2 р. 50 к. и къ 1-му марта 1 р. 50 к. Полугодовая подписка не принимается. За границу только на годъ и безъ разсрочки 6 р. 50 к. Книжнымъ магазинамъ при годовой полной подпискѣ комис. 20 к. съ экземпляра. Адресъ редакціи и конторы: **Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго пер., домъ гр. Олсуфьевой.** Покорнѣйше просимъ заблаговременно подписываться на журналъ, что важно для конторы въ смыслѣ заготовки адресовъ и выясненія тиража на годъ, дабы не нужно было (какъ въ настоящемъ году) допечатывать первые №№, что неудобно какъ для насъ, такъ и для подписчиковъ. Коллективныхъ подписчиковъ просимъ возможно ранѣе выслать списки съ адресами, уплачивая деньги (если подписка въ кредитъ) въ свои обычные сроки.

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ на первый и единственный монашескій иллюстрирован. двухнедѣльный ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ИНОКЪ“.

„Русскій Инонъ“, по указу Св. Сунода, 12 марта 1912 года, № 5, обязательно выписывается во всѣ мужскія и женскія обители Имперіи. „Русскій Инонъ“ издается подъ высшимъ руководствомъ и при непосред. участіи Члена Св. Сунода Антонія Архіепископа Волынскаго. **ПРОГРАММА:** Творен. св. Отецъ: Писанія позднѣйш. подвижниковъ и учителей иночества. Выпiskи изъ душеполез. книгъ. Уставы и Правила для иночествующихъ. Монастырскій Старецъ. Уставщикъ. Училище благочестія. Исторія Царства Божія на землѣ. Монацеская лира (стихотворенія). Иноческіе опыты. Иноческое поученіе. Жизнеописанія подвижниковъ и подвижницъ благочестія. По святымъ обителямъ (описанія, извѣстія и замѣтки). Отзывы о книгахъ. Монастырское рукодѣлье. Отвѣты на вопросы. Распоряженія Церков. Власти по монастырямъ. Стѣнная библіотека. На благословеніе. **Задача „Русскаго Иона“:** предложить назидательное и душеполез. чтеніевъ твореніяхъ и примѣрахъ св. Отецъ и позднѣйш. подвижниковъ благочестія, дать возможность населенію обителей дѣлиться другъ съ другомъ на страницахъ органа своимъ опытомъ духовнымъ, братъ брата окормляя; распространеніе въ обществѣ свѣдѣній о монастыряхъ, ихъ исторіи, святыняхъ, а также правильныхъ взглядовъ на монашество, его жизнь и задачи. За ТРИ рубля въ теченіе года подписчики получать: 24 выпуска журнала—свыше 1500 стр. и 200 рисунковъ—снимковъ видовъ обителей, ихъсвятынь, портретовъ подвижниковъ и проч. 24 иллюстрированныхъ листка „на благословеніе богомольцамъ“ до 150 стран. до 30 листовъ „стѣнной библіотеки“, изящно изданныхъ, съ художест.-исполнен. виньетками, заставками и проч. Всѣмъ подписчикамъ будетъ бесплатно разосланъ **иноческій стѣнной календарь** въ 365 листковъ большого формата. Въ видѣ бесплатныхъ приложенийъ намѣченъ и цѣлый рядъ книжекъ справочниковъ, для употребленія въ Церкви и келліи. Годовая плата за „Русскій Инонъ“ со всѣми приложеніями: съ начала года—ТРИ рубля, а съ 1 февраля и дальше—ТРИ руб. 50 коп. за границу—ПЯТЬ руб. 50 коп. ИНОЧЕСКИЙ СТѢНИНОЙ КАЛЕНДАРЬ въ продажѣ: 75 коп. съ перес. безъ перес. 50 коп. Адресъ: **Почаевъ, на Волыни—Редакція „РУССКАГО ИОНА“.**

На 1913-й годъ

Открыта подписка

на новый ежемесячный церковно-общественный журналъ:

„Голосъ Церкви“.

Журналъ: „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, вступая во **второй годъ** своего изданія, имѣть цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ ученіемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

Посему въ „ПРОГРАММУ“ журнала входятъ:

Отдѣль I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религіозно-назидательного содержанія. 2) Вѣроученіе и нравоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управлѣніе. 5) Вопросы современного пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная місія. 8) **Внутрення місія.** 9) **Русское сектантство**, соціализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и иновѣріе.

Отдѣль II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь человѣка. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библіографія и критика. 19) Политическое обозрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

Въ журналъ **принимаютъ участіе:** просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни.

Къ СВѢДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ И СОТРУДНИКОВЪ ЖУРНАЛА:

1) Годовая цѣна журнала **ЧЕТЫРЕ** руб., съ достав. и перес. За $1\frac{1}{2}$ года **2 руб.**; За границу **ПЯТЬ** руб. Подписанія деньги адресовать: „Москва. Кремль. Чудова монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“.

2) **Плата за объявленія** на послѣднихъ страницахъ: 1 стран. 20 руб., $\frac{1}{2}$, стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$, стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) Весь **литературный** материалъ для „Голоса Церкви“ надлежитъ направлять и за всѣми справками по журналу обращаться по адресу: „Москва. Бол. Тверская-Ямская, д. 48. Телеф. 172-76. Ивану Георгіевичу Айвазову“. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

4) При журналь издается „Лепта Обители Святителя Алексія“—народныя религіозно-просвѣтительныя и місіонерскія брошюрки. Цѣна за сотню **50** коп., съ пересылк. **75** коп.

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря **архимандритъ Арсений** и

Московскій епархіальныи місіонеръ **Иванъ Айвазовъ**.